

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Слово, сказанное въ недѣлю о Блудномъ Сынѣ 14 февраля 1910 года. **Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго** 1—XII
- Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ канонахъ въ Страстную седмицу. **М. В. Д.** 417—434
- Аріанскій споръ о познаваемости Бога. **Свящ. Евграфа Овсянникова** 435—450
- Идея нагляднаго обученія въ главныхъ моментахъ ея историческаго развитія и практическомъ примѣненіи. **В. Доброславскаго** 451—470
- Эстетическое воспитаніе въ духовной школѣ. (Окончаніе) **Александра Гладнаго.** 471—495
- Политическія формы жизни и народное развитіе съ философско-исторической точки зрѣнія. **Александра Нинольскаго** 496—516

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища за 1908—1909 учебный годъ.
II. Протоіерей Василій Дмитріевичъ Разумовскій. (Окончаніе).—**Н. Соловьева.**—Миссіонерскій листокъ. 1) Выписка изъ отчета о дѣятельности Основяненскаго миссіонерскаго кружка ревнителей Православія за 1909 годъ. **В. Ч.**—2) Съѣздъ духовенства четырехъ благочинническихъ округовъ Харьковской епархіи. *Помощ. мисс. свящ. Теодора Сулимы.*—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія. (Стр. 517—556).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

1910.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1909 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть пріобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РЪЧИЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

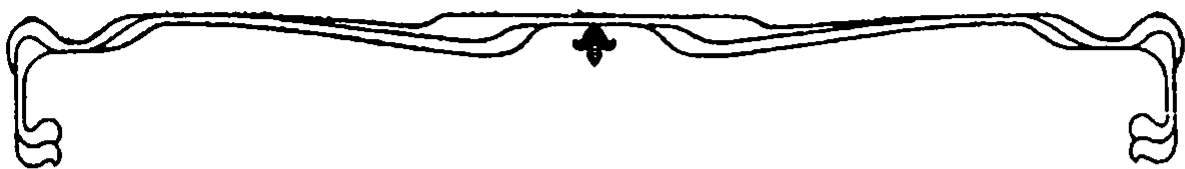
Πίστει κοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

За смертью священника о. Васипія Черкесова въ Харьковской епархіи освободилась должность епархіального миссіонера съ жалованьемъ, квартирными и разъѣздными 2600 р. въ годъ. Желаящіе занять эту должность могутъ подавать прошенія на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ приложеніемъ своего послужного списка и печатныхъ трудовъ по миссіонерской литературѣ.

СЛОВО

Выекопреосвященнаго Ареенія,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

сказанное въ недѣлю о Блудномъ Сынѣ 14-го февраля
1910 года *).

Вотъ уже вторая недѣля, какъ Св. Православная Церковь, наша чадолюбивая мать, усиленно призываетъ насъ къ возстанію отъ житейской суеты, безпечности и духовной лѣности, призываетъ насъ къ религіозно-нравственному пробужденію, прилагаетъ всѣ свои заботы поставить насъ на путь достойнаго приготовленія къ предстоящему намъ святому и спасительному Великому Посту!

Время Великаго Поста—для насъ вѣрующихъ христіанъ, время особенныхъ подвиговъ: строгаго тѣлеснаго и духовнаго воздержанія, сокрушенія о грѣхахъ и покаянія; время сіе въ высшей степени важное для духовной жизни cadaго изъ насъ: пренебреженіе имъ—величайшій грѣхъ, потеря и несчастье

*) Произнесено въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ.

для человѣка, усердное же и достойное прохожденіе его—глубоко спасительно, многоплодно, ибо даетъ безцѣнный религіозно-нравственный запасъ душѣ на долгое время. Поэтому и приготовленіе къ сему Великому Посту должно быть также особенное. И дѣйствительно, Св. Церковь, въ своихъ неустанныхъ попеченіяхъ о нашемъ спасеніи, употребляетъ разнообразныя воспитательныя и благодатныя мѣры, къ тому, чтобы заранѣе постепенно и какъ можно глубже ввести насъ въ духовное настроеніе предстоящихъ подвиговъ поста. Подготавливаетъ она насъ къ сему, начиная съ недѣли о Мытарѣ и Фарисеѣ, въ продолженіи сей наступившей недѣли о Блудномъ Сынѣ и затѣмъ въ теченіи третьей недѣли Мясопустной или о Страшномъ Судѣ. Она подготавливаетъ насъ особыми богослуженіями, евангельскими и апостольскими чтеніями, чрезвычайно умилительными и вдохновенными молитвословіями и пѣснопѣніями и нарочитыми правилами Устава для общественной и домашней жизни православныхъ христіанъ. Мудрыя дѣянія Св. Матери нашей Церкви въ этомъ случаѣ направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы возжечь и укрѣпить въ насъ духъ живой вѣры, горячей молитвы и глубоко-искренняго сознанія своихъ грѣховъ.

Вѣра прежде всего необходима для успѣховъ благочестивой жизни, ибо „безъ вѣры невозможно угодити Богу“ (Евр. XI, 6). Развѣ невѣрующій будетъ освѣщать земную жизнь свою высшими законами нравственнаго долга, совѣсти, Суда Божія и вѣчнаго воздаянія?! Развѣ съ потерю вѣры возможно сдѣлать свою жизнь богоподобною?! Нѣтъ! Невѣрующій въ Бога на мѣсто Закона Божія ставитъ для себя правиломъ жизни—себялюбіе, своекорыстіе, похоти и чувствен-

ныя блага. Жизнь невѣрующаго превращается въ животную борьбу за существованіе и въ ненасытную погоню за грубыми наслажденіями, она чужда духовнаго свѣта и высшихъ вѣчныхъ стремленій. Только вѣрующій въ Господа Іисуса Христа пребываетъ во свѣтѣ и идетъ истиннымъ путемъ богоподобія. Только онъ обрѣтаетъ во Христѣ высшія благодатныя силы для осуществленія своего вѣчнаго назначенія и для истинной добродѣтели. Всякіе подвиги и всякія добрыя дѣла челоуѣка получаютъ свое истинное значеніе и становятся дѣйственными, живыми и плодотворными только отъ вѣры и благодати Божіей, даруемой за вѣру. Поистинѣ вѣра въ Всгатріедиаго и въ Господа нашего Іисуса Христа есть тотъ неисчерпаемый и вѣчно-животворный источникъ, откуда рождается и процвѣтаетъ все свѣтлое, радостное, великое и святое въ жизни челоуѣческой! Какъ всегда, такъ и въ особенности въ эти дни приготовленія къ Великому Посту Св. Церковь усиленно печется о нашей святой вѣрѣ, стремясь возбудить ее въ беспечныхъ и разсѣянныхъ, поддержать ее въ унылыхъ, подавленныхъ, сомнѣвающихся и отчаявающихся, возыснить и развить ее въ слабыхъ и неопытныхъ...

Св. Церковь вѣдаетъ, что разъ воспламенится въ насъ этотъ духъ вѣры, то возникнутъ вслѣдъ за нею и тѣ чувства и стремленія, кои такъ необходимы для подвиговъ Св. Поста и прежде всего въ насъ ощутится самая искренняя и горячая потребность молитвы. Молитва, такимъ образомъ, слѣдуетъ за вѣрою. Вѣрующій, сознающій свое глубокое ничтожество и безграничныя святость, всемогущество и благость Божіи, неудержимо влечется къ Нему, дабы вступить съ Нимъ, источникомъ жизни, въ благодатное и сла-

достное общеніе. Молитва это—возвышеніе ума и сердца нашихъ къ Богу. Молитва даетъ человѣку счастье ощутить въ себѣ благодать Божію, поэтому въ ней опытно человѣкъ познаетъ духовную жизнь въ Богѣ, и всѣмъ своимъ существомъ оживляется, обновляется и возвышается: слабый становится сильнымъ, унылый—радостнымъ, безнадежный—надѣющимся, мрачный—свѣтлымъ, мятущійся—спокойнымъ, холодный—растворяется теплотою любви и милосердія къ ближнимъ... Но дабы съ такою именно молитвою мы вступили въ Великій Постъ, Св. Церковь научаетъ насъ умѣнію молиться, давая познать намъ, что не всякая молитва угодна Богу и спасительна для насъ, но молитва только истинная, достойная величія Божія и соотвѣтственная природѣ человѣка. А между тѣмъ бываетъ молитва людей суетная, бесполезная, неразумная и даже молитва оскорбительная для Господа, дерзкая и хульная... Вы знаете притчу Господа нашего Іисуса Христа о мытарѣ и фари́сеѣ (Лук. XVIII, 11—14): въ ней дается намъ примѣръ молитвы ложной и истинной. Два человѣка вошли въ храмъ помолиться: одинъ фари́сей, а другой мытарь. Фари́сей, ставъ впереди всѣхъ на видномъ мѣстѣ, молился самъ въ себѣ такъ: Боже! благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь: пощусь два раза въ недѣлю, даю десятую часть изъ всего, что пріобрѣтаю. Такъ молившійся фари́сей былъ убѣжденъ, что своею вѣрою, жизнію и молитвою онъ угождаетъ Богу. Однако же его молитва была не только бесполезна для него самого, но и еще оскорбительна для Господа. Фари́сей молился въ духѣ крайняго самодовольства, гордости и превозношенія надъ ближ-

ними, безъ сознанія своихъ грѣховъ и съ преувеличеннымъ восхваленіемъ своихъ добрыхъ дѣлъ. Въ молитвѣ онъ старался видѣть только свое величіе, онъ какъ бы поклонялся самому себѣ, ослѣпленный онъ не видѣлъ ни безконечнаго величія Божія, ни глубокой своей нищеты духовной. Мытарь же, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на небо. Сколько здѣсь сознанія святости храма и безпредѣльнаго величія Господа, сколько здѣсь страха и трепета предъ Господомъ, сколько смиренія, уничиженія и пониманія всей своей грѣховности и виновности! Ничѣмъ себя не оправдывая и не извиняя, подавленный страхомъ Суда Божія, мучимый угрызеніемъ совѣсти, онъ содрогался въ душѣ и, терзаясь виновностію своею, ударялъ себя въ грудь и говорилъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!“ И Господь съ безконечнымъ благоволеніемъ принялъ молитву мытаря, но осудилъ недостойную молитву гордаго фари́сея: „глаголю вамъ, яко сниде сей (мытарь) оправданъ въ домъ свой паче онаго: яко всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесетъ“ (Лук. XVIII, 14). Такъ молитва смиреннаго и сокрушеннаго мытаря угодна Господу! Кратка она и немногословна, но какъ она трогательна и какая глубина и сила смиренія содержатся въ ней! Она такъ близка, понятна нашему сердцу, и потому она въ чинѣ молитвъ поставлена на первомъ мѣстѣ и составляетъ основаніе домашнему молитвенному правилу православнаго христіанина. Съ истинною молитвою, слѣдовательно, должно быть соединено искреннее и горячее сознаніе своихъ грѣховъ, сокрушеніе, раскаяніе и обращеніе къ Господу. Чтобы возбудить въ насъ эти чувства и стремленія и этимъ направить насъ на путь великопостныхъ подвиговъ, Св.

Церковь нынѣ предлагаетъ намъ въ евангельскомъ чтеніи столь трогательную и глубочайшую по содержанию притчу Господа нашего Іисуса Христа о Блудномъ Сынѣ (Лук. XV, 11—32).

Что же изображаетъ она и въ чемъ сила ея назидательности? Въ блудномъ сынѣ этой притчи указывается образъ cadaго челоѵка: исторія жизни блуднаго сына есть исторія жизни cadaго изъ насъ. Когда мы читаемъ или слышимъ евангельское повѣствованіе о бѣдствіяхъ блуднаго сына, объ его отношеніяхъ къ отцу и къ своему наслѣдству, объ его легкомыслии, расточительности, объ его ужасныхъ лишеніяхъ, ослѣпленіи, о пробужденіи и мукахъ совѣсти, о безпредѣльной скорби его и о возвращеніи его къ отцу, мы во всемъ этомъ какъ бы узнаемъ черты нашей личной жизни. Каждое слово этой божественной притчи глубоко ударяетъ насъ въ сердце, воспоминаетъ намъ все нами лично пережитое и претерпѣнное, огнемъ прожигаетъ нашу совѣсть, и вмѣстѣ съ блуднымъ сыномъ мы начинаемъ горячо сокрушаться и въ слезахъ умиленія обращаться ко Господу съ мольбой о пощадѣ, помилованіи, о возвращеніи намъ Его Божественной отеческой любви... Три состоянія жизни грѣшнаго челоѵка изображаетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ этой великой притчѣ: путь развитія грѣха, развитіе сознанія грѣховности и путь покаянія и обращенія ко Господу.

Буйство своеволія, возстаніе противъ закона и власти отца, непослушаніе, дерзкое требованіе и взятіе наслѣдства отъ отца, безудержное стремленіе жить по своему—какъ хочется, эгоистическая погоня за наслажденіями, служепіе плоти и чувственнымъ страстямъ, мотовство, расточительность, и постыдная блуд-

ная жизнь съ любодѣйцами, и вслѣдъ затѣмъ нищета, позоръ, уничиженіе и жизнь со свиніями,— вотъ грязныя ступени той ужасной лѣстницы, по которой и блудный сынъ и всякій грѣшникъ нисходятъ все ниже и ниже по пути грѣха и порока! О, какъ часто, къ глубокому сожалѣнію, мы наблюдаемъ въ нашей дѣйствительной жизни именно эту картину паденія порочныхъ и несчастныхъ людей! Съ подобною же вѣрностію жизни эта притча изображаетъ далѣе вторую ступень въ жизни грѣшника. Невыносимыя тѣлесныя лишенія и презрѣніе у людей будятъ мысль несчастнаго грѣшника. Доселѣ онъ не размышлялъ о себѣ и не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Теперь же въ первый разъ онъ приходитъ въ себя, озирается вокругъ себя, едва узнаетъ себя, а когда онъ обращается внутрь себя, страхъ и стыдъ охватываютъ его. Онъ видитъ, ясно и съ ужающею скорбію сознаетъ, до чего онъ, наконецъ, палъ... Сознаніе своей теперешней бѣдственности соединяется въ немъ съ воспоминаніями прежней его жизни въ домѣ отца своего, какъ онъ былъ тамъ сытъ, богатъ, доволенъ, въ чести и въ любви у отца и людей...

Отъ такихъ воспоминаній прошлаго тѣмъ горше и мучительнѣе ощущается позоръ и мука настоящаго. Теперь предъ грѣшникомъ во всей безпощадной неотвратимости становится вопросъ: почему и по чьей винѣ онъ впалъ въ такія несчастія? Какъ страшная молнія его озаряетъ мысль, что всему случившемуся съ нимъ онъ самъ причина, что онъ самъ во всемъ этомъ виновенъ и у него не можетъ быть въ этомъ никакихъ оправданій и извиненій: а по сему онъ достоинъ горькаго осужденія и совершеннаго полнаго

возмездія отъ руки Господней. И мгновенно пробудившаяся совѣсть его поражаетъ своими беспощадными и огненными мученіями сердца. Какое ужасное состояніе онъ долженъ испытывать теперь! Какъ далѣе ему жить? Гдѣ ему искать выхода изъ такого невыносимаго положенія?

И вотъ въ это время предъ нимъ въ виду раскрывшейся бездны отчаянія и гибели возстаетъ свѣтлый и благостный образъ его любящаго отца. Здѣсь наступаетъ третья ступень жизни грѣшника. Мысль объ отцѣ, теперь тоскующемъ о немъ, являвшемъ ему прежде столько знаковъ своей безграничной родительской любви, снисхожденія и незлобія, эта мысль исполняетъ его и глубочайшей жалости о потерянномъ блаженствѣ и сладчайшей надежды на то, что и теперь отецъ не оттолкнетъ его, приметъ его и не дастъ ему погибнуть. Подавленный и разбитый доселѣ духъ его ободряется, лучъ свѣтлой надежды возбуждаетъ его упавшую силу воли. Несчастный грѣшникъ возстаетъ и исполняется рѣшимости возвратиться къ отцу своему, возвратиться хотя бы и не въ качествѣ достойнаго сына, но и въ качествѣ безотвѣтно виновнаго преступника, готоваго принять достойную кару, но жаждущаго только одного—быть съ своимъ отцемъ. „Въ себе же пришедъ, рече: колико наемникомъ отца моего избывають хлѣбы, азъ-же голодомъ гиблю; возставъ иду ко отцу моему и реку ему: отче, оогрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ. И возставъ иде ко отцу своему“ (Лук. XV, 17—20). И когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ и сжалился; и побѣжавъ, палъ ему на шею и цѣловалъ его, а сынъ

сказалъ ему: отче, я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою и уже не достоинъ называться сыномъ твоимъ. Но отецъ повелѣлъ рабамъ своимъ одѣть его во все лучшее, возстановилъ его въ домъ своемъ въ прежней чести, устроилъ свѣтлое пиршество и радуясь говорилъ: этотъ сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся. О, какою благодатною надеждою, бодростію и утѣшеніемъ исполняетъ сія божественная притча сердце каждаго грѣшника! Св. Церковь, предлагая намъ въ назиданіе ее нынѣ, этимъ самымъ возбуждаетъ насъ сознать всю бѣдственность нашихъ грѣховъ, оплакать ихъ, предаться горькому сокрушенію о своихъ паденіяхъ, но не отчаяваться: ибо у насъ есть Отецъ Небесный, Который ждетъ насъ, скорбитъ съ нами о нашихъ измѣнахъ Ему, и готовъ во всякую минуту поспѣшить намъ навстрѣчу нашимъ слезамъ, раскаянію и возвращенію къ Нему!...

За раскаяніемъ и обращеніемъ къ Богу должны слѣдовать подвиги покаянія: новая жизнь должна процвѣсти новыми дѣлами во спасеніе души и во славу Божію. И Св. Церковь располагаетъ насъ къ этому своими вдохновенными и умилительными пѣснопѣніями покаянныхъ тропарей и 136-го псалма, а затѣмъ грознымъ напоминаніемъ о неизбѣжности Страшнаго Суда Божія и вѣчнаго воздаянія.

Уже отъ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ и въ продолженіи всѣхъ слѣдующихъ воскресныхъ дней кончая 5-мъ воскресеньемъ Великаго Поста на утрени послѣ св. Евангелія поются тропари: Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче! Духъ мой, облеченный въ оскверненную мною тѣлесную храмину, все же непрестанно стремится ко св. Храму Твоему и Ты, о Все-

щедрыи. очисти меня благодіною милостію Твоею! Пречистая Богородице! Направь меня на путь спасенія: какъ я осквернилъ позорными грѣхами душу свою, въ какой лѣности и уныніи я провелъ жизнь свою! Но Твоими молитвами избавь меня отъ всякія нечистоты! Воспомявая множество содѣянныхъ мною золь, съ какимъ трепетомъ я ожидаю Страшнаго дня Суднаго! Но, надѣясь на милость человѣколюбія Твоего, подобно Давиду, вопію къ Тебѣ: помилуй мя, Боже, по величїи Твоей милости! Въ псалмѣ же 136-мъ: „на рѣкахъ Вавилонскихъ...“ Св. церковь напоминаетъ намъ изъ библейской исторіи Ветхаго Завѣта, какъ грозный Судъ Божій за грѣхи покаралъ евреевъ, предавши ихъ въ руки враговъ на семидесятилѣтній Вавилонскій плѣнъ, какъ евреи глубоко скорбѣли въ плѣну, на рѣкахъ Вавилонскихъ оплакивая гибель своего незабвеннаго Іерусалима и величайшей своей святыни—храма, какою ненавистію они исполнялись къ своимъ плѣнителямъ и какъ вразумленные бѣдствїями ига Вавилонскаго они покаялись, обратились ко Господу и, возвратившись на родину, ревностно предалися служенію Единому Господу Своему Спасителю. Всѣмъ содержаніемъ этого псалма Св. Церковь внушаетъ намъ мысль о томъ, что и мы всѣ такъ же странники и пришлецы на земли, здѣсь пребывающіе только временно по пути къ истинной своей отчизнѣ небесной, ко граду небесному Іерусалиму, что и мы здѣсь находимся какъ-бы въ плѣну у грѣховъ и страстей и по этой причинѣ жизнь наша здѣсь исполнена такихъ бѣдствїй и скорбей. И въ самомъ дѣлѣ, возлюбленные, какъ страшенъ для души этотъ плѣнъ страстей! Они овладѣваютъ человѣкомъ незамѣтно, діавольски обольщая и ослѣпляя его, они

подавляють въ немъ чистыя святыя стремленія къ небу, Богу, поработщуютъ его волю, усыпляютъ совѣсть и ниспровергаютъ его въ бездну неисчислимыхъ страданій и горя. Какъ терзается въ этомъ плѣну страстей бѣдный духъ человѣческій и съ какою тоскою и жгучею болью онъ ждетъ себѣ помощи свыше. И только ненависть ко злу, насъ плѣняющему, беспощадная борьба съ нимъ, раскаяніе и возвращеніе на путь къ небесному Іерусалиму приводятъ насъ ко спасенію и вѣчной жизни. Дабы при этомъ мы не дерзали ослаблять подвиги своего покаянія преувеличенными надеждами на всепрощеніе Божіе, Св. Церковь вслѣдъ за этимъ представляетъ намъ въ евангельскомъ чтеніи недѣли Мясопустной— бесѣду Господа о Страшномъ Судѣ Божіемъ,—судѣ неминуемомъ, безповоротномъ и нелицепріятномъ, за которымъ послѣдуетъ воздаяніе въ вѣчности: безконечнымъ блаженствомъ праведникамъ и безконечными мученіями грѣшникамъ.

Такъ Св. Церковь готовитъ насъ ко Св. спасительному посту Четырехдесятницы, и когда она проведетъ насъ съ такими своими назиданіями чрезъ всѣ эти подготовительныя седмицы, она поставляетъ насъ у самыхъ вратъ покаянія и поста, говоря намъ, что ночь прошла—наступилъ день: „се время благопріятное, се время покаянія, отложимъ дѣла тьмы и облечемся во оружія свѣта: яко да преплывше поста великую пучину, въ тридневное воскресеніе достигнемъ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, спасающаго души наша!“

Какъ благостны, какъ спасительны и матерински заботливы всѣ эти призывы Св. Православной Церкви къ достойному срътенію поста и къ подвигу

гамъ покаянія! Какая будетъ невознаградимая потеря для человѣка—пренебреженіе ими! Не будемъ же глухи къ нимъ! Откроемъ для нихъ сердце свое! На материнскую любовь къ намъ Св. Церкви отвѣтимъ сердечнымъ вниманіемъ къ ея благодѣльнымъ призывамъ, искренностію и горячностію въ молитвѣ, сокрушеніи и раскаяніи, усердіемъ въ подвигахъ наступающаго поста и покаянія! Пойдемъ по пути, указуемому Св. Церковію: путь этотъ ведетъ къ нашему спасенію и сладостнымъ надеждамъ вѣчнаго блаженства! Аминь.

Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ канонахъ на Страстную седмицу.

Каноны на Страстную седмицу составлены св. Космою, епископомъ Майюмскимъ, въ 8-мъ вѣкѣ, кромѣ канона въ великую субботу, который принадлежитъ отчасти ему, отчасти епископу Идрунскому—Марку, отчасти же благочестивой инокини Кассии, жившей въ 9 вѣкѣ.

Всѣ пѣснопѣнія канона, написанныя св. Космою, соединяются между собою слѣдующимъ акростихомъ, составляющимъ три шестистопныхъ ямбическихъ стиха:

Τῆ δευτέρα, τρίτη τε τετράδι (η) ψαλῶ,
Τῆ μακρᾷ πέμπτη μακρὸν ἕμνον ἐξάδω,
Προσάββατον τε σάββατον μέγα μέλω.

т. е. въ понедѣльникъ, вторникъ и среду буду пѣть: въ великій четвергъ продолжительную пѣснь воспѣваю; въ пятницу и великую субботу пою.

Первый стихъ является акростихомъ для ирмосовъ и тропарей трипѣснца въ великій понедѣльникъ (τῆ δευτέρα), двупѣснца въ великій вторникъ (τρίτη τε) и трипѣснца въ великую среду (τετράδι ψαλῶ). Второй стихъ составляетъ акростихъ для ирмосовъ и тропарей въ великій четвергъ, а третій—для ирмосовъ и тропарей въ великій пятокъ (προσάββατον τε) и 6-й, 7-й, 8-й и 9-й пѣсней канона въ великую субботу (σάββατον μέγα μέλω). Въ 9 вѣкѣ епископъ Идрунскій Маркъ

составилъ тропари 1, 3, 4 и 5 пѣсней канона по акростиху *καὶ σήμερον δε* (и нынѣ же), а ирмосами для нихъ взялъ уже существовавшія въ то время пѣсни, составленныя блаженной инокиней Кассіей. Такимъ образомъ, соединивъ со своими пѣснопѣніями пѣснопѣнія св. Кассіи и св. Космы, еп. Маркъ составилъ канонъ на великую субботу, въ которомъ замѣчается слѣдующій акростихъ: *καὶ σήμερον δε σάββατον μέγα μέλω.* т. е., и сегодня въ великую субботу пою. Ирмосы блаженной Кассіи стоятъ внѣ этого акростиха.

Въ канонахъ на Страстную седмицу изображаются послѣдніе дни Господа нашего Иисуса Христа, соотвѣтственно событіямъ, происшедшимъ въ великіе дни этой седмицы. Въ понедѣльникъ воспоминается вольное шествіе Господа на страданія и послѣднія назидательныя бесѣды Его съ учениками о смиреніи, взаимной любви; во вторникъ—поученія Его, сказанныя въ притчахъ о десяти дѣвахъ, о талантахъ и о послѣднемъ судѣ; въ среду—возліаніе на главу его мв-ра женою грѣшницею и преданіе Его Іудею книжникамъ и фарисеямъ; въ четвертокъ—совершеніе тайной вечери, преподаваніе ученикамъ таинства Тѣла и Крови Христовой, умо-веніе ногъ и предательство Іуды Искаріотскаго; въ пятокъ—молитва Господа въ саду Геесиманскомъ, страданія Господа и Его крестная смерть; въ субботу—погребеніе и сошествіе Его во адъ, какъ побѣдителя надъ смертію и врагами нашего спасенія. (См. Каноны Ловягина 213—214 стр.). Всѣ эти предметы изображаются въ пѣснопѣніяхъ по большей части священными словами Евангелія, которыя сами по себѣ сколько возвышены и сильны, столько же поучительны и трогательны для всякаго вѣрующаго.

Переводъ провѣренъ нами по греч. тексту Богослужбныхъ каноновъ, изд. Ловягинымъ (1861 г. 2 изд.), и по греческой Тріоди постной, изданной въ 1901 г. въ Афинахъ съ дозволенія Св. Синода.

ТРИПѢСНЕЦЪ НА ВЕЛИКІЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

*Церковный текстъ *).**Исправленный текстъ.*

ПѢСНЬ I.

ИРМОСЪ. Непроходимое волнящееся море, божіимъ своимъ велѣніемъ иссушившему, и иѣшествовати сквозѣ е израильскія люди наставльшему, господевн поимъ, славно бо прославися.

Неизреченное слова божія схожденіе, еже христось тоже есть богъ и человекъ *), еже богъ не восхищеніемъ быти нещевавъ **), вневгда воображати рабомъ, показываетъ ученикомъ, славно бо прославися.

*) Еже Христось *той же* Богъ... *Еже* по греч. *επερ* вин. причины буквально— *вслѣдствіе* чего; мы перевели бо.

**) *Еже* Богъ не восхищеніемъ быти нещевавъ по греч. *το θεος οδх αρπαγδου ειναι ηυησαρμενος*. Конструкція этихъ словъ такая: *ηυησαρμενος* (считая) *το ειναι* (бытіе) *θεος* (Богомъ) *οδх αρπαγδου* (не хищеніемъ).

Послужити самъ пріидохъ, егоже зракомъ создатель волею обложенъ есть, обнищавшему адаму, богатствуяй божествомъ, положити хотяй мою душу избавленіезанъ, иже безстрастный божествомъ.

ИРМОСЪ. Иссушившему Своимъ Божественнымъ велѣніемъ непроходимое волнуящееся море и наставльшему Израильстін люди сквозѣ его иѣшествовати Господевн поимъ. Славно бо прославися.

Неизреченно Слова Божія нисхожденіе: Христось бо есть самъ Богъ и человекъ: помышляя, яко быти Богомъ не корысть есть, показываетъ (се) ученикомъ, вневгда пріемлетъ образъ раба. Славно бо прославися. Филипп. 2, 6, 7.

Азъ, Создатель, богатый божествомъ, Самъ пріидохъ послужити обнищавшему Адаму и, безстрастенъ сый, положити душу Свою во искупленіе того, егоже образъ волею пріяхъ. Мѣ. 20, 28.

*) Церк. текстъ печатается по Трїоди постной, изд. въ Москвѣ въ Синод. типографіи 1904 года.

ПѢСНЬ 8.

ПРМОСЬ. Устрашися *) отроковъ благочестивыхъ, сообразнаго души несквернаго тѣла, и устранися воспитанный въ безмѣрномъ веществѣ, неутружденъ огнь: присноживущу же изувядшю пламеню, вѣчнующая пѣснь воспѣвашеся: господа вся дѣла пойте, и превозносите во вся вѣки.

*) Устрашися воспитанный въ безмѣрномъ веществѣ по греч. τὸ τραχὺν ἐν ἀπειρῷ ὄλῳ. у насъ—разжженный безмѣрно.

Васъ тогда моихъ учениковъ познають вси, аще моя заповѣди соблюдете, глаголетъ спасъ другомъ, ко страсти идый: миръ имѣйте въ себѣ, и во всѣхъ, и смиренная мудрствующе возвыситесь: и господа знающе мя пойте, и превозносите во вся вѣки.

Чина сопротивна вамъ языческа, да есть держава кунородныхъ: не жребій бо мой, мучительство же разумъ самоизбранный. иже убо предъизыщный въ васъ быти хотяи другихъ, да естъ всѣхъ послѣднѣйшій: и Господа знающе мя пойте, и превозносите во вся вѣки.

ПРМОСЬ. Устрашися и отступи отъ несквернаго, сообразнаго душѣ тѣла благочестивыхъ отроковъ неутомимый огнь, безмѣрно разжженный: егда же ослабѣ (присно) живый пламень, непрестанная пѣснь воспѣвашеся: вся созданія пойте Господа и превозносите во вся вѣки.

Вси познають васъ, яко мои ученицы есте, аще мои заповѣди соблюдете, глаголетъ другомъ Спаситель, идя на страсти: въ мирѣ живите между собою и со всѣми, и смиренно мудрствующе возвышайтесь; и вѣдаяще, яко азъ естъ Господь, пойте и превозносите (Мя) во вся вѣки. I. 13, 35: 15, 10: 17, 3. Марк. 9, 30. Л. 14, 11.

Владычество надъ единородными да будетъ свойственно сопротивному вамъ языческому чину: (сіе) бо не мой жребій, (моя) держава—свободное произволеніе: сего ради хотяи между вами быти выше прочихъ, да будетъ послѣдній изъ всѣхъ. И, вѣдаяще, яко азъ есмь Господь, пойте и превозносите (Мя) во вся вѣки. Мч. 20, 26—25. I Петр. 5, 2.

ПѢСНЬ 9.

ПРМОСЪ. Возвеличилъ еси христе родшую тя богородицу, отъ неяже создателю нашъ въ подобострастное намъ облелся еси тѣло, нашихъ прегрѣшеній рѣшительное: сію ублажающе вси роди, тебе величаемъ.

Скверну всю страстную отринувше, достойный божественнаго царствія разумъ воспринемъ благомудрственный, твоимъ апостоломъ предрекъ еси, всѣхъ премудросте: въ немже прославитея, свѣтящися солнца свѣтозарнѣ.

Взирающе на мя, рекъ еси господи твоимъ ученикомъ, не мудруйте высокая, но соотвѣдите смиренными: мою, юже пію, пійте чашу, яко да во царствіи отца со мною прославитея.

ПРМОСЪ. Возвеличилъ еси, Христе, родшую Тя Богородицу, отъ неяже Ты, Создателю нашъ, облелся еси въ подобострастное намъ тѣло, очищающее наша прегрѣшенія; ублажающе Сію, вси роди Тя величаемъ.

Отринувше всю скверну страстей, воспринимте достойное божественнаго царствія мудрое разумѣніе, имже прославитея, сіяюще свѣтозарнѣ солнца: (такъ) рекъ еси Ты, Премудросте всѣхъ, Своимъ апостоломъ. Мѣ. 10, 15: 13, 43.

Господи, Ты рекъ еси своимъ апостоломъ: взирающе на Мя не высокомудруйте, но руководствуйтесь смиреніемъ: пійте чашу, юже Азь пію, ибо (тогда) во царствіи Отца со мною прославитея. Мѣ. 11, 29; 20, 22; 26, 29, Р. 8, 17: 12, 16.

КОНДАКЪ.

Іаковъ рыдаше о погибели Іосифа, онъ же, прекрасный, возсѣдаше на колесницѣ, почитаемый яко царь: ибо, не поработавъ страдемъ египтяныи, прославленъ бысть вѣдающимъ сердца человѣческая и посылающимъ вѣнецъ нетлѣнный.

ИКОСЪ.

Приложимъ нынѣ къ рыданію рыданіе и проліемъ слезы со Іаковомъ, сокрушающесе о Іосифѣ принопамятиѣмъ и цѣломудреніѣмъ, иже бѣ въ рабствѣ тѣломъ, душу же соблюде непоработенную и царствование надъ всѣмъ Египтомъ: ибо Богъ подаетъ рабомъ своимъ вѣнецъ нетлѣнный.

ДВУПЪСНЕЦЪ ВЪ ВЕЛИКІЙ ВТОРНИКЪ.

Церковный текстъ.

Исправленный текстъ.

ПѢСНЬ 8.

ИРМОСЬ. Велѣнію мучителю преподобниі три отроцы не повинувшеса, въ пещь ввержени, бога исповѣдаху поюще: благословите дѣла господня господа.

Лѣность далече насъ отвержимъ, и свѣтлыми свѣщными безсмертнаго жениха Христа пѣніемъ усрящимъ *), благословите, вопіюще, дѣла господня господа.

**) Усрящимъ по греч. συναυτῶρον—у насъ изыдемъ во срѣщеніе.*

Да удовлѣветъ общительный души нашея елей въ сосудѣхъ, яко да не на куплю положше время почестей **), поемъ: благословите дѣла господня господа.

****) Да не на куплю положше время почестей, поемъ: сокращенный въ причастіе греческій оборотъ (ἐν τῷ; положше) у насъ выражень полнымъ предложениемъ, подобнымъ его главному (поемъ) и соединень съ нимъ союзомъ но.*

Талантъ елицы отъ бога пріяете *), равносильную благодать, помощію давшаго Христа возрастите, поюще: благословите дѣла господня господа.

**) Елицы пріяете—у насъ сокращено въ причастіе—пріявшіи.*

ИРМОСЬ. Благочестивіи три отроцы велѣнію мучителю не повинувшеса, въ пещь вверженниі исповѣдаху Бога, поюще: созданія Господня, благословите Господа.

Отвержимъ отъ себе далече лѣность и со свѣтлыми свѣщами съ пѣснями изыдемъ во срѣщеніе безсмертному жениху Христу, взывающе: созданія Господня, благословите Господа. Мѣ. 25, 1—7.

Да будетъ обиденъ елей общенія въ сосудѣхъ души нашея, дабы не обратати (намъ) времени воздаянія на куплю, но воспѣвати: созданія Господня, благословите Господа. Мѣ. 25, 9—13.

Пріявшіе отъ Бога талантъ возрастите равносильную ему благодать съ помощію Подателя (ся) Христа, воспѣвающе: созданія Господня, благословите Господа. Мѣ. 25, 4—27.

П ъ с н ь 9.

ПРМОСЪ. Невмѣстимаго бога во чревѣ вмѣстившая, и радость міру родившая, ты поемъ богородице дѣво.

Ученикомъ благій, бдите, рекль еси, въ онъ же часъ приидеть господь, не разумѣете, отдати комуждо.

Во второмъ твоёмъ и страшномъ пришествіи владыко, деснымъ овцамъ мя сопричти, прегрѣшеній презрѣвъ моихъ множества.

ПРМОСЪ. Невмѣстимаго Бога во чревѣ вмѣстившая и родившая радость міру, Богородице Дѣво, Ты величаемъ.

Бдите, рекль еси ученикомъ Благій: не вѣсте, бо въ онъже часъ Господь приидеть воздати коемуждо.

Владыко, во второмъ Твоёмъ страшномъ пришествіи къ деснымъ овцамъ сопричти мя, презрѣвъ множество моихъ прегрѣшеній.

ТРИПѢСНЕЦЪ ВЪ ВЕЛИКУЮ СРЕДУ.

П ъ с н ь 3.

ПРМОСЪ. На каменнѣи мя вѣры утвердивъ, расширилъ еси уста моя на враги моя, возвесели бо ся духъ мой, внегда пѣти **): нѣсть святъ якоже богъ нашъ, и нѣсть приведенъ, паче тебѣ господи.

**) *Внегда пѣти*—по греч. ἐν τῷ φάλλῳ, у насъ переведено полнымъ предложеніемъ *егда воспѣвахъ азъ*.

Во тщетныхъ соборище незаконныхъ, и мыслию собирается злопавною *), осуждена избавителя изрещи ты христе. емуже поемъ: ты еси богъ нашъ, и нѣсть святъ паче тебе господи.

ПРМОСЪ. На каменнѣи вѣры мя утвердивъ, Ты раскрылъ еси уста моя на враги моя: возвеселился бо духъ мой, егда воспѣвахъ азъ: нѣсть святаго, якоже Богъ нашъ, и нѣсть праведнаго, кромѣ Тебе, Господи.

Собирается соборъ незаконныхъ на суетное дѣло и со злобнымъ желаніемъ—объявити осужденнымъ (на смерть) Ты, Христе, емуже воспѣваемъ: Ты еси Богъ нашъ, и нѣсть святаго, кромѣ Тебе, Господи.

***) *Въ тщетныхъ... и мыслию... злопавною* по греч. ἐν κενόῃ... καὶ ὑνόμῃ κακοτροπῇ. Ἐν κενόῃ (κενός, пустой, рмя прилаг.), очевидно, слѣдуетъ понимать здѣсь въ значеніи существительнаго—пустяки,

суета и т. п. у насъ суетное дѣло. Γούνη—значить мысль, намѣреніе, у насъ желаніе. Въ тщетныхъ... и мыслию по греч. дат. падежи, зависящія отъ предлога ἐν.

Лютый соборъ беззаконныхъ, притворяется богоборная души сущій *), яко злупотребна праведнаго убити Христа. Емуже поемъ: ты еси богъ нашъ, и нѣсть святъ паче тебя господи.

Лютый соборъ беззаконныхъ съ душою боговраждебною помышляетъ убити праведнаго Христа, яко непотребнаго, Емуже поемъ: Ты еси Богъ нашъ, и нѣсть святаго, кромѣ Тебе, Господи.

*) *Богоборная души сущій*—θεοράχων ψυχῆς βλάχων—у насъ переведено съ душою боговраждебною.

П Ъ С Н Ъ 8.

ИРМОСЪ. Глаголь мучительвъ понеже *) превозможе**), седмерицею пещь разжена бысть иногда: въ нейже отроцы не опалишася, цареву поправше велѣніе, но вопіяху: вся дѣла господня пойте, и превозносите во вся вѣки.

ИРМОСЪ. Егда велѣніе мучителя изыде, седмерицею бысть (нѣкогда) разжена пещь, въ нейже отроцы, поправши цареву повелѣніе, не опалишася, но вопіяху: вся созданія Господня, Господа пойте и превозносите во вся вѣки.

*) *Понеже ἐπί*—мы перевели въ значеніи союза времени—*егда*.

**) *Превозможе*—по греч. βλαρίχουε, въ отношеніи къ закону или повелѣнію *вошло въ силу*, у насъ *изыде*...

Изливающа жена миро честное, владычню и божественному страшному верху христе, слѣдовъ твоихъ пречистыхъ прикоснуса, оскверненыма дланьма, и воцѣяше: вся дѣла господня пойте, и превозносите во вся вѣки.

Христе, жена, излившая драгоценное миро на владычню и божественную (Твою) страшную главу, прикоснуса оскверненными руками Твоихъ пречистыхъ ногъ и воцѣяше: вся созданія Господня, Господа пойте и превозносите во вся вѣки. Мѡ. 26, 7. І. 11, 2.

Слезами омываетъ нозѣ, повинная грѣхомъ, создавшаго, и отираетъ власы сво-

Виновная во грѣсѣхъ омываетъ слезами ноги Создателя и отираетъ власы своими: сего

ими. тѣмже въ житіи содѣянныхъ не погрѣши *) избавленія **), но вопіяше: вся дѣла господня господа пойте, и превозносите во вся вѣки.

ради не лишися прощенія содѣянныхъ въ жизни (погрѣшеній), но вопіяше: вся созданія Господня, Господа пойте и превозносите во вся вѣки. Мр. 14, 3. П. 7, 38.

*) *Не погрѣши* — *ὁ δὲ δὴμαρτε*. *Διμαρτᾶν*, кромѣ погрѣшать, значить быть лишенныхъ чего (*τενός*), обманываться въ чемъ.

***) *Избавленія ἀπολυτρόσεως* — у насъ прощенія.

Священнодѣйствуется избавленіе благонравнѣй, отъ спасительныхъ утробъ же и слезъ источника, въ немже исповѣданіемъ измывшися, нестыдяшеса *), но вопіяше: вся дѣла господня господа пойте, и превозносите во вся вѣки.

Избавленіе благоразумной (жены) совершается спасительною скорбію и источникомъ слезъ, въ немже она не стыдяшеса умытися покаяніемъ, но вопіяше: вся созданія Господня, Господа пойте и превозносите во вся вѣки. Л. 7, 44—48.

*) Въ немже исповѣданіемъ *измывшися не стыдяшеса* по греч. *διὰ τῆς ἑξαγορεύσεως ἐκπλῆθεισα ὁ κατησχύνετο*. *Ἐκπλῆθεισα* — измывшися — причастіе отъ глагола *ἐκπλύνω* — вымываю; оно поставлено здѣсь вмѣсто неопредѣленного поклоненія, такъ какъ *завиентъ* отъ глагола *ὁ κατησχύνετο* — не стыдяшеса. При глаголѣ *стыдиться* русское неопредѣленное (*стыдиться дѣлать что-либо*) переводится по гречески и причастіемъ и неопредѣленнымъ склоненіемъ: причастіемъ обозначается такое дѣйствіе, которое было или есть или будетъ (напр., *она умывалась*, хотя и *стыдилась умываться*), а неопредѣленнымъ такое, котораго не было или нѣтъ или не будетъ (напр., *стыдилась умываться и не умывалась*).

П ъ с н ь 9.

ИРМОСЬ. Душами чистыми, и нескверными устнами, прїидите возвеличимъ нескверную и пречистую мать еммануилеву, еяже наъ нея рожденному приносяще молитву: пощади души наша христе боже, и спаси насъ.

ИРМОСЬ. Душами чистыми, и нескверными устами прїидите возвеличимъ непорочную и пречистую Мать Еммануилеву, приносяще чрезъ Нея молитву рожденному отъ Ней: пощади души наша, Христе Боже, и спаси насъ.

Неразуменъ явлься, и лукавъ ревниобразникъ, даръ достойнобожественъ словомъ продаетъ *). имже долгъ разрѣшился грѣховъ, крадый **) лютей іуда любобожественую благодать: пощади души наша христе боже, и спаси насъ.

*) *Словомъ продаетъ* по греч.—*λογοπραγεῖ*—у насъ, согласно съ евангельскимъ повѣствованіемъ (I. 12, 5), переведено—*предлагаетъ продати*. *Λογοπραγεῖω* встрѣчается съ значеніями: распространяю молву; продаю, сочиняю рѣчи за деньги; выдумываю.

**) *Крадый* по греч. *καπηλεύων*. *Καπηλεύω* значитъ занимаюсь мелкою торговлею, корчемствомъ, обманываю.

Глаголетъ шедъ незаконнымъ княземъ: что ми хотите дати *), и азъ христа вамъ искомаго **) хотящимъ ***) предамъ: присвоеніе ****) христово іуда отринувый златомъ: пощади души наша христе боже, и спаси насъ.

*) *Хотите дати δοῦναι* ἑλάττε *дадите*.

**) *Искомаго* τὸν ζητούμενον—у насъ переведено полнымъ опредѣлительнымъ предложеніемъ и дѣйствительнымъ залогомъ—*его же ищите*.

***) *Хотящимъ* τοῖς θέλοντι—у насъ тоже переведено полнымъ предложеніемъ, по смыслу условнымъ, *ище хотите*.

****) *Присвоеніе* ἀχαιότητα—у насъ *близость, общеніе*.

О слѣпотнаго сребролюбія нечестиве, отонудуже *) забвеніе получилъ еси **), яко души никакоже равностоятеленъ міръ, якоже ***) научился еси: отчаяніемъ бо самъ себе удавилъ еси вжегся ****) предателю: пощади души наша христе боже, и спаси насъ.

*) *Отонудуже* ἔδην—у насъ—*егоже ради*.

Явивыйся неразумнымъ и лукавымъ завистникомъ лютей іуда, корчмуя боголюбезною благодатию, предлагаетъ продати богодостойный даръ, егоже ради отпустился (женѣ) долгъ прегрѣшеній: пощади души наша, Христе Боже, и спаси насъ. МѠ. 26, 4. I. 12, 5.

„Что мнѣ дадите, и азъ, аще хотите, предамъ вамъ Христа, Егоже вы ищите?“ глаголетъ, пришедъ ко незаконнымъ княземъ, іуда, отринувый за злато общеніе со Христомъ: пощади души наша, Христе Боже, и спаси насъ. МѠ. 26, 14.

описательное будущее, у насъ—

О, слѣпное сребролюбіе, егоже ради, нечестиве, забылъ еси, яко весь міръ никако неравноцѣненъ душѣ, чесому научился еси: ибо, въ отчаяніи повѣсився, самъ себѣ удавилъ еси, предателю: пощади души наша, Христе Боже, и спаси насъ.

***) *Забвеніе* получалъ *еси*—у насъ переведено однимъ глаголомъ *лабыль еси*.

****) *Якоже* *о̄з* у насъ переведено *чесому*, чтобы избѣжать повторенія—*яко*.

*****) *Вжесея* по греч. *ἀνάψαξ* (*захотѣу*); *ἀνάπτο* здѣсь имѣетъ значеніе *привѣшивать, прикрѣплять* а не *зажигать*; послѣднее значеніе этотъ глаголъ имѣетъ тогда, когда при немъ находится на лицѣ или ясно подразумѣвается дополненіе *пѣр*—*огонь*.

КОНДАКЪ.

Блаже! беззаконновавъ паче блудницы, азъ не принесохъ Тебѣ никако обильныхъ слезъ *): но въ молчаніи молюся и припадаю Ти, Спасе, лобызая Твои пречистыя ноги, дабы Ты, яко Владыка, оставленіе прегрѣшеній даровалъ мнѣ, взывающему: избави мя отъ скверныхъ дѣлъ моихъ.

*) *Обильныхъ слезъ*—букв. *слезнаго дождя*.

ИКОСЪ.

Прежде блудная, жена внезапно явися цѣломудренною, возненавидѣвшею дѣла постыднаго грѣха и тѣлесная наслажденія, памятующею великій позоръ и осужденіе на мученіе, емуже подлежатъ блудницы и сквернии,² изъ нихъже азъ, безумный, есмь первый и боюся (осужденія), но пребываю въ злыхъ правахъ: блудная же жена, убоявшись, со тщаніемъ скоро прииде къ Избавителю, вопіючи: Человѣколюбче и Щедре, отъ скверныхъ дѣлъ моихъ избави мя.

КАНОНЪ ВЪ ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРГЪ.

ПѢСНЬ 1.

ИРМОСЪ. Свѣченное *) съ-
чется море чермное, волнопитаемая же иссушается глубина: таяжде купно безоружнымъ бывши проходима, и всеоружнымъ гробъ. Пѣснь же **) богокрасная воспѣвашеся: славно прославися христосъ богъ нашъ.

ИРМОСЪ. Ударомъ (жезла) раздѣляется Чермное море и иссушается волнопитательная бездна, вкупѣ бывши таже самая безоружнымъ проходима, а всеоружнымъ гробъ: тогда пѣснь богоугодная воспѣвашеся: славно прославися Христосъ Богъ нашъ.

*) *Свѣченное* по изд. Ловягина *τρυφετός* (им. пад., согласованный съ *πέυτος*—море); но въ Трїоди, изданной въ Лѣнахъ 1901 года, чи-

тается $\tau\eta\theta\epsilon\iota\sigma\tau\eta$ (лат. надежъ женскаго рода, согласованный съ подразумеваемымъ $\rho\alpha\theta\epsilon\sigma$). Въ своемъ переводѣ мы руководимся послѣднимъ изданіемъ. Зависимость словъ здѣсь такая: Море Чермное разсѣкается жезломъ, которымъ ударить ($\tau\eta\theta\epsilon\iota\sigma\tau\eta$) Моисей...

*) $\eta\kappa\epsilon-\delta\epsilon$ —у насъ тогда.

Всевиновная и подательная жизни *)), безмѣрная мудрость божія, созда храмъ себѣ отъ чистыя неискусомужныя матере: въ храмъ бо тѣлесно оболкѣйся, славно прославися христосъ богъ нашъ.

Основаніе всего и подательница жизни, безмѣрная Премудрость Божія созда себѣ храмъ изъ пречистыя и безмужныя Матере: и облекшиися во храмъ тѣлесный Христосъ Богъ нашъ славно прославися. Прит. 9, 1. I. 2, 21.

*) *Всевиновная и подательная жизни* по греч. $\eta\ \kappa\alpha\tau\alpha\tau\iota\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \kappa\alpha\tau\epsilon\lambda\epsilon\tau\iota\kappa\eta\ \zeta\omega\eta\varsigma$ —у насъ основаніе всего и подательница жизни. Здѣсь греческія прилагательныя ($\eta\ \kappa\alpha\tau\alpha\tau\iota\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \dots$) нужно понимать въ значеніи существительныхъ и приложеній, а не въ значеніи прилагательныхъ опредѣленій, потому что ихъ существительное дальше выражено съ членомъ; имено, сказано $\eta\ \Sigma\omega\phi\iota\alpha$, а не $\Sigma\omega\phi\iota\alpha$.

Тайноводящи други своя, душепасаительную уготовляетъ трапезу, безсмертія же воистинну мудрость *) божія растворяетъ чашу вѣрнымъ. приступимъ благочестно, и возопимъ: славно прославися христосъ богъ нашъ.

Истинная Премудрость Божія, открывающая другомъ своимъ тайны, уготовляетъ душепитательную трапезу и растворяетъ вѣрнымъ чашу безсмертнаго питія: приступимъ же къ ней благочестно и возопимъ: Христосъ Богъ нашъ славно прославися. Прит. 9, 2. Мѡ. 26, 26.

*) *Воистинну мудрость* по греч. $\eta\ \delta\upsilon\tau\omega\varsigma\ \Sigma\omega\phi\iota\alpha$. $\delta\upsilon\tau\omega\varsigma$ здѣсь опредѣленіе къ $\sigma\omega\phi\iota\alpha$ и можетъ быть переведено прилагат. *истинная Премудрость*.

Услышимъ вси вѣрніи, созывающую высокимъ проповѣданіемъ, несозданную и естественную премудрость божію, вопіетъ бо: вкусите и разумѣвши, яко христосъ азъ, возопійте: славно прославися христосъ богъ нашъ.

Внемлемъ вси вѣрніи созывающей высокимъ гласомъ несозданпѣй и самосущей Премудрости Божіей. Вопіетъ бо: вкусите и, уразумѣвши, яко Азъ есмь Христосъ, возопійте: Христосъ Богъ нашъ славно прославися. Пр. 9, 3. Пс. 33, 9.

П ъ с н ь 3.

ПРМОСТЬ. Господь сынъ *) всѣхъ, и зиждитель богъ, созданное безстрастный обнищавъ **) себѣ соедини, и пасха за яже хотяше умерети, самъ сынъ себе предпожре: ждите, вопія, тѣло мое, и вѣрою утвердитесь.

*) Сынъ—*ѡу* у насъ пропущено.

**) Обнищавъ—*πτωχεύσας*, по нашему мнѣнію, можно замѣнить болѣе понятнымъ выраженіемъ *пріемъ плоть*, хотя и далекимъ отъ отъ основнаго значенія *πτωχεύω*—дѣлаюсь нищимъ.

Избавительною *) всего рода человекъ, твою блаже твоя ученики наполни еси веселія чашею, наполнивъ ю: самъ бо себе священподѣйствуеша **), пійте, вопія, кровь мою, и вѣрою утвердитесь.

*) Избавительною—*ῥύσιον*—прилагательное у насъ переведено причастіемъ *избавляющею*.

**) Священподѣйствуеша *ἱεροουργαίς* у насъ *твориши жертвою*.

Безумный мужъ иже въ васъ предатель, ученикомъ твоимъ предрекль еси незлобиве, не уразумѣеть сихъ, и той *) несмысленъ сынъ не имать разумѣти. обаче во мнѣ пребудите, и вѣрою утвердитесь.

ПРМОСТЬ. Господь всѣхъ и Зиждитель, безстрастный Богъ обнищавъ соедини съ собою созданіе Свое и, бывъ пасхой тѣмъ, за нихъже хотяше умерети, самъ Себе предпожре: Ядите, вопія, тѣло Моё и вѣрою утвердитесь.

Блаже, Ты наполни еси ученики Твоя Твоею чашею, избавляющею весь родъ человекъ, наполнивъ ю веселіемъ: Самъ бо себе твориши жертвою, вопія: пійте кровь Мою и вѣрою утвердитесь. Прит. 9, 5. Мѣ. 26, 27.

Незлюбиве, Ты предрекль еси ученикомъ Своимъ: безумный мужъ, иже между вами (есть) предатель, не познаеть сего (таинства) и такожде, несмысленъ сынъ, не уразумѣеть (сего): вы же пребывайте во мнѣ и вѣрою утвердитесь. Пс. 91, 7. I. 15, 4.

*) И той *καὶ οὗτος* и притомъ, и такожде, подобно *καὶ ταῦτα*.

П Ъ С Н Ъ 4.

ИРМОСЬ. Провидѣвъ про-
рокъ тайну твою неизречен-
ную христе, провозгласи: по-
ложилъ еси твердую любовь
крѣпости отче щедрый: еди-
нороднаго бо сына благий, очи-
щеніе *) въ міръ послалъ еси.

*) Очищеніе—*ἰλαξρόν* у насъ очистительною жертвою.

На страсть всѣмъ сущимъ
изъ Адама источившую без-
страстіе *), христе грядый,
другомъ твоимъ реклъ еси:
съ вами пасхи сея причасти-
тися возжелахъ: единородна-
го бо мя очищеніе отецъ въ
міръ послалъ есть.

*) Безстрастіе—*ἀπαθείαν*—у насъ покой.

Причащаяся чаши, учени-
комъ вопіялъ еси безсмертне:
плода лознаго кому не пію
прочее, съ вами живя: едино-
роднаго бо мя очищеніе отецъ
въ міръ послалъ есть.

Питіе новое паче слова, азъ
глаголю, во царствіи моемъ,
христось другомъ, пію, яко-
же богъ съ вами боги буду,
реклъ еси: единороднаго бо
мя очищеніе отецъ въ міръ
послалъ есть.

ИРМОСЬ. Пророкъ, провидя
неизреченное таинство Твое,
Христе, провозгласи: Отче ще-
дрый, Ты явилъ державную
любовь Свояя силы: Едино-
роднаго Сына, Блаже, послалъ
еси въ міръ очистительною
жертвою. Авак. 3, 4. Р. 8, 32.

Шествуя на страданіе, исто-
чившее всѣмъ сыновомъ Ада-
мовымъ покой, Ты, Христе,
реклъ еси Своимъ другомъ:
съ вами возжелахъ Азъ при-
частитися пасхи сея: ибо Отецъ
посла Мя единороднаго въ
міръ очистительною жертвою
Л. 22, 15.

Безсмертне, причащаяся ча-
ши, Ты взывалъ еси (Сво-
имъ) ученикомъ: живя съ ва-
ми, уже не имамъ пити еще
плода лознаго: ибо Отецъ
посла Мя единороднаго въ
міръ очистительною жертвою.
Мѡ. 26, 29.

Христе, Ты реклъ еси Сво-
имъ другомъ: Азъ глаголю:
питіе новое паче разумѣнія
(вашего) имамъ пити во цар-
ствіи моемъ: тамо бо буду съ
вами яко богъ со боги: ибо
Отецъ посла Мя единородна-
го въ міръ очистительною
жертвою. Пс. 81, 1. Мѡ. 26, 29.

ПѢСНЬ 5.

ПРМОСЪ. Союзомъ любви связуеми апостоли владычествующему всѣмъ себе христу возложше, красны ноги очищаху *), благовѣствующе всѣмъ миръ.

ПРМОСЪ. Союзомъ любви связуемии апостоли, предавше себе Христу, владычествующему всѣмъ міромъ, приимаху (отъ Него) омовеніе прекрасныхъ ногъ Своихъ, благовѣствующе всѣмъ миръ. Исаія. 52, 7.

*) Красны ноги очищаху—по греч. ὁραίους πόδας ἐξαπενίζοντο. Ἐξαπενίζοντο (отъ ἐξαπενίζω омывать, очищать)—прошедшее несов. не дѣйствительнаго, а страдательнаго залога. Поэтому ἐξαπενίζοντο нужно перевести не очищаху или омываху, но очищаеми или омываеми бяху (т. е. не омывали что нибудь, а сами были омыты или получили омовеніе). Правда, это слово можно разбирать и переводить общимъ залогомъ, т. е. очищахуся или омывахуся; но такой переводъ не соотвѣтствуетъ воспѣваемымъ въ канонѣ событіямъ, происшедшимъ на Тайной вечери, и, въ частности, содержанію всей пятой пѣсни, гдѣ повѣствуется объ умовеніи Спасителемъ ногъ Своихъ учениковъ.—Соотвѣтственно такому переводу и ὁραίους πόδας надобно разбирать не какъ прямое дополненіе (омывать прекрасныя ноги), а какъ винительный отношенія (т. е., получили омовеніе не всего тѣла, а только ногъ).

**) Благовѣствующе—εὐαγγελίζομενοι—причастіе наст. времени; оно иногда употребляется вмѣсто прич. будущаго и такимъ образомъ замѣняетъ собою предложеніе инфинитива. Если смотрѣть здѣсь на εὐαγγελίζομενοι какъ на такое причастіе, то его можно перевести—дабы благовѣствовать всѣмъ миръ.

Неодержимую держащая и превыспреннюю на воздухъ воду, бездны обуздовающая, и моря востязующая Божія премудрость, воду во умывальницу вливаетъ, ноги же омываетъ рабовъ владыка.

Премудрость Божія, держащая неутвержденную и превыспреннюю въ воздухъ воду, обуздовающая бездны и укрошающая моря, вливаетъ воду во умывальницу, и Владыка омываетъ ноги рабовъ. Б. 1, 7. I. 18, 5.

Ученикомъ показываетъ смиренія образъ владыка, облаки облагая небо, препоясуетъся лентіемъ, и преклоняетъ ко-

Владыка показываетъ ученикомъ образъ смиренія: облагающій небо облаки препоясуетъся лентіемъ и Держанцій

лѣна, рабомъ омыти ноги, въ его же ругѣ дыханіе *) всѣхъ сущихъ.

въ Своей ругѣ дыханіе всего сущаго преклоняетъ колѣно, дабы умыти ноги рабовъ (Своихъ). Пс. 146, 8. І. 13, 4.

*) (Той), въ егоже ругѣ дыханіе всѣхъ сущихъ у насъ замѣнено выраженіемъ: *Держащій въ Своей ругѣ дыханіе всего сущаго.*

П ъ с н ь б.

ИРМОСЪ. Бездна послѣдняя *) грѣховъ обыде **) мя, и волненія не кому терпя***), яко іона владыцѣ вопію ти: отъ тли мя возведи.

ИРМОСЪ. Величайшая бездна грѣховъ окружаетъ мя, и азъ, не вынося болѣе волненія ихъ, яко Іона вопію Ти, Владыцѣ: отъ гибели мя изведи.

*) *Послѣдняя ἐσχάτη, ἐσχάτος* буквально значитъ послѣдній крайній, а въ переносномъ значеніи величайшій, чрезмѣрный.

**) *Обыде* по греч. ἐκύλωσεν—аористъ (отъ κύλωω—окружаю) у насъ переведенъ наст. временемъ.

***) *Не терпя οὐ φέρων*—не вынося.

Господа глашаете мя, о ученицы, и учителя: есмь бо, спасе вопіялъ еси. тѣмже подражайте образъ, егоже во мнѣ видѣсте.

Спасе, Ты взывалъ еси: вы, ученицы, именуете Мя учителемъ и Господомъ: есть бо, Сего ради подражайте образу (смиренія), яже во мнѣ видѣсте.

Скверны кто не имѣя*), омыти не требуетъ ногъ: чисти же о ученицы вы, но не вси: мгновениемъ бо безчинно единъ отъ васъ неистовствуетъ **).

Аще кто не имать скверны, не требуетъ омовенія ногъ, и вы, ученицы, чисти, но не вси: ибо душа единого изъ васъ пребываетъ въ безчинномъ изступленіи.

*) *Не имѣя μή ἔχων* прич. у насъ переведено полнымъ условнымъ предложеніемъ: *аще кто не имѣетъ.*

**) *Мгновениемъ* бо безчинно *единъ* отъ васъ неистовствуетъ; по греч. *ροπή γάρ ἀτάκτως ἕξ ἑμῶν ἑνός μάλινται.* Сличая этотъ греческій текстъ съ церковнымъ переводомъ его, мы можемъ видѣть, что въ послѣднемъ сдѣлано двѣ ошибки: *ροπή* именит. падежъ (и подлежащее) разобранъ какъ дательный пад. (и дополненіе)---мгновениемъ, и *ἑνός* род. падежъ (отъ *εἷς* одинъ) разобранъ какъ именительный единъ. Конструкция этого текста по славянски должна быть такона: Мгновение бо единого отъ васъ безчинно неистовствуетъ. Слову *ροπή*

(въ церк. перев. мгновеніе) мы придали значеніе душа Ροπή (отъ ρέω наклонять гл. обр. чашку вѣсовъ) букв. обозначаетъ 1) состояніе вѣсовъ, когда на нихъ положенъ грузъ или тяжесть, перевѣсъ и 2) самый грузъ, тяжесть; отсюда въ переносномъ смыслѣ ροπή встрѣчается съ разнообразными значеніями: колебаніе судьбы, критическій, рѣшительный моментъ (ῥῶσ); стремленіе, рѣшеніе (ψυχῆς), причина значеніе, цѣна, вліяніе и т. п.

П ъ с н ь 7.

ИРМОСЪ. Отроцы въ вавилонѣ пещнаго пламене не убо яшася, но посредѣ пламене ввержени, орошаеми пояху: благословенъ еси господи боже отецъ нашихъ.

Помавая *) главою іуда злая предзрѣвъ подвиже **), благовременіе искій предати судію на осужденіе, иже всѣхъ есть господь и богъ отецъ нашихъ.

ИРМОСЪ. Отроцы въ Вавилонѣ не убо яшася пещнаго пламени, но вверженіи посредѣ огня орошаеми пояху: Благословенъ еси Господи, Боже отецъ нашихъ.

Покиваніемъ главы являя согласіе (предати Господа), Іуда съ ухищреніемъ зло содѣловаетъ, ища предати на осужденіе Судію, всѣхъ Господа и Бога Отецъ нашихъ.

*) Помавая νεοτάτων. Νεῦω, = νεοτάω знач. 1) кивать, наклоняться и 2) кивать головою въ знакъ согласія, одобренія, а также качать головою въ знакъ неодобренія. Νεοτάτων мы перевели покиваніемъ (главы) являя согласіе.

***) Злая предзрѣвъ подвиже по греч. κακά προβλέπων ἐκίνησεν. Προβλέπων букв. значитъ предусматривая, остерегаясь — у насъ съ ухищреніемъ. Ἐκίνησεν подвиже аористъ мы перевели настоящимъ временемъ — содѣловаетъ (или содѣваетъ).

Вамъ *) Христось другомъ вопіяше: единъ предаеть мя, веселія забывше, скорбію и страхомъ одержими бяху: кто сей, скажи, глаголюще, Боже отецъ нашихъ.

Христось взываше другомъ: единъ изъ васъ предасть Мя; они же, забывше веселіе, скорбію и страхомъ бяху одержими и глаголаху: кто сей, скажи (намъ), Боже отецъ нашихъ?

*) Вамъ Христось другомъ вопіяете.. по греч. ὑμῶν ὁ χριστός τοῖς φίλοις ἑβόα, εἰς παραδωσει με. Ὑμῶν род. надежь, а не дат. и зависить.

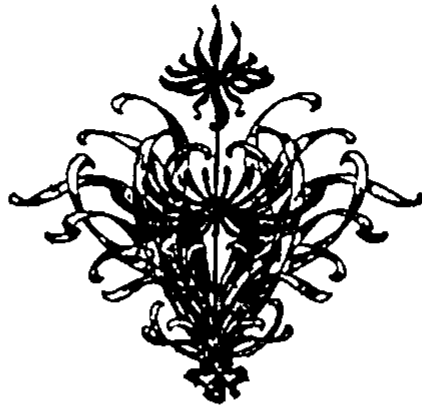
не отъ вѣра—вотіяше, но отъ вѣ—единъ, при которомъ это вѣрѣ стоитъ въ качествѣ родит. раздѣлительнаго (*единъ изъ васъ*).

Иже со мною руку свою въ солило вложить дерзостію, тому обаче добро бы врата житія пройти никогда же: сего, иже бѣ предатель, являше богъ отецъ нашихъ.

Иже дерзостно протягнетъ за Мною руку свою въ солило, тому добро-бы не пройти никогда во врата житія. (Тако) являше Богъ Отецъ нашихъ того, иже бѣ предатель (Мѣ. 26, 23—24).

М. В. Д.

(Окончаніе будетъ).

АРИАНСКІЙ СПОРЪ О ПОЗНАВАЕМОСТИ БОГА.

Четвертый вѣкъ христіанской эры былъ временемъ горячихъ арианскихъ споровъ раздѣлившихъ всю христіанскую Церковь того времени на двѣ противоположныя стороны: на арианъ и православныхъ. Въ ряду спорныхъ догматическихъ вопросовъ центральное мѣсто занималъ вопросъ о познаваемости Бога, такъ какъ изъ такого или иного рѣшенія этого вопроса вытекало діалектически у арианъ то или другое ученіе о Св. Троицѣ вообще и о Сынѣ Божіемъ въ частности.

Арианское ученіе о познаваемости Бога развилось послѣдовательно. Родоначальникъ арианства—Арій строго держался дуалистическаго возрѣнія на Божество и на Его отношеніе къ міру. Въ непосредственной связи Бога и міра Арій увидѣлъ униженіе Бога, и потому разорвалъ эту связь. По ученію Арія, Богъ абсолютно удаленъ отъ міра и потому не имѣетъ и не можетъ имѣть къ нему никакого непосредственнаго отношенія. Ради мнимаго спасенія величія Божія, Арій отвергъ возможность непосредственнаго творенія Богомъ міра и непосредственнаго промышленія Его о немъ. Такъ какъ Богъ, по ученію Арія, не можетъ быть непосредственнымъ Творцемъ міра, то онъ счелъ необходимымъ допустить въ Словѣ созданное Богомъ и подчиненное Ему существо съ тою цѣлію, чтобы Оно служило для Бога посредникомъ между Нимъ и міромъ и чтобы при помощи этого посредства Онъ могъ явиться Творцемъ міра. Изъ этого дуалистическаго возрѣнія Арія на Бога и Его отношеніе къ міру строго логически вытекало его ученіе о полной и совершенной непознаваемости Бога для людей. Если Богъ, по ученію Арія, такъ безусловно далеко отстоитъ отъ міра,

что не можетъ непосредственно дѣйствовать въ немъ, то ясно, что людямъ нечего и отыскивать слѣды Его дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ нечего и стараться познать Его. Нельзя познать Бога и чрезъ откровеніе Его, въ Сынѣ—Словѣ, такъ какъ Богъ не открывается и не можетъ открываться тварямъ, а потому и Сынъ не открылъ и не могъ открыть Отца. Развивая далѣе свою мысль о безусловной невозможности откровенія Бога въ мірѣ, Аріи сталъ учить, что Сынъ такъ же не знаетъ Бога, какъ и всѣ вообще люди, потому что Онъ—не собственный Сынъ Бога, а только усыновленная Богу тварь. По свидѣтельству св. Аѳанасія, еп. Александрійскаго, Аріи писалъ въ своей Фалии слѣдующее: „Отецъ невидимъ Сыну, и Слово не можетъ совершенно и въ точности видѣть и познавать Своего Отца; а что познаетъ и видѣть, то знаетъ и видѣть соотвѣтственно мѣрамъ Своимъ, какъ и мы познаемъ по мѣрѣ силъ своихъ. Ибо и Сынъ не только не познаетъ Отца въ точности (не достаетъ у Него и силъ постигнуть сіе), но и Своей сущности не знаетъ Самъ Сынъ“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Аріи, по свидѣтельству того же Аѳанасія, говоритъ: „Сынъ не знаетъ въ точности Отца,... такъ какъ Христосъ—не истинное и единственное Отчее Слово, но по имени только нарицается Словомъ и Премудростію, и по благодати сказывается Сыномъ. Онъ не неизмѣняемъ, какъ Отецъ, но измѣняемъ по естеству, какъ и твари, не имѣетъ достаточной пріемлемости для совершеннаго вѣдѣнія Отца“²⁾. Итакъ, по ученію Аріа, Богъ безусловно непознаваемъ для людей.

Дальнѣйшіе послѣдователи Аріа, извѣстные подъ именемъ аномеевъ, несмотря на то, что продолжали оставаться совершенно вѣрными дуалистическому воззрѣнію его на Бога и Его отношеніе къ міру, стали утверждать совершенно противное,—именно: безусловную постижимость Божества для людей. Такъ, одинъ изъ послѣдователей Аріа, по имени Аэціи, по словамъ Епифанія Кипрскаго, говорилъ: „я знаю Бога такъ же хорошо, какъ и самого себя“³⁾. Основаніемъ

¹⁾ Творенія иже во святыхъ Отца нашего Аѳанасія, Архіепа Александрійскаго. Москва. 1652 г. Слово на аріанъ первое стр. 165.

²⁾ Твор. слово на аріанъ первое, стр. 170.

³⁾ Творенія св. Епифанія Кипрскаго. Москва. 1884 года. Часть 5, стр. 58.

для такого мнѣнія служила очень распространенная въ богословскихъ спорахъ IV вѣка теорія именъ, какъ выразителей объективной сущности предметовъ. По этой теоріи, кто знаетъ имя, тотъ знаетъ и сущность, потому что сущность будто бы вполнѣ выражается въ усвоенномъ ей имени. Согласившись на такой аргументъ, нужно будетъ сказать, что, кто знаетъ подлинное имя Бога, тотъ знаетъ и Его сущность и, слѣдовательно, знаетъ Его дѣйствительно такъ же хорошо, какъ и самого себя. Это подлинное имя Бога Аэцій указалъ въ словѣ „Ἀγέννητος“ („нерожденный“), и, потому, утверждалъ, что въ понятіи „ἀγεννησία“ („нерожденность“) онъ постигаетъ самую сущность Божества. Но Аэцій только ввелъ въ употребленіе теорію именъ. Развилъ же ее подробно и приложилъ къ ученію о познаваемости Бога ученикъ Аэція Евномій. Евномій утверждалъ, что онъ постигаетъ сущность Бога въ имени Его „нерожденный“, такъ какъ сущность вполнѣ выражается въ усвоенномъ ей имени, такъ что, „когда сущности различны, то непремѣнно различны и наименованія, обозначающія сущность; а если что одинаково называется, то, конечно, будетъ однимъ и тѣмъ же и обозначаемое тѣмъ же наименованіемъ“¹⁾. Богъ, по ученію Евномія, есть „Ἀγέννητος“; это—подлинное Его имя; другихъ опредѣленій Его сущности нѣтъ, потому что во всѣхъ другихъ опредѣленіяхъ, по волѣ Божіей, имѣютъ участіе; и многія другія существа, не имѣющія, однако, нерожденности, какое слово является, такимъ образомъ, исключительнымъ опредѣленіемъ Божества. Установивъ это положеніе, Евномій считалъ, себя въ правѣ сказать: „я знаю Бога такъ же, какъ и Онъ. Самъ. Себя. знаетъ“²⁾.

Такимъ образомъ, ариане враждебно затрогивали вопросъ о познаваемости Бога съ двухъ его существенныхъ сторонъ: съ одной стороны, они отвергали непостижимость существа Божія, утверждая, что они постигаютъ Божественную сущность въ имени „нерожденный“; съ другой—они настойчиво отрицали познаваемость Бога въ Его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ міру, отнимая всякое дѣйствительное значеніе у этого единственно доступнаго человѣку способа бо-

¹⁾ Творенія св. Григорія Нисскаго. Москва. 1864 г. Часть 6-я, стр. 75.

²⁾ Socrat. historia ecclesiastica. Lib. IV, стр. 7.

гопознанія. Защитникамъ православнаго ученія о познаваемости Бога предстояла, такимъ образомъ, двоякая задача: 1) доказать невозможность постиженія существа Божія и нелѣпость притязаній на таковое постиженіе; 2) защитить дѣйствительное значеніе способа познанія Бога въ Его дѣйствіяхъ и откровеніяхъ въ мірѣ, какъ способа единственно вѣрнаго и доступнаго человѣку.

Эту задачу взяли на себя знаменитые отцы Церкви: Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Нисскій и Григорій Богословъ.

Аѳанасій Великій, посвятившій всю свою многострадальную жизнь на борьбу съ Аріемъ, не могъ, конечно, не коснуться аріанскаго ученія о богопознаніи. Опровергая аріанское ученіе о безусловной непознаваемости Бога для людей и признавая Бога безусловно непостижимымъ только въ Его существѣ, Аѳанасій Великій доказывалъ возможность для человѣка нѣкотораго познанія Бога изъ разумаго наблюденія надъ видимой природой и особенно изъ откровенія Его въ Сынѣ Божіемъ. „По своей благодати и силѣ Богъ, по ученію Аѳанасія, пребываетъ во всемъ, но по Своей природѣ—вънѣ всего. Какъ стоящій превыше всякой сущности, Онъ превыше всякаго разумѣнія, почему, если бы Богъ былъ постигаемъ, то не былъ бы Богомъ“¹⁾. Но, какъ Творецъ міра и какъ являющійся чрезъ Свое Слово въ мірѣ и въ духѣ человѣческомъ, носящемъ Его образъ, Богъ можетъ быть постигаемъ людьми. „Если тварь, говоритъ св. Аѳанасій, приведена въ бытіе Сыномъ, и всяческая въ Немъ состоитъ (Кол. 1, 17): то правильно взирающій на тварь по необходимости усматриваетъ создавшее ее Слово, а чрезъ Слово начинаетъ уразумѣвать и Отца“²⁾. „Взирая на Сына, говоритъ Аѳанасій въ другомъ мѣстѣ въ опроверженіе Арія, видимъ Отца, потому что уразумѣть и постигнуть Сына значитъ пріобрѣсти вѣдѣніе и объ Отцѣ, такъ какъ Сынъ есть собственное рожденіе Отчей сущности“³⁾.

Ученіе Евномія о возможности для людей полнаго постиженія существа Божія и основу этого ученія—теорію именъ прежде всего подвергъ строгому критическому раз-

¹⁾ Аѳанасія. Слово на аріанъ четвертое, стр. 310.

²⁾ Аѳанасія. Слово на аріанъ первое, стр. 175.

³⁾ Слово на аріанъ первое, стр. 182.

бору св. Василій Великій въ своемъ твореніи: „Опроверженіе на защитительную рѣчь злочестиваго Евномія“. „Постиженіе сущности Божіей, по ученію св. Василія Великаго, выше не только человѣковъ, но и всякой разумной природы (тварной). Ибо токмо Сыну и Св. Духу вѣдомъ Отецъ“¹⁾. Такъ какъ самая сущность Божія для природы человѣка „неудобозрима“, „недомыслима“ и совершенно „неизреченна“, и такъ какъ люди, „возводимые дѣлами Божіими, и изъ твореній уразумѣвая Творца, пріобрѣтаютъ познаніе только о Его благодати и премудрости“, то св. Василій Великій совѣтуетъ имъ, „оставивъ пытливыя изслѣдованія о сущности, какъ дѣло для нихъ недоступное, покориться простому увѣщанію Апостола, который говоритъ: „прежде всего вѣровати подобаеть, яко есть Богъ, и взыскающимъ Его мздовоздатель бываетъ“ (Евр. XI, 6)²⁾. По представленію св. Василія Великаго, „думать, что найдена самая сущность Бога всяческихъ“, есть знакъ „надменности и гордости“³⁾. „Я, говоритъ св. Василій Великій, охотно бы спросилъ ихъ (аномеевъ) о землѣ, на которой они живутъ и изъ которой созданы. Что они скажутъ? Какую объявятъ намъ сущность земли, чтобы мы, если скажутъ что либо неоспоримое о дольномъ и подъ ногами лежащемъ, повѣрили имъ и въ томъ случаѣ, когда они простираются за предѣлы всякаго понятія? Итакъ какая же сущность земли и какой способъ ея постиженія? Пусть отвѣтятъ намъ... Кто хвалится вѣдѣніемъ сущаго, тотъ пусть сперва объяснитъ природу муравья, а потомъ уже рассуждаетъ о силѣ превосходящей всякій умъ. А если ты еще не объялъ вѣдѣніемъ и природу малѣйшаго муравья, то какъ хвалишься, что представилъ умомъ непостижимую силу Божію? Если „судьбы Божіи—бездна многа“, какъ говоритъ пророкъ (Ис. 35, 7), „и путіе Его, какъ говоритъ Апостоль, не изслѣдованы“, а потому и вовсе „не испытаны“ (Рим. XI, 33); то сколько болѣе неизслѣдимъ тотъ, чьи суды и пути

¹⁾ Твореніи иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. Москва. 1846 г. Часть 3-я, стр. 88.

²⁾ Василія Великаго. Твор. въ русскомъ переводѣ. Часть 3-я стр. 39—40.

³⁾ Ibid. стр. 35.

таковы. И неудивительно, что таковъ самъ Богъ, если таково и Божіе¹⁾.

Такъ какъ основою аріанскаго ученія о возможности полнаго и совершеннаго познанія Бога служила теорія именъ, то св. Василій Великій подробно разбираетъ эту теорію и доказываетъ то положеніе, что имена не выражаютъ и не могутъ выражать сущности обозначаемыхъ ими предметовъ. По представленію Василія Великаго, всѣ имена можно раздѣлить на два класса: 1) „на тѣ имена, которыя произносятся въ смыслѣ отрѣшенномъ, о вещахъ самихъ въ себѣ“; 2) „на тѣ, въ которыхъ выражается примѣненіе одного предмета къ другимъ“. Перваго рода имена „дѣйствительно обозначаютъ соотвѣтствующіе имъ предметы. Таковы имена: человѣкъ, конь, волъ“. Второго рода имена „показываютъ только отношеніе извѣстнаго предмета къ тѣмъ другимъ предметамъ, къ которымъ онъ примѣняется; напр., выраженія: сынъ, или рабъ, или другъ показываютъ единственно соприкосновеніе одного имени съ другимъ, которое съ нимъ связано“²⁾. Имена второго рода, замѣчаетъ Василій Великій, очевидно, не могутъ выражать собою сущности вещей, „ибо было бы крайнимъ безуміемъ узаконять, чтобы признавали за сущность то, что не даетъ мысли о какой нибудь самостоятельности, а означаетъ только отношеніе одного къ другому“³⁾. Но и „отрѣшенные имена, хотя и кажутся лучше другихъ выражающими какой либо предметъ, однакожь не представляютъ самой сущности, а означаютъ нѣкоторыя свойства, къ ней относящіяся“⁴⁾. „Названія Петра и Павла, рассуждаетъ св. отецъ, и вообще всѣхъ людей, различны; но сущность всѣхъ одна. Весьма во многомъ мы другъ съ другомъ одинаковы; а отличаемся одинъ отъ другаго тѣми только свойствами, которыя усматриваются въ каждомъ особо: почему названія служатъ къ означенію не сущностей, а особенныхъ свойствъ, характеризующихъ каждого. Такъ, услышавъ имя Петра, мы не разумѣемъ подъ симъ именемъ сущности Петра (сущностию же называю здѣсь

¹⁾ Творенія св. Василія Великаго въ русскомъ переводѣ. Часть 8-я, стр. 45—47.

²⁾ Ibid, стр. 74.

³⁾ Творенія въ русскомъ переводѣ. Часть 8-я, стр. 74.

⁴⁾ Ibidem.

вещественное подлежащее, котораго это имя вовсе не означает), а только напечатлѣваемъ въ себѣ понятіе объ особенныхъ свойствахъ, въ немъ усматриваемых“¹⁾). И такъ, арианская теорія именъ, по суду св. Василія, несостоятельна въ самомъ принципѣ.

Будучи несостоятельна сама по себѣ, арианская теорія именъ несостоятельна и въ частномъ приложеніи ея къ богословію. По мнѣнію св. Василія Великаго, „нѣтъ ни одного имени, которое бы, объявъ все естество Божіе, достаточно было его вполне выразить“²⁾). Только „многія и различныя имена, взятая въ собственномъ значеніи каждаго, составляютъ понятіе, конечно, темное и весьма скудное въ сравненіи съ цѣлымъ, но для насъ достаточно“³⁾). Всѣ имена Божіи, по представленію Василія Великаго, можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) „одни изъ именъ, сказуемыхъ о Богѣ, показываютъ, что въ Богѣ есть; 2) а другія напротивъ, чего въ Немъ нѣтъ. Этими двумя способами образуется въ насъ какъ бы нѣкоторое впечатлѣніе Бога“⁴⁾). Имя же нерожденность не можетъ выражать сущности Божіей уже по одному тому, что имѣетъ отрицательное значеніе, „ибо показываетъ, что рожденность Богу не принадлежитъ“⁵⁾). Даже самое наименованіе „нерожденный“, по замѣчанію Василія Великаго, „по справедливости достойно умолчанія“, такъ какъ оно, „хотя и весьма близко къ нашему понятію, однако-жъ выгдѣ въ Писаніи не употребляется, „Слово“, „Отецъ“, по замѣчанію св. Василія, равнозначительно слову: „нерожденный“, и сверхъ того, чрезъ указаніе отношенія, совокупно съ собою привноситъ понятіе и о Сынѣ. Ибо истинный, и единый Отецъ ни отъ кого иного не происходитъ. А ни отъ кого не происшедшій, тоже значить, что и „нерожденный“. Посему не столько должно называть „нерожденнымъ“, сколько Отцемъ, если не хотимъ стать, мудре наставленій Господа, Который сказалъ: „Шедше крестите во имя Отца.“ (Мт. XXVII, 19)⁶⁾. Что касается вообще отрицательныхъ наименованій Бога, то

¹⁾ Твор. въ рус. перев. Часть 3-я, стр. 65.

²⁾ Ibid, стр. 31.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Твор. въ русск. пер. Ч. 3-я, стр. 59.

⁶⁾ Ibid. стр. 17—18.

они, не означая, какъ и положительныя, Его сущности, имѣютъ въ христіанскомъ богословіи большое педагогическое значеніе. „Въ каждомъ изъ отрицательныхъ наименованій мы научаемся—въ мнѣніяхъ о Богѣ не впадать въ неприличныя понятія. Поэтому, чтобы узнать преимущественное свойство Божіе, запрещаемъ другъ другу въ сужденіяхъ о Богѣ переносить мысль, куда не должно, чтобы люди ни какъ не подумали, будто бы Богъ въ ряду или тлѣнныхъ, или видимыхъ, или рожденныхъ. Такимъ образомъ, всѣми оими запретительными именованиями производится какъ бы нѣкое отрицаніе чуждаго Богу, и по мѣрѣ того, какъ уясняется мысль, и отдаляетъ отъ себя помышленія о непринадлежащемъ Богу“¹⁾.

Преемникомъ Василія Великаго на поприщѣ полемики противъ Евномія былъ Григорій Нисскій. Онъ взглянулъ на аріанскую теорію именъ съ другой точки зрѣнія. По представленію Григорія Нисскаго, Богъ не нуждается въ именахъ, такъ какъ „Богу все присуще, и Ему не нужно что-либо помнить, поелику Онъ все содержитъ и созерцаетъ Своею всепроникающею силою“²⁾. Имена имѣютъ значеніе только для людей. „Поелику, рассуждаетъ Григорій Нисскій, намъ невозможно имѣть всегда передъ глазами все существующее, то нѣчто изъ того, что всегда предъ нами, мы познаемъ, а другое впечатлѣваемъ въ памяти. Но сохраниться раздѣльное памятованіе въ насъ иначе не можетъ, если обозначеніе именами заключающихся въ нашемъ разумѣ предметовъ не дастъ намъ средства отличать ихъ одинъ отъ другого“³⁾. Такимъ образомъ, имена Божіи указываютъ не то, что такое Богъ Самъ въ Себѣ, а лишь то, что и какъ представляетъ о Немъ человѣческая мысль. Какъ только доказано это положеніе, то все ученіе Евномія о познаваемости Бога падаетъ, какъ несостоятельное въ самой своей основѣ—теоріи именъ. Если несомнѣнно, что понятіе нерожденный, какъ и всѣ понятія, мною самимъ составлено, и если оно, вслѣдствіе этого, выражаетъ не сущность Бога въ себѣ самой, а только мое собственное представленіе о Богѣ, то, очевидно, что я постигаю въ этомъ понятіи не Бога

¹⁾ Твор. въ рус. пер. Часть 3-я, стр. 82.

²⁾ Твор. св. Григорія Нис. въ русск. перев. ч. 6-я, стр. 378.

³⁾ Твор. въ русск. перев. ч. 6-я, стр. 377—378.

въ Себѣ Самомъ, а Бога въ моемъ представленіи,—пости- гаю Бога лишь такъ и настолько, какъ и насколько я могъ представить себѣ Его и свое представленіе выразить въ словѣ: „нерожденный“. Евномій при своемъ ученіи о томъ, что сущность Божія постигается въ словѣ: „нерожденный“, запутывается во внутреннихъ противорѣчіяхъ. Если, по уче- нію Евномія, слово нерожденный выражаетъ самую сущность Божества, то ясно, что человѣкъ зналъ эту сущность еще прежде, чѣмъ выразилъ ее въ словѣ „нерожденный“. Но въ такомъ случаѣ является вопросъ: какъ же человѣкъ могъ узнать сущность Божію? На этотъ вопросъ, держась ученія Евномія, нельзя дать никакого отвѣта. Если сущность Божію можно постигнуть только въ словѣ нерожденный, и если доказано, что это понятіе составлено людьми и, слѣдова- тельно, его нѣкогда не было, то вмѣстѣ съ этимъ доказано и то, что нѣкогда не было познанія божественной сущности. Если же не было познанія сущности, то не могло явиться и понятія, выражающаго эту сущность. Если же въ дѣйстви- тельности понятіе нерожденности явилось, то, очевидно, что оно выражаетъ не сущность Божію.

Чтобы найти какой нибудь исходъ изъ этихъ противо- рѣчій, Евномій сталъ учить, что имена имѣютъ божествен- ное происхожденіе, и, значить, существовали раньше по- явленія на свѣтъ людей, такъ что люди съ самаго момента своего появленія имѣли полную возможность постигать все существующее въ готовыхъ именахъ. По ученію Евномія, „надобно или не усвоить Богу происхожденія сущаго, или, допустивъ оное, не отнимать положенія Имъ именъ“¹⁾. Въ противномъ случаѣ мы впадемъ въ противорѣчіе. Вслѣд- ствіе всего этого „справедливо“, по Евномію, и весьма со- образно съ закономъ промысла, чтобы имена были даны предметамъ свыше“²⁾. Свое ученіе о божественномъ про- исхожденіи именъ Евномій старался обосновать на библей- скихъ свидѣтельствахъ: „поелику, говорилъ Евномій, Богъ не спускается бесѣдою съ служащими Ему, то слѣдуетъ думать, что Онъ свойственныя вещи наименованія положилъ изначала“³⁾. Въ своихъ откровеніяхъ человѣку Богъ по-

¹⁾ Твор. св. Григорія Нисск. ч. 6-я, стр. 426.

²⁾ Ibid. стр. 478.

³⁾ Ibid. стр. 427.

учаль его именамъ, выражающимъ собственныя Его божественныя идеи о вещахъ, такъ что самодѣтельности чело-вѣческаго разума оставалось только постигать сущность вещей въ звукахъ свыше открытыхъ именъ. Что идеи божественнаго разума воплощаются въ звукахъ именъ, такъ что Богъ познаетъ и мыслить, подобно чело-вѣку, опредѣленными словами,—это, по Евномію, всякому извѣстно изъ Библии. Моисей ясно говоритъ, что Богъ при твореніи міра сначала повелѣвалъ, что должно было явиться, и вслѣдъ за повелѣніемъ это немедленно же и осуществлялось. Богъ говорилъ: „да будетъ свѣтъ“, „да будетъ твердь“, „да соберется вода“, „да явится суша“ и пр., и все что повелѣвалось Его словомъ, немедленно же являлось въ бытіе, какъ сущность¹⁾. Съ произнесеніемъ слова земля, напр., появилось не иное что-нибудь, а именно земля, потому что ея именно сущность выражается въ произнесенномъ словѣ. Съ откровеніемъ этого слова людямъ, и для нихъ явилась полная возможность мыслить въ немъ самую сущность нашей планеты, какъ и во всѣхъ вообще Божіихъ глаголахъ мыслить сокровенныя сущности тѣхъ вещей, которыя возникали по этимъ глаголамъ. И не только обширные роды твореній были обозначены Богомъ опредѣленными именами, и всѣ частныя виды бытія получили отъ Него свои собственныя наименованія. „Въ подтвержденіе этой своей мысли Евномій ссылался на 146 псаломъ, въ четвертомъ стихѣ котораго сказано о Богѣ: „исчитай множество звѣдъ и всѣмъ имъ имена нарицай“²⁾. Въ этомъ текстѣ Евномій видѣлъ яонѣйшее подтвержденіе своего ученія о происхожденіи именъ, и потому считалъ себя въ правѣ сдѣлать послѣднее заключеніе: „Богъ Промыслитель, по закону своей промыслительной дѣятельности, насадилъ имена вещей въ наши души, такъ что мы безъ особеннаго труда можемъ имѣть самое достовѣрное понятіе о вещахъ и даже постигать въ именахъ самую сущность ихъ“³⁾. Вся защита Евноміемъ разрушенной св. Григоріемъ теоріи именъ основывается на неправильномъ пониманіи библейскаго ученія о Божіихъ глаголахъ въ твореніи и промышленности,—а потому на это неправильное пониманіе

¹⁾ Твор. св. Григорія Нисск. ч. 6-я, стр. 347.

²⁾ Твор. св. Григорія Нис. Ч. 6-я, стр. 480.

³⁾ Ibid. стр. 479.

св. Григорій и обратилъ теперь свое главное вниманіе. Онъ совершенно отрицаетъ грубо-чувственное пониманіе библіи. По его представленію, Богъ не могъ произносить усвояемыхъ ему повелительныхъ словъ; если же Св. Писаніе повѣствуетъ объ этихъ словахъ, то это просто *τρόπος παιδείας*, приспособленіе къ человѣческому пониманію. „Такъ какъ, рассуждаетъ св. Григорій, мы привыкли напередъ выражать свое хотѣніе словами, а потомъ производить дѣйствіе, согласно съ хотѣніемъ, то Св. Писаніе и изображаетъ могущество Божественной природы въ чертахъ наиболѣе пригодныхъ для уразумѣнія людей“¹⁾. Подобное этому въ Св. Писаніи встрѣчается часто: оно говоритъ объ очахъ, ушахъ и перстахъ Божіихъ, но не потому, чтобы всѣ эти человѣческіе члены дѣйствительно были у Бога, а потому, что намъ удобнѣе понимать великія тайны божественной жизни и дѣятельности въ нашихъ человѣческихъ формахъ²⁾. Поэтому, и при твореніи міра Богъ совсѣмъ не произносилъ никакихъ словъ, а просто только однимъ мановеніемъ Своей всемогущей воли извелъ изъ небытія въ бытіе сущности всего сотвореннаго. „Звуки для объясненія сущаго изобрѣла, по Григорію Нисскому, вложенная Богомъ въ нашу природу разумная сила, и образованіе именъ находится во власти людей, прилагающихъ предмету названія, какъ кому покажется соответственнымъ“. Такимъ образомъ, имена выражаютъ не объективныя сущности вещей, а только наши познанія о вещахъ. Изъ этого общаго сужденія не исключается и понятіе нерожденности. Оно точно такъ же, какъ и всѣ прочія имена, есть только человѣческое представленіе о свободѣ Бога отъ временныхъ условій тварнаго бытія, и указываетъ собою на одно только свойство божественной самобытности. Евномій смѣшалъ два разныхъ понятія—понятіе бытія и понятіе образа существованія. Понятіе нерожденности указываетъ не на бытіе, а на образъ бытія, не на сущность, а на образъ ея существованія, и потому сущность не выражается въ этомъ понятіи. „Иное, рассуждаетъ св. Григорій, понятіе бытія и иное понятіе, указывающее собою на образъ или качество бытія“³⁾. „Что Богъ нерожденъ, мы съ этимъ согла-

¹⁾ Твор. св. Григорія Нисск. Ч. 6-я, стр. 356.

²⁾ Ibid. стр. 358.

³⁾ Григорій Нисск. Творенія. ч. 6-я, стр. 417.

сны, но что нерожденность есть и сущность (Бога), этому противорѣчимъ, потому что, по нашему мнѣнію, это имя означаетъ то, что Богъ существуетъ нерожденно, а не то, что нерожденность есть Богъ“¹⁾.

Евномій сдѣлалъ еще одну послѣднюю попытку оправдать основную идею своего ученія—возможность абсолютнаго познанія о Богѣ—на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ христіанскаго откровенія. Выходя изъ того совершенно вѣрнаго положенія, что Христосъ далъ намъ свѣтъ и разумъ для познанія Бога истиннаго, Евномій полагалъ въ этомъ познаніи всю сущность христіанства, такъ что, по его представленію, самый фактъ существованія христіанства вполне доказываетъ истинность его ученія о возможности абсолютнаго познанія о Богѣ. „Ужели,—спрашиваетъ Евномій своихъ противниковъ,—Господь напрасно наименовалъ Себя дверію, если нѣтъ никого, входящаго (черезъ Него) къ познанію и созерцанію Отца, или напрасно (наименовалъ Себя) путемъ, когда Онъ не доставляетъ никакого удобства для желающихъ придти къ Отцу? Какъ Онъ былъ бы свѣтомъ, если бы не просвѣщалъ людей и не озарялъ ихъ душевнаго ока къ познанію Себя Самого и превосходящаго свѣта“²⁾. Опровергая Евномія, св. Григорій Нисскій доказывалъ, что знаніе сущности Божіей абсолютно невозможно. „Естество Божіе,—говорилъ онъ,—превышаетъ всякое постигающее разумѣніе,—и понятіе, какое о Немъ составляетъ, есть лишь подобіе искомаго, такъ какъ оно показываетъ не тотъ самый образъ, котораго никто изъ людей не видѣлъ и видѣть не можетъ, но какъ въ зеркалѣ и въ загадочныхъ чертахъ отбѣняетъ подобіе искомаго, составляемое въ душахъ по однимъ лишь догадкамъ“³⁾. Поэтому суетенъ тотъ, кто говоритъ, что возможно познать божескую сущность. Потому что человекъ не такъ великъ, чтобы равняться съ Богомъ своею познавательною силою. И не такъ мало искомое, чтобы быть ему объяту помышленіями и человеческаго ничтожества“⁴⁾. „Если низшая природа, подлежащая нашимъ чувствамъ, выше мѣры человеческого вѣдѣнія, то

¹⁾ Твор. св. Григорія Нисск. ч. 6-я, стр. 335.

²⁾ Ibid. стр. 172.

³⁾ Твор. Св. Григорія Нисск. ч. 6-я стр. 138.

⁴⁾ Ibid. 303.

какъ Создавшій все единымъ хотѣнiемъ можетъ быть въ предѣлахъ нашего разумѣнiя?“¹⁾ „Ибо велико и непроходимо разстоянiе, которымъ несозданное естество отдѣлено отъ созданной сущности. Одно ограничено, другое не имѣетъ границъ; одно объемлетъ своею мѣрою, какъ того восхотѣла премудрость Создателя, другое не знаетъ мѣры; одно связано нѣкоторымъ протяженiемъ разстоянiя, замкнуто временемъ и мѣстомъ; другое выше всякаго понятiя о разстоянiи; сколько бы кто ни напрягалъ ума, столько же оно избѣгаетъ любознательности“²⁾. О Творцѣ міра, говоритъ св. Григорій, мы знаемъ „лишь то одно, что Онъ существуетъ, а понятiя о существѣ Его мы не знаемъ“³⁾. Не зная понятiя, мы не знаемъ и имени, выражающаго его, а потому „утверждаемъ, что имени этого или совершенно нѣтъ, или оно намъ совершенно неизвѣстно“⁴⁾. Въ Св. Писанiи св. Григорій нашелъ подтвержденiе этого своего мнѣнiя. Св. Писанiе ясно свидѣтельствуетъ, что „Бога никто же видѣ нигдѣ же“. Этими словами рѣшительно утверждая, что не людямъ только, но и всякой разумной природѣ не доступно вѣдѣнiе сущности Божіей“⁵⁾. Пророческое слово говоритъ даже, что „величію свойствъ Божіихъ нѣтъ никакого предѣла,—что же послѣ этого остается сказать о Его сущности?“⁶⁾ „Поэтому то Писанiе самую сущность, какъ невѣстимую ни для какой мысли и невыразимую никакимъ словомъ, оставило неизслѣдованною“⁷⁾. Самъ Моисей, говорившій съ Богомъ лицомъ къ лицу, свидѣтельствуетъ, что о Немъ ничего нельзя знать, кромѣ лишь того, что Онъ существуетъ...⁸⁾.

Итакъ, по ученiю Григорія Нисскаго, Богъ въ своей сущности непостижимъ. Но и, по его ученiю, нельзя сказать, что стремленiя познающаго человѣческаго разума проникнуть за предѣлы чувственнаго міра не совсѣмъ бесплодны. „Хотя человѣческій разумъ не настолькоъ проницателенъ, чтобы ясно видѣть невидимое, но онъ не вовсе отлученъ отъ всякаго приближенiя къ верховному естеству, такъ чтобы уже совсѣмъ не

¹⁾ Ibid. 297.

²⁾ Твор. св. Григорія Ниск. ч. 6-я стр. 292.

³⁾ Ibid. 294. ⁴⁾ Ibid. ч. 5-я. Стр. 92.

⁵⁾ Ibid. стр. 105.

⁶⁾ Творенiя Григорія Нис. Ч. 5 стр. 15.

⁷⁾ Ibid. Ч. 6-я стр. 308.

⁸⁾ Ibid. Ч. 5-я стр. 102.

могъ получить никакого гаданія объ искомомъ“¹⁾ Божество, говоритъ св. Григорій, какъ совершенно непостижимое и ни съ чѣмъ несравнимое, познается по одной только дѣятельности“²⁾. „Какъ въ человѣческихъ произведеніяхъ нѣкоторымъ образомъ усматривается чрезъ размышленіе художникъ выставяемаго творенія, въ дѣло свое вложившій искусство, усматривается же не естество художника, а только художническое знаніе, какое онъ вложилъ въ свое произведеніе: такъ и мы, взирая на красоту въ твореніи, напечатлѣваемъ въ себѣ понятіе не сущности, а премудрости премудро все сотворившаго“³⁾. Кромѣ этого обыкновеннаго способа богопознанія, св. Григорій указываетъ высшій, особенный источникъ его въ разумномъ созерцаніи и вѣрѣ. „Нельзя, говоритъ онъ, приблизиться къ Богу иначе, какъ если не будетъ посредствовать вѣра, и если она не приведетъ съ собою изслѣдующій умъ въ соприкосновеніе съ непостижимой природой“⁴⁾. По этому пути богопознанія люди могутъ идти послѣ предварительнаго очищенія себя отъ всякаго грѣха, потому что „нечистому нельзя усматривать абсолютнаго чистаго“⁵⁾. Однако и при этомъ высшемъ пути богопознанія усматривается не самая сущность Божества, а только Его высочайшія свойства, по которымъ мы можемъ гадать отчасти и объ Его сущности.

Итакъ, свв. Василій Великій и Григорій Нисскій въ полемикѣ противъ Евномія рѣшили вопросъ о познаваемости Бога въ томъ смыслѣ, что Онъ непостижимъ въ Своей сущности, но познаваемъ въ дѣйствіяхъ и откровеніяхъ въ мірѣ и въ духѣ человѣческомъ.

Противъ такого рѣшенія вопроса о познаваемости Божества иномыя возражали разнаго рода софизмами въ родѣ слѣдующаго: „если вы утверждаете, что знаете Бога, то и вы знаете сущность Его, если же не знаете сущности Божіей, то вовсе не знаете Его“. На это св. Василій отвѣчаетъ слѣдующимъ: „спрашиваютъ: то ли чувствуешь, что знаешь, или то, чего не знаешь? Если отвѣтимъ: что знаемъ, тому и поклоняемся, у нихъ готовъ новый вопросъ: какая сущность поклоняемаго? Если же признаемся, что не знаемъ сущности, снова, обращаясь къ намъ, говорятъ: слѣдовательно вы

1) Ibid. Ч. 6-я стр. 319—320.

2) Ibid. Стр. 418.

3) Твор. Григорія Нисс. Ч. 5-я стр. 112.

4) Ibid. Ч. 6-я стр. 302.

5) Ibid. Стр. 506.

поклоняетесь тому, чего не знаете. А мы говоримъ: слово—звать многозначительно. Ибо утверждаемъ, что знаемъ Божіе величіе, Божью силу, премудрость, благодать и промысль, съ какимъ печется о насъ Богъ, и правосудіе Его, но не самую сущность. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ себѣ одну хитрую уловку. Ибо кто утверждаетъ сущности, тотъ еще не показываетъ, что не знаетъ Бога“ 1). Здѣсь такое же лжеумствование, какъ если бы сказать: „знаешь ли ты Тимоѳея? Если Тимоѳея знаешь, то знаешь, поэтому, и его естество. И ты объявишь, что Тимоѳея знаешь: поэтому ты долженъ дать намъ понятіе объ его ествѣ. Но я знаю Тимоѳея, и не знаю его,—конечно, не въ одномъ и томъ же отношеніи, и не потому же самому. Ибо не въ томъ отношеніи не знаю, въ какомъ знаю, но въ одномъ отношеніи знаю, а въ другомъ не знаю. Знаю въ отношеніи къ чертамъ лица и прочимъ отличительнымъ свойствамъ его, но не знаю по отношенію къ сущности“ 2).

Такого рода отвѣтамъ со стороны православныхъ аномеи противопоставляли слѣдующее лжеумствование: Богъ, говорили они, Свою собственную натуру и сущность знаетъ совершенно и истинно и знаетъ совершеннѣйшимъ образомъ, что такое Онъ по сущности. Если, поэтому, мы не знаемъ Его такъ, какъ Онъ Самъ Себя знаетъ, то знаемъ Его ложно и неправильно. Ибо кто не тѣмъ же образомъ и не такъ знаетъ, какъ тотъ, кто знаетъ, тотъ долженъ быть признанъ остающимъ въ совершенномъ заблужденіи. На это св. Кириллъ александрійскій отвѣчаетъ: „Это крайняя нелѣпость говорить, что не истинно знаетъ, кто не такъ знаетъ, что либо, какъ тотъ, кто имѣетъ объ этомъ совершенное познание. Ибо мы можемъ знать меньше, и въ этомъ отношеніи быть ниже того, кто имѣетъ совершенное познание и однако жь не быть въ заблужденіи отъ истины. Напримеръ, одинъ знаетъ случающееся затмѣніе луны, но когда и по какой причинѣ оно должно быть, не знаетъ, другой же это очень хорошо знаетъ. Если послѣ сего сопоставить одного болѣе свѣдущаго и все это знающаго съ другимъ низшимъ его по наукѣ и мало по этой части свѣдущимъ, то можно ли будетъ отсюда заключать, что тотъ изъ нихъ ложно думаетъ относительно луны, кто утверждаетъ только о случа-

1) Творенія въ русск. перев. Ч. 3-я, стр. 220.

2) Ibid. Стр. 224.

ощемся съ нею затмѣннн? Конечно, нѣтъ. Если же возможно, чтобы одно и то же одинъ понималъ полнѣе и совершеннѣе, а другой менѣе совершенно и въ то же время ихъ обоихъ мнѣнн были истинны, то что препятствуетъ тому, чтобы мы, будучи людьми, меньше знали Бога, чѣмъ Самъ Себя Онъ знаетъ, не зная, что такое Онъ по сущности, и въ то же время не заблуждались“¹⁾.

Аріанское ученіе о познаваемости Бога имѣло въ ихъ еретическомъ богословіи значеніе центрального пункта, изъ котораго діалектически вытекали ихъ лжемудрствованія о Сынѣ Божіемъ. На тѣсную связь аріанскаго ученія о богопознанн съ ученіемъ о Сынѣ Божіемъ указываютъ и отцы, полемизировавшіе противъ Евномія и его послѣдователей. „Евномій, говоритъ Василій Великій, доказываетъ, что нерожденность есть сущность Бога всяческихъ, чтобы, доказавъ сіе, имѣть безспорно признаннымъ другое положеніе а именно, что Единородный не одинаковъ съ Отцемъ по сущности“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ св. Василій прямо говоритъ: „опредѣливъ, что сущность Бога всяческихъ обозначается Его нерожденностью, Евномій заключаетъ, что сущность Сына обозначается тѣмъ, что Онъ есть порожденіе, и этимъ хочетъ доказать, что, по причинѣ противоположности рожденнаго нерожденному, Единородный противоположенъ Отцу по самой сущности“³⁾. На эту же связь ученія о познаваемости Бога съ ученіемъ о Сынѣ Божіемъ указываетъ Григорій Нисскій, когда говоритъ: „имѣя въ виду ту злую цѣль, чтобы какъ можно болѣе утверждать отрицаніе Божества Единороднаго, они (аріане) опредѣляютъ сущность Отца какъ нерожденность, дабы противопоставленіемъ съ рожденнымъ изъ противорѣчія именъ вывести различіе естествовъ“⁴⁾.

Свв. Василій Великій и Григорій Нисскій потому и приложили столько труда для опроверженія аріанскаго ученія о Богопознанн, что съ опроверженіемъ этого ученія падало ихъ еретическое ученіе о Сынѣ Божіемъ.

Священникъ Евграфъ Овсянниковъ.

¹⁾ Thesaur. assert. XXXI. Patr. compl. graec. T. LXXV. col. 449. Ср. Сильвестра „Опытъ правосл. догмат. Богосл.“ т. 1 стр. 268—270.

²⁾ Твор. ч. 8-я. Стр. 21.

³⁾ Твор. св. Василія Вел. Ч. 3-я, стр. 69.

⁴⁾ Твор. св. Григорія Нисскаго. Ч. 6-я, стр. 274.

Идея нагляднаго обученія въ главныхъ моментахъ ея историческаго развитія и практическомъ примѣненіи.

Въ исторіи педагогики и въ ряду педагогическихъ идей идея нагляднаго обученія занимаетъ исключительное положеніе. Съ этой идеей связывается представленіе о „картинахъ“, „ландкартахъ“, „земныхъ и небесныхъ шарахъ-яблокахъ (глобусахъ)“, „архитектурныхъ чертежахъ“, „математическихъ и физическихъ инструментахъ“, „видахъ“, „купиштахъ“, „фряжскихъ и нѣмецкихъ листахъ“, „экскурсіяхъ“ и проч.—представленіе о чемъ то интересномъ и занимательномъ, красивомъ и реальномъ. Было время, когда эту идею нашли, подчеркнули и ввели въ обиходъ педагогическихъ приемовъ, какъ нѣчто спасительное и великое въ методологическомъ омыслѣ. Затѣмъ ее развивали и видоизмѣняли и доходили въ дѣлѣ ея практическаго примѣненія до наивностей и даже курьезовъ. Были моменты особеннаго увлеченія ею и такого же охлажденія, у насъ и на Западѣ. Въ 60 годахъ прошлаго столѣтія она знаменовала у насъ зарю „новой“ школы, спустя же 20 лѣтъ послѣ этого,—признавалась „забытымъ вопросомъ“.

Нашей идеѣ насчитывается болѣе 300 лѣтъ, но за это долгое время наглядное обученіе не приняло опредѣленной физиономіи и значенія отдѣльнаго школьнаго предмета: этому обученію суждено было всегда быть только методомъ, приемомъ, сопутствующимъ школьному наученію,—но и въ этой своей роли наглядное обученіе не приведено къ чему либо точному. Съ нашей идеѣй связаны имена великихъ педаго-

говъ-реформаторовъ: извѣстенъ рядъ другихъ педагоговъ, которые интересовались ею. Всѣ они смотрѣли на этотъ родъ обученія, какъ на возможно лучшей, легчайшей и для всѣхъ доступной, но въ своихъ трудахъ по данному вопросу, какъ тѣ, такъ и другіе, не опредѣлили, въ чемъ заключается сущность нагляднаго обученія, гдѣ начинается и гдѣ должно оканчиваться это послѣднее и можетъ ли быть какой нибудь одинъ опредѣленный пріемъ въ этомъ обученіи или же такихъ пріемовъ можетъ существовать столько, сколько выпускается на рынокъ,—Кнебелемъ, Гросманомъ, Сытинымъ и др.,—такъ называемыхъ наглядныхъ пособій—картинъ, коллекцій, моделей и т. д. Слѣдовательно, не установлено самое главное и необходимое. Достоинство вниманія еще то обстоятельство, что наглядное обученіе всегда шло рядомъ и въ тѣсной зависимости отъ типографскаго дѣла и „прикладнаго искусства“. Для иллюстраціи Orbis Pictus Коменія не нашлось гравера, тоже случилось въ Россіи въ XVII в. съ русскимъ переводомъ этого труда. Въ послѣднее же время многоиздательства и разныя мастерскія выпускаютъ на рынокъ сотни „наглядныхъ пособій“, заранее высмотрѣвъ и опредѣливъ, гдѣ и въ чемъ въ области школьной учебы можетъ имѣть примѣненіе ихъ товаръ. Такимъ образомъ чисто коммерческими предпріятіями прокладываются новыя пути и расширяется дѣло, но въ то же время самая идея нагляднаго обученія расплывается и блѣднѣетъ, и тѣмъ труднѣе дается находеніе устойчивыхъ пріемовъ этого обученія.

Отцомъ нагляднаго обученія почитается Янъ Амосъ Коменій—великій педагогъ славянинъ—(родился 28-го марта 1592 г. въ Моравіи). *Личность, духовный складъ, жизнь, труды, содержаніе и языкъ твореній, „этого славнѣйшаго мужа“, „этого дара провидѣнія“—въ высшей степени интересны и необычайны.*

Смерть рано похитила родителей Коменія. Опекуны мало заботились о мальчикѣ, и онъ только на 16 году начинаетъ посѣщать школу. Дальнѣйшее образованіе Коменій получаетъ въ Герборигѣ, въ Гейдельбергской академіи, и затѣмъ много путешествуетъ по Европѣ. По возвращеніи на родину, берется за устройство школы, владея необходимыми знаніями и побуждаемый горячимъ желаніемъ усовершенствовать школьное дѣло. Въ 1621 г. въ пенапскомъ погромѣ г. Фуль-

жена теряетъ жену, двухъ малолѣтнихъ дѣтей, все имущество и рукописи, и съ этихъ поръ уже не знаетъ покоя. Въ 1624 г. лишается мѣста ректора школы и, по требованію австрійцевъ, удаляется изъ родной страны. Одно время затѣмъ скрывается въ Богемскихъ горахъ, гдѣ пишетъ краткую методологію. Въ 1628 г. мы видимъ его на пограничномъ хребтѣ горъ, разделяющихъ Богемію отъ Силезіи, преклоненнаго, съ молитвенно воздѣтыми руками, покидающаго вторично и навсегда свою родину, по настоянію тѣхъ же австрійцевъ. Въ 1638 г. его зовутъ въ Швецію для устройства тамъ школы по его собственной методѣ; приблизительно около того же времени онъ получаетъ подобное же приглашеніе изъ Англіи. Въ 1641 г. отправляется въ Лондонъ, въ 1642 г. перѣзжаетъ въ Швецію, бесѣдуетъ тамъ о школьныхъ дѣлахъ съ канцлеромъ Оксенштирною „сѣвернымъ орломъ“, такъ же какъ и Коменій, ищущимъ новыхъ путей, новыхъ пріемовъ въ обученіи.

Умираетъ Коменій въ Амстердамѣ 15 ноября 1657 года, окруженный любовью сената, посвятивъ свои сочиненія тому городу, гдѣ находили пристанище и пріютъ многіе другіе великіе мужи, гдѣ были изданы лучшіе и драгоцѣннѣйшіе ихъ труды,—городу книгъ, гравюръ и философовъ.

На фонѣ тридцатилѣтней войны, непрестанныхъ политическихъ и религіозныхъ бурь „великій странникъ“ является выпуклой и глубоко трагической фигурой.

Коменій былъ высокаго роста, красивой и величавой наружности, съ длинною бородою, высокимъ челомъ, съ добрымъ, но скрывающимъ тихую печаль взглядомъ. Исторія сохранила намъ и его духовный образъ—скромный и величественный. Исполненный воспрощающей любви, Коменій никого и никогда не проклиналъ и не осуждалъ. Чистая его душа не знала обмана. До конца своей жизни онъ не переставалъ вѣрить въ челоуѣка и добро. Коменій былъ глубоко жизнерадостенъ, почерпая эту силу „въ той Божественной премудрости, которая разлита по всей видимой природѣ“.

Литературные труды Коменія написаны удивительно образнымъ языкомъ, полны сблженій, сравненій, унодобленій, параллелей, ссылокъ и цитатъ, проникнуты глубокимъ религіознымъ настроеніемъ, полны жизненной природы и

жизнерадостности, обвѣяны любовью къ человѣчеству и къ видимому великому Божьему міру.

Такииъ же выпуклыми и рельефными, свѣтлыми и жизнерадостными явленіемъ на темномъ фонѣ современной школьной учейы была и его „новая метода“.

Нужно замѣтить, что школьное дѣло въ XVII в. находилось въ рукахъ педагоговъ-схоластиковъ, окрасившихъ его еще цѣлыми вѣками раньше въ цвѣтъ и тонъ своей возлюбленной „латыни“. Въ школахъ того времени изучали главнымъ образомъ и прежде всего эту послѣднюю, изъ латинскихъ же авторовъ черпали и усвоили фразы, сентенціи и выраженія, заучивали все это на память и жили въ этомъ мірѣ чужихъ мыслей, взглядовъ и вкусовъ, имѣвшихъ реальную почву сотни лѣтъ тому назадъ. Эти же „авторы“ имѣли значеніе неоспоримыхъ авторитетовъ, предъ которыми благоговѣла человѣческая мысль и которыми она связывалась, какъ сковывается цѣпями узникъ. Образовалась особая мѣрка, подъ которую подгонялась живая индивидуальность. Самое изученіе латинскаго языка начиналось или съ грамматики или съ лексикона, причемъ правила первой изучались отвлеченно, помимо и внѣ примѣровъ ихъ поясняющихъ. Память и воображеніе подавлялись множествомъ заучиваемыхъ наизусть словъ. Географіи, исторіи, отечественнаго языка въ школахъ не преподавали. „Предметовъ“ и „вещей“ не показывали, о нихъ ученики узнавали изъ „словъ“ и „названій“: физику объясняли по книгѣ и тексту Аристотеля, причемъ опыты отсутствовали, и о нихъ даже не номыслили. „Глаза и личный опытъ оставались безъ упражненій,—всюду и вездѣ—міръ буквъ и словъ, такъ какъ школы учили видѣть чужими глазами, постигать предметы чужимъ умомъ“¹⁾. Ко всему этому присоединялся методъ „отвратительный, скучный и мрачный“. Тѣ же школы не заботились о томъ, „чтобы орудія всякаго рода—книги, доски, прописи, образцы и проч., всегда находились на готовѣ“²⁾. Мы выбрали и указали здѣсь именно тѣ особенности современной Коменію школы, по сравненію съ которыми, его „новая метода“ въ той ея части, что отведена имъ на долю нагляд-

¹⁾ См. Magna Didactica, гл. IX, XI и XVІІІ.

²⁾ См. „Великая Дидактика“ Яна Амоса Коменія, изд. ред. журнала „Семья и школа“, стр. 94. С.-Петербургъ. 1875—1877.

наго обученія, составляетъ, какъ увидимъ ниже, полную противоположность: вмѣстѣ съ тѣмъ мы подчеркнули тѣ недостатки, которые создали *темное* пятно на черномъ фонѣ современной учебы и, въ сравненіи съ тѣмъ, такъ свѣтлы были „нововведенія“ великаго педагога.

„Новая метода“ Коменія нашла выраженіе въ двухъ его трудахъ: „Magna Didactica“ и „Orbis Pictus“.

Первая написана въ 1628 году. Она вошла въ собственно педагогическія его сочиненія, изданныя въ 1657 году въ 4 частяхъ, представляющія громадный томъ in folio мелкой печати и заключающія въ себѣ болѣе 1000 листовъ. Изданіе это вышло въ свѣтъ по опредѣленію Амстердамскаго Сената, посвящено Амстердаму, и редактировано самимъ авторомъ. Общее заглавіе его: „I. A. Comenii opera omnia didactica“. Экземпляръ этого изданія имѣется въ С.-Петербургской публичной библиотекѣ, съ него сдѣланъ и русскій переводъ въ 1875—1877 г. и издавъ журналомъ „Семья и школа“. Выписки изъ латинскаго текста „Opera omnia Didactica“ можно находить у Митропольскаго—„Янъ Амосъ Коменскій и его значеніе въ педагогикѣ“—журналъ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1871 г. май—іюль.

Мысль и соображенія о наглядномъ обученіи разбросаны по всей „великой дидактикѣ“ и „Видимаго міра“, но *исходнымъ* пунктомъ ученія Коменія объ этомъ предметѣ могутъ считаться тѣ мѣста дидактики, гдѣ онъ трактуетъ объ источникахъ человѣческаго познанія, —внѣшнихъ чувствахъ —внѣшнихъ очахъ“. Всякое познаніе, учить здѣсь Коменій, имѣетъ свое начало во внѣшнихъ чувствахъ. Если такъ, то и *обученіе* должно начинать съ дѣйствительнаго „созерцанія“ и потомъ, когда „вещь“ показана, должна и можетъ слѣдовать *речь*, разъясняющая предметъ полнѣе. „Все должно быть предоставлено внѣшнимъ чувствамъ насколько это возможно: видимое—зрѣнію, слышимое—слуху, обоняемое—обонянью, вкушаемое—вкусу и осязаемое—осязанію. Если же что нибудь можетъ быть одновременно воспринято нѣсколькими чувствами, то и представляй этотъ предметъ одновременно нѣсколькимъ чувствамъ“ ¹⁾. Въ чемъ же „сила“ внѣшнихъ чувствъ и какія преимущества познанія на нихъ осно-

¹⁾ См. „Великая Дидактика“, стр. 164.

ваннаго? Въ томъ, учитъ Коменій, что чувственное воспріятіе *первично и непосредственно*, и *достоувѣрность* его заключается въ немъ самомъ. На внѣшнихъ чувствахъ покоится наше *внутреннее убѣжденіе*; опытъ нашихъ личныхъ чувствъ — есть въ то же время и критерій достоувѣрности свидѣтельства другихъ. Все въ тѣхъ же внѣшнихъ чувствахъ находитъ себѣ вѣрнѣйшаго помощника и „укрѣпляющее оружіе“, т. е. *память*. Чувственное созерцаніе даетъ знаніе прочное и постоянное ¹⁾.

Свою мысль о „прочности“ познанія, приобретаемаго путемъ созерцанія, Коменій подкрѣпляетъ примѣрами. „Дѣйствительно, говоритъ онъ, если я отвѣдалъ хотя однажды сахара, видѣлъ однажды верблюда, слышалъ однажды пѣніе соловья, былъ однажды въ Римѣ и осматривалъ его, то всѣ эти воспріятія удержатся крѣпко въ памяти и не могутъ исчезнуть изъ нея. Достоувѣрность такого познанія свидѣтельствуется уже однимъ ходячимъ общеупотребительнымъ выраженіемъ: „наглядное воззрѣніе служить за доказательство“ ²⁾. Отъ внѣшняго созерцанія Коменій переходитъ къ внутреннему созерцанію вещей (*interna rerum spectatio*). Последнее приобретается съ помощью тѣхъ же средствъ и тѣмъ же путемъ, что и первое, именно при посредствѣ *глазъ, предмета и свѣта*.

Глазюмъ внутренняго созерцанія служитъ умъ (мыслительная способность), предметомъ—всѣ вещи (представленія), находящіяся внѣ разума и въ умѣ, свѣтомъ—надлежащее въ каждомъ случаѣ—вниманіе. „Богъ по своему усмотрѣнію всѣмъ даровалъ зеркало ума (*mentis Speculum*)—внутреннія очи“. Эта аналогія, проводимая между двумя „созерцаніями“—въ духѣ своего *времени* и во вкусѣ сближеній Коменія, которыми такъ богата его дидактика.

Для насъ эта аналогія важна, поскольку ею пролагается путь для идеи нагляднаго обученія и поскольку уясняется это послѣднее въ общемъ ходѣ иныхъ положеній великаго педагога. Внутреннюю жизнь души и познавательный процессъ Коменія, очевидно, представляетъ себѣ также и въ такомъ же видѣ, какъ это наблюдается во внѣшнемъ „созерцаніи“, при томъ—„по своему“, образно и при наличности особыхъ:

¹⁾ См. „Великая Дидактика“, *ibid*, стр. 165.

²⁾ *Ibid*, стр. 166.

„глаза“, „предмета“ и „свѣта“. Если такъ, то значить жизнь души должна состоять изъ *впечатлѣній* и *образовъ*, получаемыхъ путемъ наблюденія—созерцаній. Если только внѣшнее созерцаніе прочно, достовѣрно и убѣдительно, значить и внутреннее созерцаніе, если оно есть, должно отличаться тѣми же качествами прочности, достовѣрности и убѣдительности. Если,—дальше,—будетъ соблюдено и выдержано это внутреннее созерцаніе, то въ душѣ образуется не мѣръ буквъ и словъ, а *мѣръ живыхъ образовъ, при самомъ своемъ возникновеніи иль ющихъ реальную почву въ живой текущей дѣйствительности*. Каждый человекъ, учить дальше Коменій, можетъ и долженъ развивать свои „внѣшнія чувства“ и упражняться въ „созерцаніи“ въ такъ называемой по Коменію „материнской школѣ“. Эта послѣдняя есть собственно первое, возможно доступное и для всякаго обязательное осуществленіе „наглядности“. Въ „материнской школѣ“, гдѣ первымъ и послѣднимъ педагогомъ является мать, а единственнымъ ученикомъ—ея родное дитя, прежде всего и преимущественно совершенствуются внѣшнія чувства, „дабы они привыкли останавливаться надлежащимъ образомъ на предметахъ и узнавать ихъ“. Въ этой школѣ дитя знакомится съ тѣмъ, что такое—вода, земля, воздухъ, огонь, дождь, снѣгъ, ледъ, камень, желѣзо, дерево, растеніе, птица, рыба и т. д., и такимъ образомъ полагаетъ начало знакомству съ *физикой*. Когда дитя, съ помощью матери, начинаетъ опредѣлять и называть свѣтъ, мракъ, тѣнь, главныя цвѣта—бѣлый, черный, красный и проч.—и находить ихъ различія, тогда оно получаетъ познанія въ *оптикѣ*.

Началомъ познанія въ *астрономіи* будетъ служить для дитяти знаніе того, что называется небомъ, солнцемъ, луною, звѣздами. Введеніе въ *географію* получитъ мѣсто, когда дѣти научатся понимать, что такое гора, нива, долина, рѣка, селеніе, мѣстечко, городъ. Начало въ *исторіи* полагается съ того момента, когда дѣти будутъ въ состояніи припомнить и рассказать, что недавно случилось, какъ поступилъ тотъ или другой человекъ при томъ или иномъ случаѣ,—только все это должно быть въ дѣтской сферѣ и по-дѣтски. Точно также дѣти учатся арифметикѣ, геометріи, хронологіи, статикѣ, дѣтской грамматикѣ, риторикѣ, музыкѣ, домоводству, политикѣ, нѣнкѣ (нравственности).

Но всегда ли возможно „наглядное созерцаніе“ предметовъ, въ *школьной* обстановкѣ—въ особенностяхъ? Разумѣется нѣтъ. Въ такомъ случаѣ „вещи“ могутъ быть замѣнены *копіями, моделями и картинами*. Въ XVII в. между составителями книгъ по ботаникѣ, зоологій, геометріи и географіи уже было принято „полезное обыкновение“ прилагать къ такимъ сочиненіямъ рисунки и изображенія,—на что указываетъ и самъ Коменій. Известны также попытки нагляднаго объясненія и въ которыхъ физическихъ и математическихъ явленій (макро-микрокосмъ Роберта Флютта,—этимъ приборомъ искусно показывалось образованіе вѣтровъ, дождя, грозы).—*Коменію же принадлежитъ заслуга введенія наглядныхъ пособій въ школьную жизнь и обоснованія ихъ полезности и пригодности чисто теоретическимъ путемъ.*

Такъ, разбирая состояніе современной школы, Коменій указываетъ на одинъ недостатокъ:—„онѣ, школы, не заботятся о томъ, чтобы орудія всякаго рода—книги, доски, прощелки и образцы, и проч. находились наготовѣ для немедленнаго употребленія“¹⁾. Тотъ же Коменій высказываетъ горячее пожеланіе и требуетъ, чтобы картинки помещались и въ книгахъ по физикѣ и по другимъ предметамъ, а для анатоміи заготовлялись скелеты (послѣдніе изъ дерева, съ *выдѣланными* изъ кожи и наполненными шерстью мускулами, сухожиліями, нервами, венами, артеріями съ присоединеніемъ: легкихъ, сердца, печени, желудка, и проч.).—Въ такомъ случаѣ,—устройство человѣческаго тѣла изучается основательно при посредствѣ „чувственной наглядности“, и ученикъ, занимающійся по этой модели анатоміей, въ состояніи объяснить каждую часть тѣла „почти играючи“. Подобные же и доступные разсмотрѣнію препараты (модели) слѣдовало бы заготовить *по вѣсьмъ предметамъ*, такъ чтобы они были подъ рукою въ школѣ“²⁾. Что касается „материнской школы“, то въ ней несомнѣнную пользу можетъ принести книга съ картинками (*libellus imaginus*), которую слѣдуетъ давать въ руки самимъ дѣтямъ. Въ книгѣ могутъ быть нарисованы: гора, долина, дерево, птица, рыба, лошадь, быкъ, овца, люди различнаго возраста и разнообразной наружности; равно изображены—свѣтъ и потемки, небо съ

¹⁾ Ibid. стр. 94.

²⁾ Ibid. стр. 166—167.

солнцемъ, луною, звѣздами, и облаками, главныя цвѣта, дѣлѣ—принадлежности домашняго хозяйства и инструменты ремесленниковъ: горшки, блюда, кружки, молотки, щипцы, и проч.; не менѣе возможны и желательны изображенія должностей: „король со скипетромъ“, „въ коронѣ“, „солдаты съ вооруженіемъ“, „крестьянинъ съ сохою“, „возчикъ съ телегою“, „почта въ полномъ ходу“. А сверху каждой картины должно быть написано, что на картинѣ изображено: „лошадь“, „быкъ“, „собака“ и т. д.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что Коменій намѣчаетъ: а) обученіе „предметное“ (по современной намъ терминологіи), т. е., непосредственное изученіе—„разматриваніе“—„созерцаніе“ вещей, „предметовъ“, „сущи“ и б) наученіе при помощи картинъ и моделей. Пріемы перваго онъ указываетъ въ XX гл. своей Дидактики.—„Способъ или методъ, какимъ образомъ представлять видѣннымъ чувствамъ предметы“, по словамъ Коменія, требуетъ: 1) чтобы предметъ находился передъ глазами, 2) не слишкомъ далеко, но въ надлежащемъ разстояніи, 3) не сбоку, но прямо передъ глазами, 4) такъ,—чтобы глазъ оставался на каждой части предмета столь долго, пока 5)—не будетъ вѣрно схваченъ весь предметъ, въ его различныхъ подробностяхъ. Изучаемая при этомъ вещь 6) нужно предлагать ученикамъ по ихъ существу, просто, не облекая ихъ словами, метафорами, уподобленіями и гиперболоми. Познать вещь всего легче и вѣрнѣе нужно такъ, какъ она образовалась; при ознакомленіи съ вещью прежде всего надлежитъ показать, что есть въ ней существеннаго, постояннаго, и потомъ уже,—что есть случайнаго;—гдѣ части предмета, каковы порядокъ, положеніе и связь этихъ частей; изучать слѣдуетъ одно за другимъ, въ одно время не болѣе одного предмета; на каждомъ предметѣ слѣдуетъ останавливаться до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ изученъ; различія предметовъ должны быть передаваемы отчетливо, дабы знаніе всѣхъ вещей было определенное и ясное¹⁾.

Необычайныя природныя дарованія и наблюдательность, многолѣтнія занятія въ школѣ и наконецъ, путешествія—все это дало Коменію опытъ, познанія и право отвергнуть

¹⁾ См. *ibid.* гл. XX.

существующіе школьныя порядки, но гениі Коменія не довольствуется этимъ: великій педагогъ вырабатываетъ и создаетъ нечто—новое свое въ области учебы, теоретически обосновываетъ свои положенія (см. Великую Дидактику) и наконецъ стремится *практически* примѣнить эти послѣднія. Попыткой такого примѣненія и быть его „Orbis Pictus“,—„Міръ въ картинахъ“,—изданъ въ 1657 г. въ г. Нюренбергѣ. Текстъ этой книги, законченъ еще въ 1655 г., но самая книга вышла въ свѣтъ не раньше трехъ лѣтъ спустя, потому что не нашлось гравера для исполненія рисунковъ.—Въ этихъ же послѣднихъ былъ весь смыслъ книги, такъ какъ текстъ былъ подобранъ и составленъ примѣнительно къ нимъ, и въ такомъ только видѣ, т. е. съ картинками, названная книга могла быть *новинкой* для публики, а для самого Коменія—исполненіемъ его мечтаній и педагогическихъ начертаній. Найти гравера и издать эту книгу автору помогъ книгопродавецъ Эндтеръ. Orbis имѣлъ много изданій, но рисунки въ первомъ изданіи, хотя изготовлялись три года, вышли грубы и не изящны. Что касается послѣдующихъ изданій, то иллюстраціи въ нихъ, по словамъ историка Раумера, отчетливѣе, чѣмъ въ первомъ, но допущенныя измѣненія въ текстѣ неудачны. Особенно достойно вниманія сравненіе отдѣла, озаглавленнаго „о душѣ человѣка“, въ изданіи 1659 г. съ тѣмъ же отдѣломъ изданія 1755 г. Въ первомъ душа изображена чрезвычайно остроумно, именно въ видѣ тѣла, чисто равнобѣдными точками, безъ свѣта и тѣни. Художникъ очевидно хотѣлъ выразить ту мысль, что душа при-суща, такъ сказать, всему тѣлу. Въ Orbis 1755 г. душа изображена въ видѣ глаза, а на столѣ тутъ же изображенномъ—какія то палочки: I. I. I. I. I. Очень трудно понять этотъ символъ ¹⁾. Несмотря на неудачно исполненныя иллюстраціи, Orbis Pictus явился родоначальникомъ тѣхъ дѣтскихъ книгъ, которыя подъ названіемъ „Bildebuecher“, „живописныхъ обзорѣній“, „живописныхъ сборниковъ“ стремились дать читателю обо всѣхъ вещахъ наглядное представленіе. Orbis Pictus имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ у всѣхъ европейскихъ народовъ. Не только дѣти, но и взрослые любили перелистывать ее: такъ рѣзка и въ то же время пріятна

¹⁾ См. Ж. „Воспитаніе“ 1802 г. т. XI ст. Іоаннъ Амось Коменій. П. Шестакова, стр. 191 и 192.

была противоположность между этой книгой, снабженной рисунками, и съ свѣтлой мыслью, лежащей въ ея основѣ, и современными мертвыми учебниками.

Смысль книги выраженъ въ предисловіи ея: „все, что является дѣтскому созерцанію небо и земля, человѣкъ и животное, вся человѣческая дѣятельность, его стремленія, надежда, вѣра, и проч.—все это представлено въ образахъ и разъяснено приложеніемъ описаній и объясненій“.—Каждому желающему предоставляется такимъ образомъ возможность созерцать вещи, а если ихъ нѣтъ,—подобія ихъ и возрастать въ своей человѣческой личности, питаясь видами вѣчно прекраснаго Божьяго міра. Самъ Коменій подробно разъясняетъ основной принципъ этого своего труда: „ut sit vestibuli et januae linguarum lucidarium“: основой истиннаго знанія можетъ и должна быть только одна „наглядность“, ибо только одно наглядное познаніе истинно, полно, ясно—*eruditio vera, plena, lucida est*¹⁾. (О русскихъ переводахъ „*Orbis Pictus*“—въ свое время).

Разрушеніе церковно-схоластической педагогики началось еще задолго до Коменія. Со всѣхъ сторонъ люди различныхъ направленій, педагоги и иные ученые, постепенно наносили удары господству „мертвой буквѣ“, „буквенному и словесному методу обученія“. Остроумный авторъ „Опытовъ“,—французъ Монтань, въ противовѣсъ мрачной монастырской школѣ стремится на стѣнахъ „своей“ собственной школы изобразить *Веселье, Радость, Флору и Грацію*. Англичанинъ Беконъ всѣмъ и каждому совѣтуетъ черпать свѣдѣнія не изъ книги, а изъ живой природы, а полагая дальѣе въ основу знаній самостоятельный непосредственный опытъ, тѣмъ самымъ естественно разрушаетъ господство „авторитетовъ“. Тотъ же Беконъ считаетъ особо важнымъ и необходимымъ, чтобы „мы никогда не отвращали нашихъ умственныхъ глазъ отъ самыхъ предметовъ и постоянно держали ихъ образы въ томъ видѣ, какъ они есть на самомъ дѣлѣ“. Нѣмецъ Ратихъ (род. въ 1571 г.) требуетъ, чтобы ученику сначала была показана самая вещь, а потомъ уже ея отвлеченный образъ. Славянинъ Коменій вбираетъ и концентрируетъ въ себѣ все то, что было сказано до него, часто случайно

¹⁾ См. Ж. М. Н. II. 1871 г. извѣст. „Жизнь Амоса Коменскія и его значеніе въ педагогикѣ“, ст. Мирнопольскаго, стр. 120.

и вскользь, Монтенемъ, Бекономъ, Локкомъ, Раттихомъ и др.: вводить, гдѣ нужно, мысли этихъ „лучшихъ умовъ“ въ область педагогики и въ ея обиходъ: приносить отъ себя нечто новое, гениальное, все систематизируетъ и *впервые* полагаетъ *начала* новаго метода—нагляднаго обученія и пишетъ, наконецъ, два труда—„Magna Didactica и Orbis Pictus“, которыя являются въ своемъ родѣ *законоположительными* книгами по данному вопросу.

Дальнѣйшее развитіе идеи нагляднаго обученія мы находимъ у такъ называемыхъ филантропистовъ, главнымъ образомъ, и прежде всего—у отца этихъ послѣднихъ—Базедова (1712—1778 г.) и ближайшаго помощника—Вольке.

Подобно Коменію, филантрописты отрицательно относились къ современной школѣ. Какъ смотрѣлъ на этотъ предметъ первый, мы знаемъ. Настоящая учеба, учать вторые—это сплетеніе глупости и злобы. Метода обученія покрыта вѣковой пылью, и всякій, кто принужденъ вдыхать ее, страдаетъ болѣзью мозга. На всей школьной жизни лежатъ старый монашескій отпечатокъ; ученье состоитъ въ зубреніи; дѣтей учать словамъ, которыхъ они не понимаютъ, и вещамъ, изъ которыхъ имъ въ жизни ни разу не придется сдѣлать примѣненія.—Положенія, какъ видимъ,—въ общемъ тѣ же, что и у Коменія, но выражены въ болѣе рѣзкой формѣ,—что естественно: Амосъ величаво спокоенъ, Базедовъ горячъ, порывистъ и рѣзокъ.

Начиная съ „отрицаній“, тѣ же педагоги,—Коменій и Базедовъ,—исполнены однимъ общимъ для обоихъ стремленіемъ къ созидательной работѣ. Оба ищутъ „новой методы“ въ молодыхъ годахъ. Амосъ въ 1614 г., тотчасъ по возвращеніи отъ Гессенскихъ и Іенскихъ профессоровъ, беретъ за школу въ Преровѣ, побуждаемый желаніемъ усовершенствовать школьное дѣло. Здѣсь онъ нападаетъ на мысль о „національномъ методѣ обученія“, здѣсь зарождается его: Дидактика и Orbis Pictus. Базедовъ, по окончаніи курса въ университетѣ, получаетъ въ 1749 году мѣсто домашняго учителя у нѣкоего Квоалена въ Голштиніи и въ этой роли впервые задается цѣлью найти болѣе легкую методу обученія. Въ своемъ исканіи новаго Базедовъ—нѣмецъ попадаетъ въ то русло и на тотъ путь, которымъ текли мысли и шель въ своихъ поискахъ Коменій—славянинъ. Труды Коменія

были общезвѣстны: его идеи, мысли, взгляды были живы и имѣли повсюдное распространеніе и поклонниковъ среди многихъ ученыхъ и педагоговъ; сами по себѣ духовныя богатства Коменія были универсальны и оригинально-интересны,—вотъ почему они не могли не воздѣйствовать на Базедова, и послѣдній дѣйствительно послѣдовалъ за Коменіемъ, подправляя и дополняя по временамъ великаго педагога Жанъ Жакомъ Руссо съ его пашумѣвшимъ на всю Европу Эмилемъ.

Въ 1770 г. Базедовъ выпустилъ въ свѣтъ „книгу методы“ (Methodenbuch) „для отцовъ и матерей, семействъ и народовъ“,—гдѣ изложилъ свои воззрѣнія на воспитаніе, стѣдуя Руссо и Коменію: въ 1774—„Elementarverk“—учебникъ въ 4 частяхъ—родъ элементарной энциклопедіи, гдѣ можно найти первоначальныя основанія языка, и реаліи, и естествознаніе, и мораль съ психологіей и логикой, и религію, положительную и естественную, и основанія соціальной науки, и т. д. Книга была пояснена и украшена 100 гравюрами извѣстнаго въ то время художника Ходовецкаго. Въ этихъ двухъ трудахъ Базедовъ или видоизмѣняетъ или просто повторяетъ Коменія. Въ смыслѣ исполненія рисунковъ, Elementarverk несравненно лучше „Orbis“, тѣмъ не менѣе трудъ Базедова не пользовался успѣхомъ, подвергся вышучиваніямъ и нашелъ себѣ справедливую оцѣнку. Вотъ отзывъ Гете о сочиненіи Базедова: „мнѣ не нравится, пишетъ Гете, что рисунки Базедова учебника еще болѣе развлекали учениковъ, чѣмъ самые предметы. Въ дѣйствительномъ мірѣ стоитъ рядомъ одно съ другимъ только возможное и потому, не смотря на все разнообразіе и кажущійся безпорядокъ, въ мірѣ все еще есть нѣкоторая доля порядка. Учебникъ же Базедова совершенно разрываетъ его,—міръ, на части, сопоставляя ради логическаго сродства то, чего въ природѣ мы никогда не видимъ рядомъ“.

Поэтому въ немъ нѣтъ преимуществъ той наглядной методы, которую представляютъ труды Коменіуса¹⁾. По своему замыслу и исполненію „Elementarverk“ есть подогрѣтый „Orbis Pictus“.

¹⁾ Gete, Diechtung, Vachrect, 14 Buch—ст. ж. М. Н. II. 1871 г., цит. ст. Миропольскаго, стр. 106.

Велѣдъ за изданіемъ своего учебника, Базедовъ создалъ свою собственную школу, которую назвалъ филантропікомъ. Здѣсь то, *впервые на практикѣ*, была примѣнена идея нагляднаго обученія: здѣсь же въ дѣло нагляднаго обученія, какъ ничто новое и оригинальное, были введены „игры“.

Игры имѣли мѣсто въ повседневной жизни „филантропіковъ“ и въ торжественныхъ случаяхъ на экзаменахъ, когда нужно было ознакомить публику съ результатами, достигнутыми въ теченіи учебнаго года. Описаніе торжественнаго экзамена (1776 г.), съ его играми, было сдѣлано профессоромъ Шуммелемъ подъ заглавіемъ „Fritzens Reise nach Dessau“.

Игры были различныя: Kommandirspiel, Versteckspiel, Judicirspiel, и др. Первая состояла въ томъ, что ученики, выстроившись въ рядъ, какъ солдаты, исполняли все, что ихъ учитель (Вольке) командовалъ имъ по латыни. Claudite oculos, и ученики закрывали глаза; circumspicite,—осматривались вокругъ; imitamini sutorem—подражали работѣ сапожника. Другая игра выражалась въ томъ, что учитель подписывалъ подъ столомъ какое нибудь слово, означающее, напр., часть человѣческаго тѣла, или растеніе, или животное, или минераль, а дѣти—наперерывъ разгадывали написанное, при чемъ обнаруживали свой запасъ словъ. Тотъ, кто угадывалъ, получалъ въ награду яблоко или кусокъ пирога. Эти двѣ игры имѣли цѣлью помочь дѣтямъ *наглядно* и прочно связать въ своемъ умѣ и памяти извѣстныя латинскія слова съ обозначаемыми ими предметами и, путемъ упражненій, усвоить грамматическія и синтаксическія правила. Третья игра начиналась бросаньемъ жребія, дабы опредѣлить, кому на сей разъ нужно объяснить извѣстную *гравюру*. Гравюры изображали различныхъ художниковъ и ремесленниковъ—скульптора, живописца и проч. Картины, нужно замѣтить,—не отличались отчетливостью, такъ какъ Шуммель—очевидецъ игръ—не могъ различить токаря на гравюрѣ съ этимъ обозначеніемъ. Нѣкоторыя изображенія были приспособлены для иллюстрацій одного изъ основныхъ положеній филантропістовъ:—„о размноженіи человѣка и животныхъ говорите дѣтямъ еще въ раннемъ возрастѣ, не слишкомъ подробно, но серьезно, и въ такихъ же приличныхъ выраженіяхъ, какъ и о другихъ

предметахъ природы“. На торжественномъ испытаніи самъ Вольке принесъ и показалъ картину, изображающую беременную женщину въ дѣловскихъ креслахъ. На столѣ, что сбоку жены и стоящаго съ нею рядомъ мужа,—двѣ шапочки, одна для мальчика, другая для дѣвочки: подлѣ—ванна съ водою и губкою. Путемъ заданныхъ вопросовъ и соответствующихъ имъ разъясненій частей изображенія:—„что это за женщина“, „почему она такъ печально смотритъ“, „что значить двѣ шапочки“—„вотъ эта ванна, въ которой купаютъ новорожденнаго, чтобы онъ не задохнулся въ своей крови“ и проч.,—школьники узнавали, откуда являются дѣти: „мать родила дитя, а не журавль принесъ его“. Кромѣ картинъ, въ обиходѣ были еще *модели*. При демонстраціи картинъ, гравюръ и моделей, филантрописты слѣдовали общимъ правиламъ, теоретически выработаннымъ Коменіемъ и углубленнымъ собственной практикой—учить элементарно, переходя отъ легкаго къ болѣе трудному, учить не многому, но полезному, не принуждая, а „играючи“: обучая,—сообщать уму дѣйствительно новыя представленія (а не слова); если кругъ знанія долженъ заключать въ себѣ естественную исторію, математику, физику, то наглядныя пособія могутъ примѣняться и къ этимъ предметамъ въ возможно широкихъ размѣрахъ и т. д. Что касается *пріемовъ* нагляднаго обученія, то ихъ можно прослѣдить на процессѣ наученія Эмилиі—дочери Базедова,—чѣмъ занимался другъ и ближайшій помощникъ послѣдняго упоминаемый выше Вольке (Христіанъ Генрихъ Вольке род. въ Ольденбургскихъ владѣніяхъ въ 1741 году). Вольке участвовалъ въ составленіи „Elementarverk'a“. Усвоивши теорію нагляднаго обученія, онъ захотѣлъ потомъ *практически* примѣнить ее на воспитаніи маленькой дочери своего друга. Эмилиі еще не было года, когда воспитатель началъ пріучать ее различать *предметы и ихъ качества, показывая ей самый предметъ и произнося его названіе*. Затѣмъ слѣдовало точное различіе понятій: Эмилиа видѣла въ зеркалѣ *не себя*, а свое изображеніе, на рисункахъ и картинкахъ—не людей, животныхъ и растенія, а ихъ изображенія. Этимъ, по словамъ Вольке, къ концу третьяго года жизни Эмилиа, была достигнута правильность сужденій. Къ концу того же третьяго года, въ теченіе одного мѣсяца, Эмилиа научилась читать. Произошло это

такимъ образомъ: дѣвочка называла цѣлыя небольшія предложенія, обозначая отдѣльныя слова одними первыми буквами. Въ результатѣ: „если кто называлъ ей слѣдующія буквы: т, ы, п, о, л, у, ч, и, ш, ь, т, е, ц, е, р, ь, с, у, х, а, р, ь—то она тотчасъ говорила „ты получишь теперь сухарь“.

Третья стадія историческаго развитія идеи нагляднаго обученія тѣсно связана съ именемъ Песталоцци (1746—1827 г.) Этотъ „спаситель бѣдныхъ въ Нейгофѣ, народный проповѣдникъ въ „Лингардѣ и Гертрудѣ“, отецъ сиротъ въ Станцѣ, основатель новой народной школы въ Бургдорфѣ и Мюнхенбухзее, въ Ифертѣ—воспитатель челоѣчества; челоѣкъ, христіанинъ, гражданинъ, бывшій всѣмъ для другихъ и ничѣмъ для себя“¹⁾ является по истинѣ величиной исключительной важности и интереса. Случилось такъ, что „учителя въ Стаяцѣ“ соотечественники—ученые признали и поименовали истиннымъ и единственнымъ реформаторомъ и отцомъ современной науки о воспитаніи. Геніальный ученикъ Песталоцци, его истолкователь и конгломераторъ—Дистервегъ, развивъ идеи своего учителя и привнесши въ нихъ много своего личнаго, заставилъ и другія народности повѣрить въ исключительную геніальность нѣмецкаго педагога. И вотъ, небольшая тщедушная фигура съ глубокими большими глазами, беспокойная и нервная, постепенно и настойчиво на долгое время закрыла собою величавое, спокойное, чисто славянское лицо великаго педагога Амоса Коменскаго. Мысли, высказанныя Песталоцци, были признаны новыми и самобытными, якобы *всецѣло* и безгранично принадлежащими нѣмецкому генію, и только ему одному; славянскій же геній уступилъ мѣсто нѣмецкому; открытія перваго были присвоены второму. Съ этого момента, въ вопросѣ о наглядномъ обученіи, всѣмъ, кто только интересовался и интересуется этимъ послѣднимъ, приходится исходить не отъ *одного* Коменія, но на ряду съ нимъ и предпочтительно—отъ Песталоцци. Въствѣ съ этимъ возникаетъ и обостряется вопросъ, *кто же собственно долженъ быть почитаемъ отцомъ нагляднаго обученія—Амосъ ли съ его „Magna Didactica et Orbis Pictus“ или же Песталоцци, самъ вслухъ признавшій, что изъ всего существеннаго, сдѣланнаго имъ для пе-*

¹⁾ Слова надгробнаго памятника надъ Песталоцци.

дагогiи, введеніе въ преподаваніе принципа наглядности есть самое наибъ важнѣйшее?—Въ нашей отечественной литературѣ имя Коменіа долгое время было частью позабыто, частью совершенно неизвѣстно, что объяснялось главнымъ образомъ отсутствіемъ на русскомъ языкѣ трудовъ великаго педагога. Что касается Песталоцци и иныхъ нѣмецкихъ педагоговъ, то ихъ идеи хлынули въ Россію и были восприняты русскимъ обществомъ еще съ первой четверти прошлаго вѣка, вслѣдъ и непосредственно за появленіями самихъ оригиналовъ. Ко дню 200 л. юбилея Коменіа (15 ноября 1871 г.) русское общественное сознаніе прояснилось, и тогда же 11 мая, на общемъ годичномъ собраніи Славянскаго благотворительнаго Комитета, извѣстный русскій педагогъ Миропольскій познакомилъ отечественную публику съ трудами славянскаго гениа и, вопреки ходячему мнѣнію, призналъ не Песталоцци, а Коменіа, *истиннымъ родоначальникомъ и основателемъ новой педагогической науки*. Тѣмъ же Миропольскимъ было высказано горячее пожеланіе видѣть труды Амоса въ русскомъ переводѣ. Вскорѣ же затѣмъ явилась на русскомъ языкѣ Magna Didactica, въ изданіи ж. „Семья и школа“. Благодаря переводу Дидактики и еще раньше—статьѣ Фр. Палацкаго: „жизнь Я. А. Коменскаго“, статьямъ въ ж. „Воспитаніе“—И. А. Коменскій, педагогъ XVII в.; исторіи воспитанія и обученія Модзалевскаго, СПб. 1866 г. ч. II, стр. 374—398; статьѣ въ ж. „Учитель“—Коменскій и его Didactica Magna, 1870 г.; рѣчи Миропольскаго и другимъ отечественнымъ педагогамъ,—русская читающая публика ознакомилась съ Коменіемъ, и вопросъ, кто отецъ нагляднаго обученія, былъ рѣшенъ въ пользу педагога славянина.

Находясь въ Бургдорфѣ и занимаясь въ собственномъ воспитательномъ заведеніи, Песталоцци всѣми мѣрами стремится найти *элементарныя основанія разумнаго обученія*. „Тысячи разъ, говоритъ онъ, казалось мнѣ, что я былъ близокъ къ цѣли; но не находя почвы подъ ногами и не теряя терпѣнія, начиналъ свои изслѣдованія снова“. Наконецъ эти основанія найдены: педагогомъ подмѣчено и установлено, что дѣти младшаго возраста 1) обнаруживаютъ чрезвычайное стремленіе къ ознакомленію съ тѣми предметами, которые находятся къ нимъ „поближе“, 2) путемъ разсматриванія скоро пріобрѣтаютъ навыкъ опредѣленно выражать свои

мысли о предметахъ, 3) всѣ отвлеченныя понятія, какія образуются у нихъ, обыкновенно являются пустымъ наборомъ словъ, если не основываются на наглядныхъ представленіяхъ и что 4) то обученіе прочно, которое начинается съ *разсматриванія чувственныхъ предметовъ*. Все это справедливо по отношенію къ дѣтямъ. Разсматривая, далѣе, какъ поступаетъ *всякій* человѣкъ жалающій уяснить какой нибудь темный и запутанный для себя предметъ,—Песталоцци подмѣчаетъ, что все дѣло здѣсь сводится къ тремъ моментамъ: къ тому 1) сколько предметовъ находится передъ глазами (число предметовъ), 2) какіе предметы имѣютъ наружный видъ и очертаніе (форма), 3) какъ предметы называются,—какъ мы обозначаемъ ихъ посредствомъ нашего голоса (языкъ, слово, рѣчь). Отсюда—заключенія: 1) во всякомъ предметѣ можно различать *число, форму и названіе*, 2) главное дѣло преподаванія нужно полагать въ томъ, чтобы научить ребенка воспринимать каждый предметъ по его формѣ, числу, и названію. „Эти три стороны, говоритъ Песталоцци, придаютъ знанію опредѣленность: остальные—только большую или меньшую ясность“. Изложивъ въ постепенномъ систематическомъ порядкѣ эти три момента преподаванія—число, форму и названія, Песталоцци составилъ свою азбуку нагляднаго обученія. Что касается ариѳметики и геометріи, то эти науки имѣютъ громадное развивающее значеніе. При изученіи ихъ, однако же, слѣдуетъ избѣгать техническихъ терминовъ, формулъ и т. д. Понятіе о числахъ нужно сдѣлать нагляднымъ посредствомъ точекъ, располагая послѣднія по единицамъ, десяткамъ и составляя изъ чиселъ ариѳметическія таблицы. Лучшій способъ сообщить дѣтямъ ясное понятіе о дробяхъ—это начертить правильные квадраты и затѣмъ подѣлить ихъ на части.

Наглядность, съ которой начинается обученіе, есть не страдательное отношеніе къ предметамъ, а самостоятельное воспріятіе. При помощи различныхъ упражненій, расположенныхъ на основаніи педагогическихъ соображеній, наглядное ознакомленіе дѣтей съ предметами (воспріятіе) въ концѣ концовъ должно стать на *степень искусства*, которое затѣмъ вызывало бы дѣтей на созерцанія моральныя, эстетическія и интеллектуальныя. Ставъ на *степень искусства*, наглядное обученіе должно стремиться къ тому, чтобы 1) дѣти

воспринимали каждый предмет, какъ самостоятельную единицу, отдѣльную отъ всѣхъ вещей, повидимому, соединенныхъ съ нимъ въ дѣйствительности, 2) познавали форму каждаго предмета и его численныя отношенія, 3) какъ можно раньше знакомились со всѣми словами и именами предметовъ, имъ извѣстныхъ. Относительно каждаго учебнаго предмета, наглядное преподаваніе требуетъ, чтобы учитель постепенно переходилъ отъ ближайшаго къ дальнѣйшему, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. То, что въ природѣ не можетъ быть созерцаемо непосредственно, должно быть сдѣлано доступнымъ для воображенія путемъ сравненія съ прежде видѣннымъ, а равно—посредствомъ ландшафтъ, рисунковъ, опытовъ, наблюденій, ссылокъ на прежнія наблюденія,—уяснено для ума и сердца посредствомъ возбужденія внутреннихъ чувствъ, примѣровъ, разказовъ, уподобленій и т. д.

Амосъ Коменскій, Базедовъ (филантрописты) и Песталоцци—вотъ три представителя нагляднаго обученія. Первый въ нашемъ представленіи непременно связывается съ его „Opera Didactica omnia“ и рисуется такъ, какъ онъ изображенъ на заглавной виньеткѣ своего труда—сидящимъ и пишущимъ,—съ глобусомъ передъ собою. Въ верхней части виньетки—знаки зодіака и планетъ, ниже справа—геометрическія орудія и фигуры, озаряемыя свѣтомъ солнца; еще ниже, направо,—ваятель высѣкаетъ статую, вдаль живописецъ чертитъ картину: налѣво—печатня,—въ то время еще рѣдкая, еще ниже—зодчіе воздвигаютъ зданіе, въ серединѣ школа, наполненная учащимися, съ учителемъ на кафедрѣ.

Амосъ пишетъ, онъ теоретикъ: его *Opera*—это законоположительная книга, это кодексъ, и благоговѣйное чувство объемлетъ всякаго, кто взглянетъ на амстердамское изданіе его трудовъ (экземпляръ такового хранится въ СІБ. публичной библіотекѣ).

Базедова мы видимъ въ другой обстановкѣ, украшеннаго иными аксессуарами. Пылкое приглашеніе на экзаменъ, съ указаніемъ на то, что въ его филантропикѣ юности не занимаются въ классахъ, а большею частью находятся внѣ классовъ“ и съ увѣреніемъ при этомъ, что со временемъ, когда будутъ пріобрѣтены требуемыя учебныя пособія и кабинеты,—„всякій безъ принужденія и неудовольствія въ 4 года приготовится во всѣхъ отношеніяхъ къ слушанію фа-

культетскаго курса въ университетѣ“; самый экзамень въ маѣ 1776 г., въ присутствіи толпы любопытныхъ, съѣхавшихся и собравшихся отовсюду людей съ цѣлью посмотрѣть „игры“, „отъ которыхъ можно было животъ подорвать со смѣху“; картины, гравюры, модели: ряды дѣтей, которымъ командовались тысячи смѣшныхъ вещей—все это обстановочно и „бьетъ въ глаза“, *все это—продълывается на практикѣ и наглядно*. Въ концѣ концовъ филантрописты довели идею нагляднаго обученія до смѣшного, когда придумали дѣлать алфавитъ буквъ изъ пряничнаго тѣста и раздавать такія буквы усвоившимъ ихъ ученикамъ.

Песталоцци обыкновенно изображаютъ окруженнымъ дѣтьми обоюго пола—дѣвочками и мальчиками. Нѣкоторыя дѣти при этомъ больны—съ подвязанными щеками,—иныя занимаются, другія шалютъ. Тщедушная фигура Песталоцци и десятки дѣтскихъ головокъ... Песталоцци въ Станцѣ окруженъ дѣтьми швейцарцевъ, павшихъ въ войнѣ; 80 страшно одичавшихъ ребятишекъ толпятся вокругъ него въ Урсуплинскомъ монастырѣ; все тѣже дѣти въ замкѣ Бургдорфѣ. Песталоцци, по его собственнымъ словамъ, самъ ухаживалъ за больными дѣтьми и дѣлилъ съ ними пищу; ихъ слезы сливались съ его слезами, одна ихъ улыбка дѣлала Песталоцци счастливымъ. Смѣло можно сказать, что Песталоцци непрестанно былъ съ дѣтьми и что онъ глубоко изучилъ ихъ природу, потребности и запросы.—*Его педагогическія идеи зародились, такъ сказать, на мѣстѣ, въ присутствіи тѣхъ же дѣтей и даже не безъ участія послѣднихъ. Наглядное обученіе нѣмецкимъ гениемъ было углублено, практически и лично имъ же примѣнено и провѣрено на дѣтяхъ*. Кромѣ того Песталоцци принадлежитъ такъ называемый „предметный методъ обученія“,—о которомъ мы скажемъ ниже.

Инспекторъ Народныхъ Училищъ *В. Доброславскій*.

(Продолженіе будетъ).

Эстетическое воспитаніе въ духовной школѣ.

(Окончаніе *).

Наряду съ внѣшними средствами и способами къ поднятію эстетическаго образованія учащихся, о чемъ мы уже сказали, имѣются въ распоряженіи школы еще средства чисто внутренняго характера, на которыя достаточно обратить серьезное вниманіе и умѣло приложить ихъ къ дѣлу эстетическаго образованія учащихся, и не замедлятъ получиться прекрасные результаты.

Самымъ могущественнымъ изъ такихъ факторовъ эстетическаго образованія и воспитанія учащихся, по нашему мнѣнію, можетъ быть, субъективному, но завѣренному лучшими авторитетами, является поэзія и вообще литература.

Русскому языку и литературѣ въ духовной школѣ отведено довольно почетное мѣсто. Въ духовныхъ училищахъ изучается масса классическихъ стихотвореній и стиховъ въ прозѣ, рассказовъ, повѣстей съ подробнымъ анализомъ содержанія и разбора, а на долю семинарій и академій остается полное знакомство съ поэтами, писателями, не только въ подлинникѣ, но и критикѣ. Цѣль преподаванія такой важной области, къ сожалѣнію, чисто формальная; преподавателями предъявляются требованія къ учащимся чисто внѣшняго характера: по даннымъ для руководства программамъ учащіеся должны выучить известное число стихотвореній, рассказовъ, басенъ съ указаніемъ главныхъ и второстепенныхъ мыслей, т. е. съ подробнымъ анализомъ даннаго отрывка, съ грамматическимъ и синтаксическимъ разборомъ, затѣмъ, должны

*1) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3 за 1910 годъ.

знать учебникъ теоріи словесности и литературы, должны знать по учебнику, если не хотятъ или не имѣютъ времени читать (?) въ подлинникѣ, о произведеніяхъ писателей и поэтовъ, разбирать любое, положенное по программѣ, литературное произведеніе, даже подвергать критикѣ, вовсе не зная или рѣдко читая его. Словомъ, достигается только то, чтобы учащіеся механически усвоили, что такіе то произведенія написаны такимъ то писателемъ, такіе то типы въ нихъ выведены, запомнили главныя мысли произведенія и проч.

Идейная сторона изученія поэзіи и вообще литературы игнорируется и развѣ въ рѣдкихъ исключеніяхъ выполняется. А, вѣдь, изученіе особенно такой области, какъ литература, не можетъ быть ограничено только формальной и предметной стороной, въ смыслѣ развитія памяти и накопленія знаній, а поучительность состоятъ только въ указаніи главной мысли произведенія: такая постановка никакого нравственнаго и эстетическаго вліянія на психику учащагося не окажетъ, за исключеніемъ лишь того, что усовершенствуетъ его память, но эту роль свободно могутъ выполнить другія науки, напр., математика, классическіе языки. Мало того, такая постановка даетъ въ результатъ апатію къ книгѣ, чтенію ¹⁾, къ

¹⁾ Чтобы не быть голословными, мы сошлемся на фактъ изъ педагогической практики.

Мнѣ всегда казалось, рассказываетъ молодой преподаватель, что для юношества не можетъ быть лучшей духовной пищи, чѣмъ сочиненія Пушкина. Свѣтлая, жизнерадостная натура этого поэта, высокій полетъ фантазіи, богатство красокъ, занимательность и красота фабулы его поэмъ и рассказовъ,--все это вѣдь какъ разъ то, что пріятно, увлекаетъ, приводитъ въ восторгъ молодежь. Его глубокая искренность, простота и брызжущая непосредственность должны побуждать сердца тѣхъ, кто сами искренни, юны, свѣжи, неспорчены. Я такъ думалъ и тогда, когда, по выходѣ изъ университета, сдѣлался преподавателемъ гимназіи. Но какъ я былъ пораженъ, когда, на первыхъ же порахъ, сдѣлалъ открытіе, что ученики старшихъ классовъ не только не любили Пушкина, но даже относились къ нему съ ненавистью. У многихъ, конечно, въ этомъ критическомъ отношеніи сказалось не глубоко пережитое убѣжденіе и самостоятельно выработанный вкусъ, а скорѣе настроеніе, искусственно созданное чтеніемъ извѣстнаго направленія критики и вліяніемъ извѣстныхъ словъ общества. Но и ученики, не читавшіе Писарева, не находящіеся подъ вліяніемъ тенденціозныхъ руководителей, далеко стоящіе отъ политики и общественныхъ дѣлъ, притомъ вовсе не лишены поэтическаго чутія,—и тѣ, почти безъ исключенія, о Пуш-

чему, пожалуй, скрыто и стремится школа, такъ какъ, горькую правду сказать, книга для чтенія—вообще нелюбимый пасынокъ въ школѣ, всѣми симпатіями педагоговъ, вѣдь, пользуются лишь учебники. А между тѣмъ, интересъ, любовь къ чтенію книгъ, произведеній писателей, поэтовъ у учащихся огромный: онъ покоится на присутствіи этому возрасту любознательности. Эта любознательность, игнорируемая преподавателями, руководителями, дѣлаетъ то, что учащіяся, или мало читаютъ, или въ выборѣ матеріала для чтенія предоставлены самимъ себѣ, кружку товарищей и только за рѣдкими исключеніями обращаются къ компетенціи родителей и воспитателей. Вслѣдствіе этого читаютъ безъ разбора, опредѣленнаго масштаба, специализируясь часто въ литературѣ отрицательнаго направленія, не имѣя возможности сами разобратся въ безыдейности, безсодержательности и пошлости этой литературы¹⁾. Если же къ этому прибавить, присоединить несомнѣнный фактъ громаднаго вліянія книги на настроеніе учащихся, образованіе ихъ характера, идеаловъ,

кинѣ говорили или съ насмѣшкой, или съ полнымъ равнодушіемъ. Тутъ мнѣ, изучавшему Пушкина не въ учебномъ заведеніи, а вполне самостоятельно, показалось, что въ этомъ всецѣло виновата должна быть школа, часто убивающая интересъ ко всему живому, извращающая, профанирующая самое прекрасное. И сдѣлать опыты и наблюденія, и мое предположеніе вполне оправдалось. Для меня стало ясно, что всю прелесть и красоту, живущую въ каждомъ стихѣ Пушкина, убиваютъ педагогичныя объясненія преподавателями „смысла“ различныхъ произведеній и отдѣльныхъ мѣстъ, связанные съ этимъ формально-лингвистическія толкованія, скучныя и ненужныя упражненія, пересказы „своими словами“ и т. п. (А. Дауге. Къ вопросу о художественномъ образованіи. „Вѣстникъ Воспитанія“. 1909. № 2, стр. 13—14).

¹⁾ Въ качествѣ подтвержденія укажемъ на самый недавній фактъ: по собранной анкетѣ однимъ изъ знакомыхъ преподавателей, живо интересующимся вопросомъ о чтеніи учащихся, оказалось, что учащимися низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній одного города за каникулы были прочитаны книги самого разнообразнаго содержанія и въ большинствѣ случаевъ отрицательнаго направленія: для образчика приведемъ списочекъ книгъ одного учащагося низшей школы. На каникулахъ имъ прочитаны такія книжки: вся сыщичкая литература; „Русская Мысль“ за 1909; Божья воля (неизв. авт.); Всемирная исторія; Подъ защитой Севастополя; Петербургскія трущобы; Женщина Гебеля и половой вопросъ.

міровоззрѣнія, вообще на психику, то получается результатъ самаго печальнаго свойства ¹⁾).

Идейная сторона изученія поэзіи и литературы заключается въ воспитательномъ ея характерѣ ²⁾, поэтому, нѣтъ нужды по долгу останавливаться на анализѣ, разборѣ извѣстнаго произведенія, указывать главныя и второстепенныя мысли, а нужно привить, воспитать у учащихъ, путемъ, конечно, знакомства съ произведеніями, любовь, симпатіи къ личностямъ писателей, поэтовъ, особенно родной литературы и къ тѣмъ идеямъ, идеаламъ истины, добра, правды, которые воплощены ими въ художественную форму, въ изящный и красивый образъ, въ симпатичный типъ. Поэтому, при изученіи извѣстнаго писателя, поэта, въ классѣ, преподаватель литературы долженъ отказаться отъ преслѣдованія всякихъ, какихъ бы то ни было постороннихъ цѣлей: научныхъ, лингвистическихъ, моральныхъ, а долженъ прежде всего стремиться къ тому, чтобы данныя произведенія были поняты учащимися, какъ „произведенія искусства“, а для этого

¹⁾ О вліяніи и значеніи книги на учащихся очень подробно выяснено въ прекрасной статьѣ Э. Вахтеровой „О чтеніи дѣтей и юности“. Рус. Школ. 1909 г. № 7—8, стр. 145 и дал. Не можемъ не указать на самый недавній случай, какъ на фактъ несомнѣннаго вліянія на учащихся книги: газетныя сообщенія передаютъ, что въ нѣкоторыхъ духовныхъ училищахъ, подъ вліяніемъ бульварной, лубочной литературы, была попытка у нѣкоторыхъ воспитанниковъ бѣжать изъ училища въ счастливую „Аркадію“, чтобы тамъ жить на свободѣ, въ полномъ раздольѣ, занимаясь охотой и легкимъ ремесломъ.

²⁾ Правда, на урокахъ русскаго языка, литературы не мало времени удѣляется на чтеніе и заучиваніе статей, басенъ, стихотвореній, содержаніе которыхъ будитъ мысль и добрыя чувства учащихся, внушаетъ имъ стремленіе къ добру и правдѣ, вліяетъ на развитіе эстетическаго вкуса. Унося мысль учащагося въ міръ красоты, идеальнаго творчества, въ сферу чуждую повседневныхъ заботъ, поэтическія произведенія облагораживаютъ его и замѣтно отражаются на психикѣ ученика, но бѣда въ томъ, что здѣсь преслѣдуются не указанныя цѣли, а чтеніе и разборъ произведеній литературы, въ цѣломъ и отрывкахъ, въ большинствѣ случаевъ дѣлается для того только, чтобы научить воспитанниковъ выражаться и читать на своемъ родномъ языкѣ правильно въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ. Поэтому, чтеніе образцовъ очень часто задерживается грамматическимъ разборомъ въ младшихъ классахъ средней школы, въ старшихъ—стилистическимъ—со стороны основной мысли, плана, литературной формы, особенностей языка.

изучение должно начинаться не съ исканія такъ называемой „главной идеи“ произведенія, а всегда съ изученія той картины живой жизни, которую нарисовалъ авторъ, того міра духовной жизни людей, который писатель хотѣлъ изобразить. Путемъ совмѣстнаго чтенія и бесѣдъ преподаватель долженъ стремиться къ тому, чтобы изображаемые въ художественныхъ произведеніяхъ жизни и люди предстали предъ учащимися какъ живые, такъ, чтобы они видѣли предъ собою человѣческія лица, слышали ихъ голоса, ощущали горячее дыханіе жизни. Довести слушателей до этого, помогать въ этомъ,—это первая и главная задача преподавателя литературы. Послѣ этого, конечно, можно дѣлать всевозможныя дополненія и выводы, переходить на этическое, или философское, или формально-эстетическое трактованіе данной вещи и т. д. „Если данное произведеніе все проникнуто какою-нибудь доминирующею надъ всею идеею, то радоваться слѣдуетъ не тогда, когда отыщется эта идея путемъ мудрствованія, философствованія и когда станетъ извѣстно, что вотъ авторъ его „хотѣлъ доказать“ то-то, а лишь тогда, если идея эта откроется послѣ переработки всею силою нашего духа всего того, что изображается художникомъ. Этотъ внутренній процессъ долженъ быть необходимымъ и единственнымъ средствомъ для постиженія данной идеи. Повтореніе творческаго процесса, происходившаго въ умѣ художника, должно быть единственнымъ путемъ для открытія этой идеи. Когда учащіеся такими путями дошли до этой идеи, тогда они, дѣйствительно, поняли данное произведеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и приобрѣли что-то въ высшей степени цѣнное, стали богаче истинной мудростью жизни, дѣйствительно глубоко поняли извѣстныя стороны ея, и приобрѣтенныя такимъ образомъ идеи для нихъ уже не мертвое знаніе, а живой фактъ“ (А. Дауге).

Необходимо далѣе привить учащимся взглядъ на писателей, художниковъ и вообще великихъ людей что они лучшіе друзья, учителя и воспитатели человѣчества, честно и открыто повѣдавшіе міру свои думы, свои мысли, указывая намъ пути къ счастью, разгадывая тайны бытія, разрѣшая намъ мучительные вопросы жизни и нравственности; что они страдали за насъ, вынашивая свои произведенія, изъ желанія не славы себѣ, а блага человѣчеству и уни-

рали съ радостнымъ сознаниемъ исполненнаго долга предъ людьми: что все они (писатели) свое призваніе понимали въ томъ смыслѣ, что они должны „учить“, „глаголомъ жечь сердца людей“, „сердца собратьевъ исправлять“. Вотъ какъ понимаетъ свое призваніе, свою миссію поэтъ Пушкинъ:

„Если ты, небесъ избранникъ, обращается поэтъ отъ лица человечества къ жрецамъ и служителямъ искусства,

„Свой даръ, божественный посланникъ,
 „Во благо намъ употребляй:
 „Сердца собратьевъ исправляй.
 „Мы малодушны, мы коварны,
 „Безстыдны, злы, неблагодарны:
 „Мы сердцемъ хладные скопцы,
 „Клеветники, рабы, глупцы:
 „Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки;
 „Ты можешь, ближняго любя,
 „Давать намъ смѣлые уроки.
 „А мы послушаемъ тебя“.

Поэтъ Жуковскій, опредѣляя свое призваніе, говоритъ:

„Не счастья, не славы здѣсь
 „Ищу я;—быть хочу крыломъ могучимъ,
 „Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
 „На высоту,—зарей, побѣду дня
 „Предвозвѣщающей,—великихъ душъ
 „Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
 „Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
 „И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
 „Которою предъ нами горній міръ
 „Задернуть, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
 „Ее приподымать и святость жизни
 „Являть во всей ея красѣ небесной—
 „Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье“.

Воспитанію такой любви, симпатій у учащихъ къ писателямъ, поэтамъ, художникамъ помогутъ идейныя біографіи, монографіи, мемуары, письма поэтовъ и художниковъ, въ которыхъ бываетъ затронута интимная жизнь ихъ, богатая своею содержательностью, поучительностью; научныя книги и статьи, въ которыхъ выясняется психологія творчества писателей и художниковъ къ проч. Съ такимъ матеріаломъ преподаватели должны знакомить учащихся, чтобы зажечь у послѣднихъ огонекъ любви, увлеченія къ такимъ великимъ личностямъ. Вѣдь, при чтеніи и наслажденіи про

изведеніями художниковъ неизбеженъ такой психологическій актъ: наслаждаясь, зачитываясь, мы мысленно воспроизводимъ свѣдѣній обликъ художниковъ, насъ очень интересуетъ ихъ жизнь и притомъ самыя интимныя стороны и мелкія подробности ея. Конечно, не въ силу празднаго любопытства мы ими интересуемся, а въ силу сознательнаго или инстинктивнаго желанія въ живомъ примѣрѣ ихъ жизни почерпнуть новое и сильнѣйшее доказательство жизненности и истинности ихъ ученія и заразиться новыми чувствами и настроеніями. Тогда то созданные художниками литературные и поэтическіе образы, типы, эти носители высокихъ идеаловъ, въ связи съ высокимъ представленіемъ личности писателей, поэтовъ, будутъ легко усвоиться мягкимъ сердцемъ учащихъ; они будутъ легко заражаться тѣми идеями истины, правды, любви, которыми проникнуто бываетъ истинное произведеніе художника: тогда „божественный глаголъ“ пророковъ, дѣйствительно будетъ „жечь“ сердца молодого поколѣнія, дѣлая его кроткимъ, мягкимъ, давая ему здоровую пищу и предохраняя отъ пороковъ и заблужденій. Мало того, что „въщее слово“ пророковъ будетъ живо и дѣйствительно, сами „пророки“, „жрецы“ искусства, благодаря знакомству учащихъ съ ними, какъ личностями, будутъ окружены молодежью ореоломъ величія, славы: она проникнется благоговѣющимъ почитаніемъ „жрецовъ“ искусства, будетъ подражать и копировать ихъ въ своей жизни и тогда поэты и писатели, дѣйствительно, явятся великими учителями, глашатаями высокихъ истинъ, которымъ будетъ внимать учащаяся молодежь ¹⁾).

¹⁾ Иллюстрируемъ высказанныя мысли примѣромъ. На страницахъ популярнаго журнала одинъ воспитанникъ семинаріи IV класса знакомитъ насъ съ тѣмъ увлеченіемъ, благоговѣніемъ, которымъ онъ проникнуть быль къ личности писателя Л. Н. Толстого: „Я перешелъ въ IV кл. духовной семинаріи, пишетъ юноша, когда толстовскія идеи сдѣлались для меня какой то религіей, властно требовавшей отъ меня немедленнаго осуществленія этихъ идей во всѣхъ мелочахъ моей личной жизни. „Царство Божіе внутри насъ. Наступленіе его часа ѣи отъ кого другого не зависитъ, какъ отъ самихъ людей. Стоитъ только каждому начать дѣлать то, что мы должны дѣлать, и перестать дѣлать то, чего мы не должны дѣлать, чтобы сейчасъ же наступило Царство Божіе“. Такъ говорилъ мой учитель и я съ юношеской горячностью принялся „дѣлать“ Царство Божіе. Благоволеніе

Такому идейному изученію области поэзіи, литературы помогут также темы, рефераты по искусству вообще, такъ какъ послѣднее имѣетъ тѣсную связь съ областью словеснаго искусства. „Нѣтъ ни одного почти явленія въ русской литературѣ стараго и новаго времени, справедливо говорить проф. А. Яцимирскій, которое не нашло бы себѣ отраженія, напр., въ живописи, начиная хотя бы съ фресокъ Кіево-Софійскаго собора и отраженія въ нихъ апокрифическихъ мотивовъ и кончая типами художниковъ у Гоголя, Тургенева, Гончарова и друг. беллетристовъ“. Помимо тѣсной связи всѣхъ родовъ искусствъ, которая облегчитъ учащимся постиженіе и усвоеніе области литературы, указанныя темы, рефераты по искусству вообще еще имѣютъ свою хорошую сторону въ томъ, что учащіеся могутъ знакомиться не только съ геніями мысли, но и съ геніями, талантами въ другихъ областяхъ художественнаго творчества и жизни, путемъ знакомства съ ними (геніями), какъ личностями, а также пу-

ко всему живому, о которомъ училъ мой „пророкъ“, дошло до того, что я не иначе ходилъ по дорогѣ, какъ разсмотрѣвъ заранѣе, не ползетъ ли подъ ногами какая нибудь козявка, чтобы какъ нибудь не раздавить ее. Въ той комнатѣ, гдѣ я спалъ, висѣлъ на стѣнѣ портретъ графа. Эти грубыя мужицкія черты лица, эти нависшія брови съ какой то царственной надменностью всегда глядѣли на меня изъ черной рамки портрета и были постояннымъ укоромъ въ моемъ времяпрепровожденіи. Проснешься бывало, странное лицо графа глядитъ на меня съ такимъ укоромъ, что я моментально вскакиваю съ постели, быстро одѣваюсь, непременно самъ убираю постель и иду въ садъ чистить дорожки. Это занятіе я тогда считалъ недостойнымъ себя: вѣдь, дорожки въ саду уже вредная роскошь. Я долженъ идти въ деревню на тяжелый и полезный трудъ, и я мысленно просилъ у своего учителя прощенія „за дорожки“, обѣщая ему въ скоромъ времени явиться въ лаптяхъ среди унылыхъ полей и здѣсь работать, работать до кроваваго пота. Иногда мнѣ приходила мысль поѣхать въ Новую Поляну и удостоиться видѣть собственными глазами своего учителя. Но мнѣ казалось, что я не вынесу его слишкомъ близкаго присутствія и здѣсь же, у ногъ его, умру отъ слишкомъ огромнаго счастья“... См. „Вѣстникъ Знанія“ 1907 г. м.м. апрѣль и май. Мы привели одинъ примѣръ, являющійся показателемъ того, насколько велико бываетъ увлеченіе, идеализація чуткимъ и отзывчивымъ юношествомъ своихъ „кумировъ“, „авторитетовъ“. Долгъ, поэтому, школы позаботиться, чтобы подобное отрадное явленіе возможно чаще встрѣчалось въ ея стѣнахъ и чтобы юность воспитывалась на высокихъ образцахъ добродѣтели и гуманности, которые намъ являютъ поэты, писатели и вообще великіе люди.

темъ изученія извѣстной эпохи искусствъ. Такое знакомство и изученіе разныхъ отраслей искусства будетъ имѣть своимъ результатомъ воспитаніе у учащихся любви къ искусству и художникамъ и стремленія ко всему изящному, идеальному, гармоничному и красоте, какъ нравственной, такъ и физической. Тогда станетъ для учащихся понятна и ясна та важная роль, какую имѣетъ искусство въ жизни отдѣльной личности—индивидуума, а также въ общей экономіи жизни человѣчества, какъ соціальной единицы. Они поймутъ, что искусство призвано на землю дополнить этотъ видимый вещественный міръ и дать душѣ новый духовный, „чтобы звуки его, какъ голосъ неба для земли, въ сердца послушныя текли, врачуя горести и муки“ (А. Толстой) ¹⁾.

Сравнивая отдѣльные виды искусства, учащіеся, конечно, охотно отдадутъ предпочтеніе словесному искусству (поэзіи и литературѣ), такъ какъ оно, и по силѣ нравственнаго вліянія, и по богатству содержанія, и по доступности и легкости усвоенія, занимаетъ первое мѣсто. Мы заранее извиняемся за обширную выписку ярко характеризующую роль и значеніе области поэзіи, какъ искусства, а также положеніе его въ ряду другихъ искусствъ. „Всѣ искусства связаны братскими узами, читаемъ у одного почетнаго профессора искусства, потому что они—порожденіе одной и той же силы, т. е. человѣческаго генія, всѣ они имѣютъ одну и ту же задачу—выражать идею прекраснаго: всѣ предназначаются къ одной и той же цѣли—возбуждать эстетическое удовольствіе. Но все-таки поэзія занимаетъ высшее мѣсто. Ея царство безгранично; ея дѣйствія, если не всегда равняются дѣйствію музыки по силѣ напряженія, за то, несомнѣнно, важнѣе по своей устойчивости и воспитательному значенію. Поэзія рисуетъ кистью, рѣжетъ рѣзцомъ, приводитъ въ порядокъ, водворяетъ гармонію—однимъ словомъ, выполняетъ задачи всѣхъ прочихъ искусствъ и притомъ съ эффектомъ,

¹⁾ Вопросъ о темахъ по искусству обстоятельно разработанъ профессоромъ А. И. Яцимирскимъ въ его статьѣ: „Письменные работы въ средней школѣ на темы по искусству“. Русская Школа 1909 г. июль—августъ и сентябрь. Въ журналѣ „Вѣстникъ Воспитанія“ за 1909 г. сентябрь № 6 помещена интересная статья о рефератахъ К. С—ва, въ которой авторъ, на основаніи личнаго опыта, даетъ много указаній для руководства ученическими рефератами.

надо сказать, не меньшимъ. Поэзія—самое гуманное, самое доступное и всеобъемлющее искусство; оно полнѣе прочихъ выясняетъ личность художника; болѣе прямымъ и дѣйствительнымъ способомъ выражаетъ всего человѣка съ его способностями: въ одно цѣлое соединяетъ факты, создаетъ характеры, рисуетъ страсти, возбуждаетъ сердечныя движенія съ такою широтою, какая недоступна другимъ искусствамъ. Изъ поэзіи постоянно берутъ сюжеты живописцы, скульпторы, архитекторы. Воистину, это—царица всѣхъ искусствъ¹⁾.

Изъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій уже видно, какое значеніе имѣетъ область литературы, какъ факторъ эстетическаго (и, конечно, нравственнаго) воспитанія учащихся. Но не ограничиваясь этимъ, продолжимъ свою рѣчь, чтобы исчерпать весь вопросъ о словесномъ искусствѣ, какъ, несомнѣнно, очень важномъ факторѣ эстетическаго образованія.

Чѣмъ же важна, въ самомъ дѣлѣ, литература, поэзія въ качествѣ эстетическаго фактора и какое ея преимущество въ ряду другихъ искусствъ? „Для дѣтей, а можетъ быть, и для насъ, говоритъ французскій мыслитель, жалуясь, между прочимъ, на отсутствіе въ школахъ эстетическаго воспитанія, образъ служить лучшей иллюстраціей идеи. Поэтъ или писатель лучше другихъ схватываетъ такую зависимость формы отъ изображаемыхъ ею эмоцій и мысли и, при помощи образовъ, проявляетъ то невѣдомое, что таится въ нашей душѣ. Вотъ почему древніе смотрѣли на поэта, какъ на существо божественное, по крайней мѣрѣ, вдохновенное богами; они считали Орфея воспитателемъ самой природы, а во всѣхъ поэтахъ видѣли лучшихъ, единственныхъ воспитателей юношества. Необходимо знакомить дѣтей и юношество не только съ открытіями или изобрѣтеніями человѣческаго ума, но и съ идеальными стремленіями сердца, которыя одни породили самое знаніе. Будемъ же учить нашихъ дѣтей, въ заключеніе приглашаетъ почтенный авторъ, любить и понимать ту поэзію, къ которой мы часто во всѣ періоды нашей жизни обращаемся то за забвеніемъ, то за утѣщеніемъ²⁾. Правъ былъ, поэтому, покой-

¹⁾ По Реріери. Лекціи по теоріи искусства вообще и поэзіи въ частности. С.-Петербургъ, 1888 г., стр. 8—9. Ср. проф. М. Олесницкій. Полный курсъ педагогика, т. I, стр. 815.

²⁾ М. Гюйо. Воспитаніе и наследственность. СПб. 1900. Стр. 158.

ный великий педагогъ В. Острогорскій, съ особой силой страстнаго воодушевленія указывавшій на неистощимую сокровищницу родной художественной литературы, какъ на могучее средство (которымъ, кстати скажемъ, педагоги рѣдко пользуются) воспитанія въ людяхъ гуманныхъ и эстетическихъ чувствъ, нѣжнаго и отзывчиваго сердца. Наша лучшая литература, правду говоритъ философъ-богословъ В. Соловьевъ—это страдающій Христосъ, воплощеніе Божьей любви, милосердія и всепрощенія, живая Божія правда въ конкретной, полной реальной красоты, необъятной силы, образахъ. Для примѣра вспомнимъ хотя бы стараго слугу Савельича въ „Капитанской дочкѣ“—Пушкина, Макара Дѣвухина въ „Бѣдныхъ людяхъ“—Достоевскаго, „Антоня Горемыку“—Григоровича и нескончаемую вереницу другихъ страдальцевъ изъ народа: старца Зосиму, родителей Базарова, Петра Каратаева въ „Войнѣ и мирѣ“—Л. Толстого, развѣ это—не живая иллюстрація къ страницамъ Евангелія, не лучшіе образцы Христовой любви, сердечной чуткости, незлобивости, состраданія и всепрощенія?! Вотъ почему нѣкоторые педагоги настаиваютъ на необходимости усвоенія учащимися даже внѣшней формы словеснаго искусства, тѣхъ образцовъ, которые нарисованы перомъ художника въ любомъ произведеніи. Обыкновенно, говоря о воспитательномъ значеніи поэзіи, пишетъ одинъ авторъ, имѣютъ въ виду тѣ хорошія мысли, тѣ добрыя чувства, которыми заражаетъ поэтъ образованнаго читателя, слушателя, но не обращаютъ вниманія на тѣ образы, которые встрѣчаются въ любомъ произведеніи: не малое значеніе имѣютъ они. Пусть молодежь запасается въ юности этими образами, формулами, приглашаетъ авторъ, этимъ оружіемъ въ арсеналѣ устнаго преданія родной литературы: трудно будетъ безъ нихъ потомъ, когда жизнь потребуеъ битвъ, когда сутолока дня окутаетъ туманомъ мелочныхъ недоразумѣній¹⁾.

На всѣхъ, поэтому, лицахъ, близко стоящихъ къ воспитанію дѣтей и юношества, лежитъ высокая нравственная обязанность развивать въ ней, путемъ идейнаго изученія поэзіи и литературы, моральныя и эстетическія чувствава-

¹⁾ Вопросы теории и психологии творчества. Сборн. статей подъ ред. Лезина. Харьковъ. 1907. См. ст. Б. Харціева, „Психология поэтического образа въ примѣненіи къ воспитанію“, стр. 445.

нія. Въ этомъ настоящая нужда особенно въ настоящее время, чуждое высокихъ идеаловъ; это нужно для того, чтобы молодежь, пламенѣя любовью къ поэзии и литературѣ въ теченіе всей жизни, вступивъ въ нее, шла противъ теченія ¹⁾. Мало того, не только изучать съ идейной точки зрѣнія эту область, но и стараться быть опытнымъ руководителемъ, пріятнымъ помощникомъ въ выборѣ авторовъ и произведеній, словомъ, руководить внѣкласснымъ чтеніемъ и замѣнить въ этомъ случаѣ тѣхъ изъ родителей и воспитателей учащихся, которые индифферентно относятся къ этому важному явленію въ жизни своихъ дѣтей. Такое руководство особенно чувствуется въ наше время, въ виду существованія наряду съ литературой добраго направленія, литературы низкаго пошиба, почему послѣдняя требуетъ критическаго къ ней отношенія. Близкіе къ учащимся и вообще юношеству лица должны стоять на стражѣ интересовъ послѣднихъ и оберегать молодежь отъ увлеченія этого рода литературой, помня завѣтъ великаго критика-писателя В. Бѣлинскаго, что „читать дурно выбранную книгу для дѣтей и юношества хуже и вреднѣе, чѣмъ ничего не читать“. Современная отрицательнаго направленія литература уже, къ несчастію, сыграла печальную роль въ школѣ и губительно отразилась на воспитаніи молодого поколѣнія, поэтому, нужно подумать, какъ бы остановить ея разрушительное вліяніе и дѣйствіе. Горе этой литературы заключается, конечно, не въ томъ, что она изображаетъ будто бы только отрицательные типы, интересы ея вращаются въ области пошлости, уродства жизни, а бѣда въ томъ, что сами то художники, видимо увлекаются этой стороной жизни и заражаютъ своимъ настроеніемъ молодежь, какъ элементъ самый надежный въ этомъ отношеніи. Безъ этого условія, т. е. безъ этой симпатіи современныхъ писателей и поэтовъ къ пошлой сторонѣ жизни, такое вредное дѣйствіе современной литературы было бы невозможно. Огромное, вѣдь, нравственное вліяніе на людей имѣютъ искусства (въ частности и литература) не только при изображеніи добраго, прекраснаго, нрав-

¹⁾ При идейномъ изученіи словеснаго искусства не будетъ мѣста апатіи къ книгѣ у учащихся; напротивъ, она займетъ доминирующее положеніе и молодежь будетъ съ уваженіемъ читать произведенія поэтовъ и писателей.

ственного, но и при воспроизведеніи безобразнаго, уродливаго, безнравственнаго въ прекрасной формѣ, потому что отрицательнымъ путемъ они все же внушаютъ человѣку стремленіе къ противоположному тому, что представляетъ дѣйствительность. Подъ перомъ или кистью благороднаго художника темныя стороны жизни и типы самыхъ пошлыхъ, порочныхъ лицъ получаютъ такую окраску, что, пробуждая въ людяхъ сознаніе, невольно вселяютъ въ ихъ душу стремленіе ко всему прекрасному, высокому и нравственному. Если художникъ съ чистой душой воспроизведетъ въ своей душѣ нечистую идею, она предстанетъ предъ нимъ во всемъ своемъ безобразіи, ненормальности. Такою же она отразится и въ соотвѣтствующей объективной формѣ; такую же будетъ воспринята и нравственно-чистымъ созерцателемъ. И не только не заразятся и не пострадаютъ отъ нея художникъ и созерцатель, но, напротивъ, еще болѣе укрѣнятся въ своей истинѣ, еще болѣе возлюбятъ добро и совершенство. Благотворное воздѣйствіе на созерцателя или читателя достигается, значить, художникомъ въ томъ случаѣ, если онъ относится къ явленіямъ жизни не только строго, но и гуманно, если, рисуя, печальную, грязную обстановку дѣйствительности и указывая на различныя жертвы ея, самъ лично соболѣзнуетъ о ней и своимъ сочувствіемъ вызываетъ наряду съ чувствомъ отвращенія, другія добрыя качества и участіе. „Хотя искусство, читаемъ у покойнаго профессора-моралиста, можетъ избирать для изображенія и безнравственные предметы и явленія человѣческой жизни, можетъ изображать даже демона, но безнравственное оно (истинное искусство) изображаетъ какъ безнравственное, т. е. съ такимъ отгѣнкомъ, что изображеніе не плѣняетъ и соблазняетъ, а обнаруживаетъ предъ нами свое ничтожество, свою пошлость, показываетъ намъ себя, какъ нѣчто достойное отверженія¹⁾“. Поэтому, при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, кромѣ содержанія и формы, необходимо обращать вниманіе на отношеніе самого автора къ выводимымъ имъ типамъ и явленіямъ жизни. Какъ добрый учитель заботится о наилучшемъ своемъ воздѣйствіи на питомцевъ, такъ и поэтъ-писатель и вообще художникъ невольно выражаетъ луч-

¹⁾ М. Олесницкій. Цит. соч. т. 1, стр. 294.

шія стороны своего существа, свои лучшія идеи и стремленія, благодаря чему художественныя произведенія оказываютъ гуманизирующее вліяніе на общество. Это не мѣшаетъ, повторяемъ, художнику выводить въ своихъ произведеніяхъ также пошлости и ужасы, встрѣчающіеся въ жизни, но такъ, чтобы при этомъ изображаемое возбуждало смѣхъ или негодованіе, если это пошлость, и чувство жалости и страха, если изображаемое трагично.

Такимъ добрымъ, нравственнымъ направленіемъ характеризуется вся наша классическая художественная литература. Въ этой литературѣ можно видѣть настойчивое стремленіе брать изъ жизни то, что въ ней есть лучшаго, постоянное усиліе художниковъ-классиковъ находить даже въ пошломъ и низкомъ свѣтлую черточку. Въ этомъ исканіи свѣта во тьмѣ заключается характерная особенность русской литературы. Она имѣетъ своимъ основаніемъ непобѣдимую вѣру въ существованіе добра и въ то, что натура человѣческая по существу добра. „Надо отдать справедливость нашимъ лучшимъ художникамъ-писателямъ, дать отзывъ о русскомъ искусствѣ одинъ изслѣдователь поэтическаго творчества,—благородной, возвышенной ихъ художественно-литературной дѣятельности. Кому не извѣстно огромное культурно-моральное вліяніе, произведенное у насъ поэзією Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевскаго, Тургенева и др. ¹⁾ Иностранная критика давно уже отмѣтила ту важную культурную роль, какая выпала на долю художественной классической литературы въ исторіи русской жизни. Вотъ какъ высказался французскій писатель Мельхiorъ-де-Вогюэ, этотъ тонкій цѣнитель нашихъ лучшихъ писателей. „Если бы знали, какъ читаютъ поэтовъ тамъ въ Россіи!—обращается онъ къ своимъ соплеменникамъ. То, что для насъ не болѣе, какъ баловство, предметъ роскоши, для нихъ составляетъ насущный трудъ“. Общество наше, слава Богу, не совсѣмъ еще отвыкло отъ такого почтительнаго отношенія къ классической литературѣ. Проповѣдническій характеръ „старой“ школы художниковъ создалъ прочный фундаментъ для преклоненія предъ литературою, вслѣдствіе чего воспитательное значеніе ея еще высоко. Современная же литература хо-

¹⁾ В. Богородицкій, Психологія поэтическаго творчества. Казань. 1900 стр. 26.

четь въ корнѣ подорвать такой авторитетъ нашей классической литературы и, къ несчастью, имѣеть успѣхъ: зеленая молодежь, по свойственному ей увлеченію, зачитывается современной пошлой литературой, покупаетъ нарахватъ книги съ такимъ содержаніемъ, гдѣ все расчитано на возбужденіе низшихъ инстинктовъ и страстей, и производитъ эта литература свое губительное дѣйствіе: возникаютъ различныя общества, культы и проч., а на кладбищѣ роютъ все новыя могилы для жертвъ ¹⁾. Руководство, поэтому, въ чтеніи учащимися—священная обязанность учащаго и воспитательскаго персонала духовной школы, но оно (руководительство) должно соединяться непременно съ благожелательностью, искренностью, сердечнымъ отношеніемъ и участіемъ въ запросахъ учащихся. Такое сочувствіе поймутъ послѣдніе и будутъ всегда благодарны и признательны своимъ спасителямъ, удержавшимъ, быть можетъ, многихъ изъ нихъ отъ паденій...

„Институтъ классныхъ наставниковъ, проектируемый Св. Синодомъ для духовныхъ училищъ, и, несомнѣнно, въ будущемъ и для духовныхъ семинарій, наилучшимъ образомъ сможетъ выполнить благородную миссію по руководству внѣ-класснымъ чтеніемъ учащихся. Будущіе классные наставники—это лица, самыя близкія къ учащимся, лица, которыя, несомнѣнно, будутъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ учащихся и послѣдніе охотно будутъ повѣрять своимъ наставникамъ свои думы, мысли и настроенія. А такое близкое, искреннее общеніе съ учащимися облегчитъ наставникамъ трудное дѣло руководства внѣ-класснымъ чтеніемъ.

Объ институтѣ классныхъ наставниковъ, учреждаемомъ Св. Синодомъ, помѣщена на страницахъ Церковныхъ Вѣдомостей интересная статья г. Н. Жилина: „Къ вопросу о воспитательной дѣятельности преподавателей въ духовныхъ училищахъ“. Церк. Вѣд. 1909 г. № 49“.

Введеніемъ въ кругъ предметовъ духовныхъ училищъ

¹⁾ Въ утѣшеніе намъ остается тотъ несомнѣнный фактъ, что все же симпатіи учащихся, не смотря на увлеченіе современной литературой, на сторонѣ классиковъ, т. е. литературы добраго направленія. За это ручается упомянутая выше анкета, произведенная знакомымъ преподавателемъ, которая говоритъ намъ, что даже въ свободное время число читателей классической литературы составляетъ 70% изъ всего количества учащихся. Процентъ очень утѣшительнаго свойства.

природовѣдѣнія и черченія Синодъ, какъ мы сказали выше, пришелъ съ своей стороны, на помощь духовной школѣ въ осуществленіи его идеи эстетическаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы раскроемъ объяснительную записку къ программѣ природовѣдѣнія, то съ первыхъ же строкъ ея бросается въ глаза эстетическій принципъ. Конечно, какъ всякая дисциплина, указанная наука, прежде всего, имѣетъ цѣлью сообщеніе въ системѣ положительныхъ знаній учащимся объ окружающемъ ихъ мірѣ, но попутно или вѣрнѣе по тѣсной связи съ такой задачей, какъ неотъемлемая принадлежность, указана и другая цѣль—эстетическая. „Способность къ отвлеченнымъ представленіямъ и обобщеніямъ въ дѣтскомъ возрастѣ, читаемъ въ объяснительной запискѣ къ программѣ преподаванія указаннаго предмета, весьма ограничена, поэтому нельзя преподносить ученикамъ младшаго возраста готовыя общія положенія и схемы, безъ предварительнаго знакомства съ конкретнымъ матеріаломъ“. Вслѣдствіе сего, уроки по природовѣдѣнію должны быть, конечно, возможно болѣе наглядными, доступными непосредственному опыту и наблюденію и, слѣдовательно, не должны ограничиваться только стѣнами класса. „Желательно, гласитъ объяснительная записка, чтобы „иногда“ (добавимъ отъ себя „часто“) устраивались экскурсіи въ природу, во время которыхъ преподаватель могъ бы бесѣдовать съ учениками о почвѣ, растеніяхъ и животныхъ, а ученики пріучались бы самостоятельно наблюдать окружающіе предметы и явленія“.—Такое знакомство съ природой, путемъ нагляднаго изученія, наблюденія и созерцанія—фактъ чисто эстетической области: близость, соприкосновеніе, пониманіе природы съ вѣчнымъ волненіемъ своихъ морей, гордой неподвижностью своихъ горъ, свѣжестью своихъ луговъ, глубокимъ покоемъ своихъ лѣсовъ, великолѣпіемъ заходящаго солнца и таинственностью лунныхъ вечеровъ, возбуждаютъ эстетическія эмоціи, доставляютъ массу эстетическихъ наслажденій, лаская взоръ учащихся, развивая ихъ воображеніе и воспитывая въ нихъ идею изящнаго, гармоніи... Съ научной и эстетической стороны тѣсно связывается этическая, воспитательная, которую имѣетъ, конечно, въ виду и объяснительная записка и которая (сторона) отмѣчена, между прочимъ, предсѣдателемъ Учебнаго Комитета въ его рѣчи на курсахъ по природовѣдѣнію для преподавателей духовныхъ

училищъ, бывшихъ (курсахъ) въ Петербургѣ въ августъ минувшаго года, а именно, что область природовѣдѣнія, раскрывающая удивительную цѣлесообразность міра, поможетъ учащимся читать и познавать по великой книгѣ-природѣ славу и мудрость Вседержителя.

Дѣйствительно, созерцая прелесть природы съ ея мудрыми цѣлесообразными явленіями, постигая красоту, рассыпанную въ природѣ, учащіяся, несомнѣнно, будутъ возноситься мыслью къ Великому Художнику, создавшему и даровавшему такое дивное твореніе свое для наслажденія и пользы человѣку. Мысль о Богѣ, какъ Мудромъ Творцѣ и Промыслителѣ, всегда неотъемлемо соединяется съ разсмотрѣніемъ, созерцаніемъ красотъ природы: совершенство видимаго міра и его чудеса непремѣнно возводятъ мысль христіанина къ красотѣ и величію міра Вѣчнаго, къ Божественному Первообразу красоты, наполняя душу его благодарнымъ восторгомъ и любовью къ Создателю. Для него (христіанина) природа—чудный и величественный храмъ Бога, гдѣ вѣчно славится имя Творца. Звѣздное небо—это величественный куполъ, наполненный безчисленнымъ множествомъ паникадилъ. Восторженныя пѣсни и звуки въ природѣ—прекрасный, полный внутренняго смысла гимнъ и хвала Творцу. Всѣ краски, всѣ цвѣты, всѣ растенія, вся тварь—живая проповѣдь жизни, дѣятельности разума и безсмертія. Природа, какъ космосъ, всегда почитается, признается, какъ одинъ изъ лучшихъ способовъ Богопознанія. „Небо, земля, море, словомъ, весь міръ, по мысли св. Григорія Богослова, является какъ бы великою книгою, въ которой открывается самымъ безмолвнымъ образомъ проповѣдуемый Богъ“. По словамъ В. Гюго „печать вѣчности лежитъ на всемъ переходящемъ; скромный цвѣтокъ проникнуть необъятностью темной, лазурной и звѣздной. Мы смотримъ на поля, но приходимъ въ восхищеніе отъ Бога. Когда бушуетъ буря, вѣтра моя крѣпнеть; въ ураганѣ я созерцаю сознаніе долга и вѣру въ истину, которая сверкаетъ, какъ молнія“¹⁾. „Любите другъ друга, говоритъ Спаситель,—и это слово вѣчно свѣтится для насъ на небесахъ, въ цвѣтахъ, въ обновленномъ нашемъ сердцѣ, какъ сіяніе безконечной любви“ (Сюлли Прюдонъ).—Этическое значеніе эстетическихъ созерцаній природы отмѣчено многими моралистами, художниками и

¹⁾ Христ. Чтен. 1898, в. 10, стр. 566.

эстетамъ. Въ нѣсколькихъ прекрасныхъ словахъ поэта Лермонтова выражена вся важность въ этомъ смыслѣ наслажденій природою: при созерцаніи ея, говоритъ о себѣ поэтъ,

„Смиряется души моей тревога,
„Расходятся морщины на челѣ,
„И счастье я могу постигнуть на землѣ
„И въ небесахъ я вижу Бога“.

Д. Рескинъ—этотъ апостоль религіи красоты, описывая поразительныя красоты міра, къ которымъ человѣчество относится какъ то равнодушно, говоритъ: „наши духовные наставники, восхваляя намъ любовь и милосердіе Божіе, весьма рѣдко указываютъ намъ на тѣ случаи, когда Его милость всего щедрѣе и явственнѣе проявляется: они распространяются о томъ, что Богъ печется о нашемъ насущномъ хлѣбѣ, объ одеждѣ и здоровьи, но они не научаютъ насъ благодарить Его за то, что Онъ одарилъ насъ способностью понимать все величіе Его твореній; наши духовные наставники учатъ насъ предаваться размышленію въ одиночествѣ, вмѣсто того, чтобы посылать насъ въ поле вечернею порой и тамъ созерцать всю прелесть мірозданья и восхвалять Творца“¹⁾. „Что можетъ, вопрошаетъ тотъ же авторъ, сравниться съ зрѣлищемъ небосклона, усѣяннаго ярко золотыми блестками, или видомъ луны, странствующей по темному небу въ своей серебрянной ризѣ. Глядя на нее, можно вообразить себя архангеломъ, присутствующимъ при сотвореніи міра“²⁾. „Полюби родную ниву“, приглашаетъ одинъ поэтъ, указывая на важность изученія и познанія природы,

„Полюби зеленый боръ,
„И на землю и на небо
„Устремляй пыливый взоръ—
„И узнаешь ты, какъ Божій
„Міръ прекрасенъ и великъ.
„И поймешь, что у природы
„Есть свой собственный языкъ;
„Сердцу сдѣлается близкою
„Въ полѣ каждая трава
„И тогда живыми станутъ
„Книги мертвыхъ слова“ (А. Кругловъ).

Такое громадное значеніе области природовѣдѣнія въ качествѣ религіозно-этического и эстетическаго фактора въ

¹⁾ Д. Рескинъ. Цит. заимствован. у Леббока. Радости жизни. СПб. 1899, стр. 13.

²⁾ Ibid. стр. 96.

системъ воспитанія, поставяетъ въ необходимость школу обратить на эту область очень серьезное вниманіе и воспользоваться столь важнымъ факторомъ для своихъ цѣлей¹⁾. Для возможно хорошей постановки преподаванія, кромѣ хорошо оборудованныхъ физическихъ кабинетовъ, большое значеніе имѣютъ частыя загородныя экскурсіи съ учащимися (что и рекомендуется объяснительной запиской), гдѣ природа является во всей своей неприкосновенной естественной красотѣ и простотѣ, причемъ выбирать для посѣщенія нужно, конечно, живописные уголки, отличающіеся особымъ богатствомъ²⁾, и здѣсь, на лонѣ природы учащіеся будутъ постигать и познавать тайну мірозданья, исполняться эстетическаго восторга и своею мыслью возноситься къ Вѣчной Красотѣ. Конечно, здѣсь дѣло не можетъ ограничиваться

1) Кстати скажемъ, что и по сознанію самихъ учащихся область естествознанія имѣетъ громадное воспитательное значеніе и изъ наукъ, интересующихъ юношество, естествознаніе поставяется въ число первыхъ. Вотъ что говоритъ намъ одна анкета. „Естественныя науки объясняютъ мнѣ явленія природы, что для меня представляетъ существенный интересъ, что онѣ пытаются отвѣтить на вопросы: „откуда и куда все это идетъ и въ чемъ сущность жизни“; онѣ отвѣчаютъ на самые жизненные вопросы: какъ произошелъ міръ и вселенная, способствуютъ духовному возрожденію чело­вѣка надъ житейской пошлостью и перерождаютъ его (гимназ. VI кл.). „Что можетъ быть пріятнѣе изученія природы окружающаго міра!“ — пишетъ другой учащійся. „Какое отрадное чувство наполняетъ душу, когда узнаешь хотя бы одинъ фактъ изъ жизни животныхъ и растеній, но еще отраднѣе бываетъ на сердцѣ, когда чувствуешь себя способнымъ прочесть нѣсколько строкъ изъ раскрытой предъ глазами всѣхъ великой книги природы? Что мнѣ тогда собранія, балы, концерты и бесполезное препровожденіе времени. Это ли не блаженство, что немногимъ дается возможность заглядывать въ книгу природы и что въ числѣ этихъ счастливицевъ и я, не только заглядываю, но и часто я понимаю написанное Великимъ Творцомъ ся. Почему не всѣ занимаются и не обращаютъ на нее (природу) вниманія?“ — съ грустью заключаетъ свои строки авторъ (реал. V кл.). „Изученіе астрономіи и изслѣдованіе неба отрѣпаютъ меня отъ всей земли“, — пишетъ одинъ изъ окончившихъ учебное заведеніе. „Астрономія приближаетъ чело­вѣка къ Богу, возвышаетъ и дѣлаетъ его чище, небеснѣе, если такъ можно сказать“. „Самая интересная изъ наукъ — астрономія и геологія, говоритъ воспитанникъ духовной семинаріи, онѣ лучше всего просвѣщаютъ умъ и воспитываютъ благоговѣніе къ Творцу“. (См. ст. К. Левина: „Что читаетъ учащаяся молодежь“. „Міръ Божій“ 1903 г., ноябрь).

2) Сюда также входитъ посѣщеніе ботаническихъ и зоологическихъ садовъ, оранжерей, древесныхъ питомниковъ и проч.

однимъ созерцаніемъ, попутно преподаватели будутъ знакомить учащихъ непосредственно съ явленіями природы, изучать растенія, почву, собирать коллекціи и гербаріи и вообще иллюстрировать свои уроки. При этомъ необходимо выполненіе слѣдующаго условія: всѣ красоты природы, съ которыми учащіеся приходятъ въ соприкосновеніе, должны все-таки возможно меньше комментироваться, такъ какъ чрезъ подробныя объясненія, помимо утомленія, учащіеся лишаются возможности непосредственно любоваться красотами природы, такъ какъ, будучи отвлечены вниманіемъ къ какому нибудь явленію, факту и предмету, составляющихъ только мелкую частичку въ мірозданіи, они не могутъ получить общаго впечатлѣнія отъ „космоса“¹⁾: напротивъ, непо-

1) Любопытный примѣръ эскурсіи и образецъ комментирования явленій природы преподавателемъ находимъ мы на страницахъ одного современнаго журнала. „То мы ходили по горамъ, рассказываетъ одинъ преподаватель, дѣлясь своими впечатлѣніями, причемъ учащіеся останавливались на такихъ высокихъ скалахъ и обрывахъ, гдѣ умолкаетъ всякая жизнь, куда не приходитъ человѣкъ со своими мученіями, гдѣ только орелъ паритъ, распластавши крылья, гдѣ ничто не нарушаетъ тишины, и только изрѣдка нарушить покой оторвавшійся камень или робко завизжитъ испуганная серна. Здѣсь на каждого человѣка нисходитъ бодрое и радостное настроеніе, спокойное и серьезное, какъ будто въ этомъ одиночествѣ природы человѣкъ первый разъ почувствовалъ самъ себя, свою связь со всѣмъ міромъ и свое положеніе въ природѣ, какъ высшаго существа на землѣ. Одиночество приводитъ мысли и чувства къ одному цѣлому, молчаливая природа становится краснорѣчивой и открываетъ чуткой душѣ свои тайны. Здѣсь на этихъ вершинахъ начинаешь понимать, почему „древніе“ строили свои алтари и приносили жертвы богамъ на высотахъ, и почему во всѣ времена люди возносили свои молитвы изъ тяжелаго тумана долинъ къ возвышающимся къ небу вершинамъ. То въ теплыя лѣтнія ночи мы, молча, наблюдали говорить, далѣе авторъ, чудеса звѣзднаго неба, блескъ луны и мерцаніе вечерней звѣзды, быстрый полетъ падающихъ звѣздъ и таинственную картину млечнаго пути. Наши городскія дѣти рѣдко видятъ небо и лишены, поэтому, одного изъ величайшихъ наслажденій. Только здѣсь, вдали отъ шума городского, въ чистомъ горномъ воздухѣ, увидишь, какъ грандіозна картина неба, когда на темномъ лазурномъ фонѣ зажигаются миллиарды маленькихъ свѣточей и рассказываютъ о безконечности и безчисленности міровъ. После долгаго молчанія, учащіеся, обычно, спрашиваютъ: какъ далеко отсюда самыя отдаленныя звѣзды? По наблюденію астрономовъ самыя дальнія звѣзды, которыя видны въ телескопъ, отстоятъ отъ насъ на 20,000 билліоновъ верстъ, но за ними, вѣроятно, находятся еще безчисленные міры. „Какъ же давно существуетъ земля“?—спрашиваютъ дѣти. Этого никто не знаетъ

средственное личное наблюдение, созерцание природы будеть будить ихъ мысль и религіозное чувство. И нужно сказать, что послѣднее нельзя пробудить лучше, чѣмъ поставивъ ихъ лицомъ къ лицу съ загадками природы и жизни. Ничемъ нельзя такъ легко пробудить религіозное чувство, какъ, именно, указаніемъ и раскрытіемъ предъ ними чудесъ міра, давая учащимся возможность, время и настроеніе отдаваться вполнѣ и по собственному побужденію этимъ великимъ впечатлѣніямъ. Указанныя экскурсіи, кромѣ такихъ высокихъ мотивовъ, симпатичны еще и въ практическомъ смыслѣ: онѣ полезны для здоровья учащихся, поскольку послѣдніе будутъ, путемъ такихъ прогулокъ, освѣжать, укрѣплять и возстановлять свои физическія силы и энергію; и тамъ, на лонѣ природы, далеко отъ уличныхъ фонарей и грязныхъ мостовыхъ, на чистомъ воздухѣ они будутъ запасаться бодростью и здоровьемъ для своихъ ученическихъ подвиговъ. Эти экскурсіи, прогулки будутъ, такимъ образомъ, выпадать на долю учащихся, какъ награда за работу, какъ отдыхъ послѣ упорнаго труда, послѣ котораго учащіеся будутъ обновлять себя на просторѣ полей, лѣсовъ и возстановлять ту силу, которую они теряютъ въ нездоровомъ воздухѣ своихъ интернатовъ...

Мы не говоримъ уже о томъ, что при учебныхъ заведеніяхъ должны быть сады, цвѣтники, гдѣ бы преподаватели имѣли бы постоянную возможность знакомить учащихся съ жизнью и названіями деревьевъ, растеній, травъ и цвѣтовъ и иллюстрировать свои уроки, а также приучать учениковъ къ посадкѣ, уходу, бережному отношенію къ деревьямъ, растеніямъ, цвѣтамъ, воспитывали бы любовь къ животному царству: насѣкомымъ, птичкамъ и звѣрямъ. Такое знакомство учащихся съ природой въ теоріи и на практикѣ, помимо подготовки ихъ къ сельскому хозяйству, въ роли настыря-работника на лонѣ сельской тишины даетъ еще въ результатъ глубокое нравственное удовлетвореніе. Вѣдь, природа всеми почитается какъ лучшій врачъ, цѣлитель отъ

навѣрное, но изслѣдованія ученыхъ показали, что жизнь на землѣ существуетъ уже 100 и даже 150 милліоновъ лѣтъ — отвѣчаю я имъ. Къ этимъ вопросамъ присоединится, конечно, вопросъ о началѣ и концѣ міра, разрѣшить который необходимо въ краткихъ, но полныхъ ясности и отчетливости отвѣтахъ. (См. ст. проф. А. Гуришгаса: „О творческомъ воспитаніи“. Своб. Восп. 1909, № 10).

тѣхъ непріятностей, мелочей, которыми характеризуется наша повседневная жизнь: мало того, она, исцѣляя, врачуя, дѣлаетъ человѣка выше, чище. Это магическое вліяніе, дѣйствіе природы на психику человѣка, особенно чувствовали, по личному опыту, художники, поэты, писатели, которые близко жили съ природой, „дышали съ нею одной жизнью, такъ что понимали и говоръ древесныхъ листовъ и чувствовали травъ прозябанье“. Всѣ они вѣрили, что „наединѣ съ природой человѣкъ становится лучше и чище душой“ (А. П. Чеховъ). Шумъ и суета міра, по признанію ихъ, мѣшаютъ человѣку достигнуть полной гармоніи духа, послѣдней ясности и тишины. Надо отойти отъ міра съ его страстями, соблазнами и несовершенствами, всецѣло отдаться созерцательности на лонѣ природы, въ мирномъ, любовномъ общеніи съ растеніями и животными. Такъ достигается внутренняя ясность, полная просвѣтленность, такъ подходитъ человѣкъ къ святости, постигаетъ тайну Божію, скрытую въ природѣ, разгадываетъ смыслъ всѣхъ жизненныхъ явленій. „Любите животныхъ, растенія, любите всякую вещь. Любите все созданіе Божіе и цѣлое и всякую песчинку. Будешь любить всякую Божію вещь и тайну Божію постигнешь въ вещахъ. И полюбишь, наконецъ, весь міръ уже всецѣлою, всемірною любовью. Животныхъ любите, имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучайте ихъ, не отнимайте у нихъ радости, не противьтесь волѣ Божіей“¹⁾. Такъ говоритъ старецъ Зосима. Такъ говоритъ великій ясновидецъ русской души Ф. М. Достоевскій. Безгрѣшна природа, на ней почилъ святость Божія, надо проникаться таинственнымъ голосомъ ея, сливаться съ нею всѣмъ существомъ. Испытывая глубокое нравственное удовлетвореніе отъ созерцанія природы, становясь постепенно выше и чище душой, учащаясь будутъ, если имъ придется быть въ роли пастыря, черпать изъ богатой сокровищницы-природы сюжеты и матеріалъ для своихъ поученій, проповѣдей, которыя они будутъ говорить своимъ прихожанамъ, Такой матеріалъ очень доступенъ, очень понятенъ, знакомъ и близокъ его слушателямъ-крестьянамъ, какъ живущимъ въ очень близкомъ общеніи съ природой.

Такъ, относясь къ природѣ, учащаясь, а впоследствии

¹⁾ Ф. Достоевскій. Вратья Карамазовы. Часть II, стр. 379, изд. Маркса.

скромные труженики въ роли пастырей церкви, будутъ подражать въ этомъ смыслѣ Спасителю, Который Самъ всегда сочувственно относился къ красотамъ природы и любилъ ее. Удалялся часто на холмы и горы, училъ народъ при живописныхъ берегахъ моря, на поляхъ красовавшихся жатвою, преобразился на одной изъ прекрасныхъ горъ Галилеи. Онъ любилъ цвѣты и черпалъ изъ нихъ образы для своихъ поученій. Птицы небесныя, море, горы—все это безпрестанно повторялось въ Его рѣчахъ. Его Божественный взоръ часто подолгу покоился на картинахъ и предметахъ природы и черпалъ изъ нихъ умиротвореніе и радость для своего духа. Мало того, Онъ, указывая на эти радости человѣчеству, наставлялъ оставить принципъ крайне утилитарнаго отношенія къ окружающей природѣ и относиться къ ней эстетически ¹⁾.

Преподаваніе черченія, какъ самостоятельной области, введенной въ кругъ предметовъ программы духовныхъ училищъ, должно имѣть, по нашему мнѣнію, двѣ цѣли: эстетическую и утилитарную, практическую. Эстетическая сторона цѣли преподаванія черченія должна сводиться къ тому, чтобы развить у учащихся вкусъ и любовь къ изящному, прекрасному, выраженному въ правильныхъ линияхъ, чертежахъ, фигурахъ и умѣнье пользоваться симметрией. Съ эстетической стороны цѣли преподаванія указанной области тѣсно связана, или вѣрнѣе, вытекаетъ изъ нея утилитарная, практическая. Изученіе названій и графическое изображеніе линий, круговъ и ихъ разнообразныхъ комбинацій опосредствуетъ развитію глазомера, развиваетъ правильныя движенія руки, что даетъ въ результатъ занятій: умѣнье красиво владѣть перомъ, карандашомъ, даетъ хорошій почеркъ. Изученіе геометрическихъ линий и фигуръ, какъ по названіямъ, такъ и въ чертежъ, явится хорошей подготовкой къ занятіямъ по географіи, геометріи, физикѣ и др. предметамъ, которые требуютъ чертежа. Работы должны производиться при помощи линейки, циркуля, транспортира и проч. Хорошая постановка черченія въ школѣ, удовлетворяя природнымъ художественнымъ наклоностямъ (о чемъ рѣчь была выше), расположитъ учащихся къ рисованію, живописи, иконописи, являясь, такимъ образомъ, подготовительной ступенью

¹⁾ Мѣ. VI, 26—34.

къ той области, введеніе которой въ духовной школѣ—на стоятельная потребность времени ¹⁾).

Резюмируя все вышесказанное о значеніи, цѣли и способахъ осуществленія духовной школой идеи художественнаго образованія, приходимъ къ такому выводу, что духовная школа нисколько не должна пренебрегать, идеей эстетическаго воспитанія учащихся, какъ чѣмъ то побочнымъ, маловажнымъ; напротивъ, по возможности должна стараться отвести эстетическому воспитанію подобающее мѣсто въ своей системѣ, удѣливъ для него своего вниманія и времени. Школа въ такомъ случаѣ будетъ, повторяемъ, не только выполнять завидную миссію, осуществлять принципы, указанные ей высшей инстанціей, но еще пойдетъ на встрѣчу потребностямъ времени. Вѣдь, теперь область эстетики, искусства, при широкомъ развитіи культуры, является необходимою сферою культурнаго человѣка, настоящею потребностью, интересомъ дня. Все свободное отъ дѣлъ и суетныхъ заботъ время у современнаго человѣка всецѣло отдано эстетикѣ, искусству. Цѣлые часы ежедневно уходятъ у него на посѣщеніе театровъ, концертовъ, на упражненія въ какомъ либо искусствѣ, на чтеніе произведеній литературы. Можно смѣло сказать, что безъ искусства современный человѣкъ обойтись не можетъ. Когда онъ дома, у него, непременно, подъ руками или книга, или перо, или кисть, или музыкальный инструментъ. И въ этомъ стремленіи культурнаго человѣка къ эстетикѣ, искусству нельзя видѣть пустую, выдуманную праздными людьми забаву, а это стремленіе, симпатіи къ этой области покоятся на сознаніи цѣнности и глубокаго жизненнаго значенія искусства, какъ для отдѣльной личности, такъ и для всего человѣчества, доказательству какой мысли и посвящена настоящая статья. Наконецъ, осуществленіемъ идеи эстетическаго воспитанія школа будетъ способствовать, между прочимъ, и упраздненію лѣни у учащихся, давая имъ возможность заполнить свободное время интересными занятіями, серьезными развлеченіями; къ этой эстетической работѣ, конечно, будутъ привлечены всѣ учащіеся, такъ какъ, право, трудно представить учащагося, въ какомъ бы то ни было возрастѣ, у

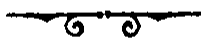
¹⁾ О рисованіи имѣется очень интересная статья З. Кипріяновой. „Художественное образованіе въ школѣ и методы его постановки“. Изд. Русск. Школ. 1908 г. СПб.

котораго не нашлось бы интереса, увлеченія хотя бы одной изъ указанныхъ областей и предметовъ въ сферѣ эстетики и искусства.

Спѣшимъ оговориться, однако, что мы вовсе далеки отъ мысли преувеличивать роль эстетическаго образованія въ духовной школѣ и ставить его во главу угла. Напротивъ, мы нисколько не отрицаемъ того, что наряду съ эстетическимъ воспитаніемъ, школа необходимо должна заботиться и о воспитаніи ума и воли. Тѣ, кто считаетъ эстетическое воспитаніе излишнимъ, а также тѣ, кто хочетъ отвести ему первенствующее мѣсто, одинаково далеки отъ здороваго педагогическаго міровоззрѣнія. Намъ оно (эстетическое воспитаніе) представляется необходимымъ дополненіемъ разумно-понимаемаго общаго воспитанія, но все таки никогда не слѣдуетъ забывать, что только дополненіемъ. Въ общемъ, какъ въ жизни, такъ и въ воспитаніи искусство и красота имѣютъ право на второстепенное мѣсто; они должны занимать „часы досуга“.

Вопросъ о разумномъ и гармоническомъ синтезѣ развитія умственнаго, волевого и эстетическаго является одною изъ серьезнѣйшихъ проблемъ нашего времени и на этой проблемѣ съ глубокимъ вниманіемъ должна остановиться наша педагогія—семейная и школьная. Автору хочется вѣрить, что эта проблема разрѣшена будетъ въ духѣ древнихъ грековъ, идеаломъ воспитанія у которыхъ была *καλοκαγαθία*, т. е. внѣшняя и внутренняя красота и доброта, тѣлесная и духовная гармонія. Быть полнымъ, цѣльнымъ человѣкомъ въ равновѣсіи духовной природы съ чувственной, физической, быть, слѣдовательно, изящнымъ, добрымъ, благороднымъ и умнымъ,—вотъ что составляло задачу педагогіи въ древней Элладѣ ¹⁾.

Преподаватель Александръ Гладкій.

¹⁾ Авторъ готовитъ въ печать статью, въ которой подробно коснется идеала греческаго воспитанія въ связи съ вопросомъ объ эстетической культурѣ, какъ основѣ общественнаго уклада жизни древнихъ грековъ.

Политическія формы жизни и народное развитіе съ философско-исторической точки зрѣнія.

Въ наше время очень многіе интересуются вопросами политической жизни. Замѣчательно, что вопросы эти особенно оживали и оживаютъ, возбуждая къ себѣ вниманіе въ переходныя эпохи исторической жизни народовъ, въ эпохи, когда прежній порядокъ жизни въ силу тѣхъ или другихъ причинъ дѣлается несостоятельнымъ и требуетъ замѣны себя новымъ. Въ эти эпохи политическіе вопросы достигаютъ своего высшаго развитія и вызываютъ на свое рѣшеніе всѣхъ выдающихся политическихъ и литературныхъ дѣятелей страны. Такъ было, напримѣръ, въ Греціи въ эпоху разложенія эллинской жизни, послѣ Пелопонесской войны; такъ было во Франціи въ періодъ времени, предшествовавшій первой революціи: такъ было и у насъ въ недавнюю эпоху 60-хъ годовъ и въ совсѣмъ уже близкую эпоху послѣднихъ нашихъ революціонныхъ беспорядковъ. Въ эти эпохи политическіе вопросы составляли тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ вращалась мысль общественныхъ силъ страны.

Причина такого возбужденія политическихъ вопросовъ та, что они имѣютъ самое близкое, непосредственное отношеніе къ тому или другому состоянію общества, и затрогиваютъ самые существенные интересы современниковъ. Это значеніе имѣютъ всѣ вообще политическіе вопросы, но едва ли не болѣе прочихъ имѣетъ вопросъ, на который мы хотѣли бы обратить свое вниманіе. Это вопросъ о политическихъ формахъ и ихъ отношеніи къ народному развитію. Онъ особенно много занималъ у насъ и публицистовъ, и политическихъ

дѣятелей: имъ казалось, что отъ того или другого рѣшенія его зависить вся послѣдующая дѣятельность человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если политическія формы могутъ считаться самодѣятельною причиною народнаго развитія, то не должи ли cadaго человѣка опредѣлить достоинство каждой формы, узнать, какая изъ нихъ лучше и затѣмъ стремиться ввести эту форму въ свое отечество? Отсюда не очевидно ли дѣлается та вѣроятная важность, которую имѣетъ данный вопросъ? Вотъ почему всѣ болѣе или менѣе выдающіеся мыслители и ученые, занимавшіеся государственными вопросами, занимались въ частности и этимъ вопросомъ и оставили о немъ тѣ или другія мнѣнія. Хотя эти мнѣнія очень разнообразны, все-таки они могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ направленіямъ, которыя мы будемъ называть по ихъ способу воззрѣнія на формы—механическимъ и органическимъ.

Первое—механическое воззрѣніе смотритъ на политическія формы, какъ на дѣятельную причину народнаго развитія, независимо отъ всѣхъ другихъ условій.

Представители этого направленія считаютъ политическія формы произведеніемъ *сознательной* дѣятельности человѣка. Ихъ создаютъ люди такъ, какъ они создаютъ машины. И формы для народнаго развитія имѣютъ такое же значеніе, какое имѣютъ машины для развитія извѣстной промышленности: какъ машины производятъ тѣ или другія вещи, такъ и политическія формы производятъ тѣ или другія явленія народной жизни: гдѣ форма правленія хороша, тамъ и народное развитіе должно быть высоко, и наоборотъ, гдѣ политическая форма дурна, тамъ и народное развитіе должно быть низкое. И если бы кто захотѣлъ поднять его уровень, то стоило бы ему только переменить форму политическаго строя общества, и—народная жизнь тотчасъ же измѣнитъ свой характеръ, она быстро улучшится и скоро достигнетъ высокой степени развитія: вмѣсто жалкаго состоянія появится благосостояніе, вмѣсто невѣжества образованность и т. п.

Такимъ образомъ, по этому воззрѣнію, отношеніе между политическими формами и народнымъ развитіемъ есть отношеніе между причиною и слѣдствіемъ: форма есть причина, а степень народнаго развитія—ея слѣдствіе.

Исторія этого механическаго воззрѣнія очень длинна: начало ея нужно отнести къ самой глубокой древности, къ тому времени, когда поверхностные и протестующіе умы, безапелляціонно рѣшавшіе, что *primos deos fecit timor*, также догматически рѣшали и то, что первыхъ начальниковъ дѣлаетъ насилие и что, слѣдовательно, вообще всякая форма правленія, какъ выраженіе виѣшняго порядка, есть продуктъ насилія. Самыми крайними выразителями этого направленія въ древности были софисты: они прямо говорили, что государство есть зло, связывающее волю индивидуума и происходящее, или отъ грубой силы завоевателей, или отъ розни слабыхъ и трусливыхъ противъ притязательныхъ. У насъ крайнимъ выразителемъ этихъ взглядовъ надобно признать графа Л. Н. Толстого. Разумѣется, что изъ такого взгляда на происхожденіе государства не могло вытекать иного взгляда на политическія формы, кромѣ механическаго: если государства основываются виѣшнимъ путемъ, то естественно, что политическія формы, какъ способы проявленія государственной власти, тоже создаются произвольно и, какъ таковыя, очевидно, имѣютъ вредное значеніе сами по себѣ, являются причиной того или другого состоянія народа, независимо отъ другихъ условій. Вообще же про древнюю исторію нужно сказать, что древніе историки и ученые придавали слишкомъ большое значеніе государственнымъ учрежденіямъ. Въ подтвержденіе этого достаточно указать, во 1-хъ, на отца исторіи—Геродота, который всѣ успѣхи въ развитіи Аѳинскаго народа приписывалъ демократическимъ учрежденіямъ,—во 2-хъ, на Платона, который въ изображеніи своего идеальнаго государства приписывалъ политическимъ формамъ самое глубокое воспитательное значеніе.

Въ средніе вѣка на происхожденіе государственныхъ формъ смотрѣли также механически, хотя несравненно выше: государство признавалось божественнымъ учрежденіемъ, основаннымъ съ цѣлью доставить гражданамъ большія удобства совершать свой земной подвигъ, а чрезъ то достигать вѣчнаго идеала жизни—спасенія.

Итакъ, въ древніе и средніе вѣка вопросъ о происхожденіи государствъ рѣшали въ смыслѣ механическомъ: причиной этого служило малое развитіе критики политическихъ наукъ. Но даже и въ новые вѣка, когда началась критиче-

ская разработка исторіи, механическія воззрѣнія на политическія формы являлись преобладающими. Между представителями этихъ воззрѣній были такіе авторитеты, какъ Макиавелли, Монтескье и др.: даже такіе знаменитые историки, какъ Гердеръ и такіе извѣстные философы, какъ Кантъ, склонялись къ этому мнѣнію. По Макиавелли государство возникаетъ вслѣдствіе того, что самый храбрый, или самый мудрый избирается правителемъ. Монтескье былъ того мнѣнія, что при возобновленіи государства правители ихъ создаютъ учрежденія, вполнѣдствіи же самыя учрежденія образуютъ правителей. Гердеръ также раздѣлялъ это воззрѣніе, и по его мнѣнію государство есть искусственное, механическое, случайное изобрѣтеніе. Къ механическому же воззрѣнію относится взглядъ Руссо,—а за нимъ и Канта, указываетъ на происхожденіе государства—вслѣдствіе договора, вслѣдствіе того, что люди,—какъ говоритъ Руссо,—согласились ограничить свой произволъ съ тѣмъ, чтобы и другіе согласились сдѣлать это.

Изъ такого механическаго взгляда на происхожденіе государства само собою вытекалъ механическій взглядъ и на политическія формы: если люди путемъ договора основываютъ государство, то они тѣмъ же путемъ могутъ создать тотъ или другой родъ правленія: слѣдовательно, политическія формы являются произвольнымъ созданіемъ человека и, какъ таковыя, могутъ быть полезными и вредными, могутъ оказывать хорошее и дурное вліяніе на развитіе народа ¹⁾.

Хотя механическое воззрѣніе и прикрывалось именами знаменитыхъ ученыхъ и писателей и хотя оно имѣетъ за себя глубокую давность, однако оно слишкомъ отличается односторонностью, чтобы не вызвать противъ себя реакціи въ наукѣ. Реакція эта и проявилась въ возникновеніи органической теоріи происхожденія государственныхъ формъ.

¹⁾ Самыми крайними представителями механической теоріи являются не историки и не политики, а публицисты, каковы, напр., многіе русскіе публицисты 60-хъ годовъ, XIX столѣтія, писавшіе въ „Современникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и т. п. журналахъ, а также и современные общественные дѣятели нашихъ гнѣвыхъ партій, въ постепенной прогрессіи, начиная съ кадетъ и кончая социаль-революціонерами. Этихъ же воззрѣній, какъ мы замѣтили уже, держится и графъ Л. Н. Толстой.

Главныя основанія для этой теоріи дала идеалистическая философія и ея представители (напр., въ новое время Гегель, Милль и др.): они были главными представителями этой теоріи.

Органическая теорія смотритъ на политическія формы, какъ на естественный продуктъ народнаго развитія. Политическія формы являются не причиной народнаго развитія, а его выводомъ, показателемъ степени этого развитія. Государственныя формы не есть произвольное созданіе человѣка, онѣ растутъ и развиваются вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ его культуры. „Политическія формы,—говорятъ представители этого направленія,—не суть дома, которые строятъ плотники, нѣтъ, онѣ суть деревья, которыя сами собою растутъ¹⁾. Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, что политическія формы являются причиной народнаго развитія: наоборотъ, самъ политическій строй зависитъ отъ тѣхъ или другихъ возрѣвній народа, отъ степени его образованія, характера и направленія жизни. Если-же такъ,—то формы не могутъ быть предметомъ выбора: нельзя выбрать какую нибудь форму и строить по ней, какъ по опредѣленному плану, жизнь народа, не справляясь ни съ его прошлымъ, ни съ настоящимъ, ни съ его силами, склонностями, симпатіями и антипатіями, нравами и обычаями. Если мы что и можемъ сдѣлать для улучшенія народнои жизни, такъ это только лучше изучить народный характеръ, познакомиться съ нравами и обычаями народными, такъ или иначе приспособиться къ нимъ: а перемѣнить форму мы не можемъ, потому что то, что является естественнымъ продуктомъ жизни известнаго общества, его правовъ и обычаевъ, то нельзя перемѣнить, его можно только уничтожить съ самимъ обществомъ.

Итакъ вотъ двѣ главныхъ теоріи происхожденія и значенія политическихъ формъ.—Что намъ сказать объ ихъ сравнительномъ достоинствѣ? Теоріи эти далеко не одинаковаго достоинства: тогда какъ вторая изъ нихъ близко подходитъ къ истинѣ, первая очень далеко уклоняется отъ нея. На самомъ дѣлѣ, можетъ ли механическая теорія считаться состоятельной? Даже при самомъ бѣгломъ взглядѣ на нее, несостоятельность ея дѣлается очевидною. Безспорно, формы

¹⁾ Приведено у Д. С. Милля въ его „Размышленіяхъ о представительномъ правленіи“.

имѣютъ известное значеніе, но дѣлать отсюда такое заключеніе, что онѣ есть причина народнаго развитія, вѣ въ всякихъ условіяхъ—крайне односторонне. Такое воззрѣніе возможно только при механическомъ взглядѣ на человѣка, при отрицаніи въ немъ свободной воли.

Только при томъ воззрѣніи, что человѣкъ не имѣетъ способности самоопредѣленія, что онѣ дѣйствуетъ по необходимости, только и возможно приписывать такое значеніе политическимъ формамъ, какъ внѣшнимъ стимуламъ человѣческой дѣятельности. При условіи же признанія въ человѣкѣ свободной воли, подобное воззрѣніе на формы совершенно теряетъ свой смыслъ.

Для разъясненія полной несостоятельности механической теоріи, мы обратимся, прежде всего, къ анализу происхожденія политическихъ формъ.

Государственное устройство создается человѣкомъ не механически, не произвольно, но согласно съ внутренними стремленіями человѣческаго духа и примѣнительно къ современному состоянію общества. Въ созданіи политическихъ формъ участвуетъ не столько сознательный гений человѣчества, сколько инстинктивная потребность человѣческаго духа къ общенію съ подобными себѣ (человѣкъ по Аристотелю *ζῷον πολιτικόν*). Въ самомъ появленіи формъ можно замѣтить строгую постепенность, сообразную съ постепеннымъ развитіемъ человѣка.

Человѣкъ не сразу достигаетъ полнаго развитія; онѣ шагъ за шагомъ, со ступеньки на ступеньку, совершаетъ это развитіе; согласно съ этимъ ходомъ развиваются и политическія формы. Въ первоначальную эпоху исторической жизни, когда весь родъ человѣческій состоялъ изъ одной или нѣсколькихъ отдѣльныхъ семей, очевидно не могло быть никакого государственнаго устройства, кромѣ того, какое обуславливалось родственными отношеніями членовъ семьи. Отношенія же между членами семьи были самыя простыя, которыя вполнѣ могли существовать и безъ внѣшней организаціи.

Но вотъ съ теченіемъ времени родъ человѣческій все болѣе и болѣе увеличивается. Естественно, что прежній образъ жизни не можетъ продолжаться: являются новыя обязанности, новыя отношенія, часто между членами отдѣль-

ныхъ семей происходить недоразумѣнія, споры. Нужно ихъ рѣшить. Но сами спорящіе не могутъ ихъ рѣшить безпристрастно: нужно обратиться къ кому нибудь постороннему. Но къ кому болѣе обратиться, какъ не къ старшему въ родѣ, племени? Онъ, безъ сомнѣнія, въ силу своего старшинства, опытиѣ другихъ и скорѣе можетъ рѣшить спорное дѣло. И вотъ начинаютъ къ нему, старшему въ родѣ, обращаться за рѣшеніемъ всѣхъ тяжбъ, споровъ, недоумѣній. Такимъ образомъ мало-по-малу возникаетъ патріархальное государство, прототипъ государственныхъ формъ всѣхъ послѣдующихъ временъ.

Сущность этой формы состоитъ въ томъ, что нѣсколько человѣкъ, происшедшихъ отъ одного родоначальника, группируются около него. Безъ всякаго, заранѣе условленнаго, соглашенія, а единственно въ силу уваженія къ нему и родства съ нимъ, они подчиняются ему, прибѣгаютъ къ нему за помощью и совѣтомъ. Онъ же, съ своей стороны, какъ ихъ начальникъ, производитъ надъ ними судъ, наказываетъ ихъ, управляетъ ими въ мирное время, предводительствуетъ на войнѣ, и (иногда) исполняетъ обязанности священника. Основаніе всѣхъ этихъ преимуществъ родоначальника покоится не на юридическихъ опредѣленіяхъ, но на нравственной основѣ.

Положеніе главы этой формы государства есть положеніе главы семейства: лежащая на немъ обязанность и представляемая въ его распоряженіе средства — суть также обязанности и средства отца семейства. Такъ какъ отношенія между главой государства и членами его еще не довольно сложны, то никакихъ второстепенныхъ чиновниковъ въ этомъ государствѣ часто вовсе не бываетъ ¹⁾.

Таковы существенныя черты патріархальной формы государства. Главный характерный признакъ этой формы составляетъ несложность и простота отношеній. Но очевидно, что такая форма правленія долго удержаться не можетъ. Патріархальная форма могла имѣть свой смыслъ только тогда, когда отношенія между членами общины были еще малосложны и сама община была довольно ограничена, какъ

¹⁾ Робертъ Моль — „Энциклопедія государственныхъ наукъ“^d.
284 стр.

по количеству народонаселенія, такъ и по пространству территории.

Но вотъ, съ теченіемъ времени, народонаселеніе все болѣе и болѣе возрастаетъ: территория болѣе и болѣе расширяется. Не остается безъ перемѣны и самъ человекъ въ своей духовной сущности. И онъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивается: у него являюся все новыя и новыя потребности: жизнь расширяется: является сознаніе необходимости новой формы правленія. Патріархальная форма удовлетворять больше не можетъ! И вотъ появляются новыя формы правленія. Какимъ образомъ? Прежде всего дѣло будетъ зависеть отъ того, въ какомъ положеніи будетъ находиться высшій классъ патріархальнаго государства—начальники отдѣльныхъ семей. Здѣсь можетъ быть два случая: во 1-хъ, высшій классъ государства можетъ быть слишкомъ слабъ для того, чтобы отнять у верховнаго властителя государства часть его верховныхъ правъ,—а обстоятельства, подобныя тѣмъ, которыя указаны Боклемъ (въ его „Исторіи цивилизаціи Англіи“) для Индіи: дешевизна рабочихъ рукъ, чрезмѣрное накопленіе богатства въ рукахъ властителя и т. п. могутъ также содѣйствовать тому, чтобы еще болѣе усилить власть главы патріархальнаго государства: и вотъ плодомъ подобнаго сочетанія обстоятельствъ (слабости высшаго класса, чрезмѣрнаго накопленія богатствъ въ рукахъ властителя) является государство деспотическое, примѣры котораго мы видимъ на Востокѣ, (Китай, Персія, Индія и др.).

Но можетъ быть и иной ходъ дѣла: высшій классъ патріархальнаго государства можетъ имѣть большее значеніе; онъ можетъ быть богатъ и силенъ; тогда послѣдуетъ ограниченіе державныхъ правъ властителя патріархальнаго государства: царь поступаетъ своими правами въ пользу знатнѣйшихъ изъ своихъ подданныхъ; образуется ограниченная (высшимъ классомъ) монархія, подобная той, какую мы видимъ въ Греціи въ древнѣйшую эпоху ея исторіи. Но ходъ государственной жизни не останавливается и на этомъ: государственная жизнь можетъ привести къ тому, что власть перейдетъ къ среднему и низшему классамъ—къ народной массѣ; глава государства—царь—теряетъ свое значеніе и

даже самый постъ его (иногда) уничтожается: образуется республика.

Итакъ мы видимъ, что родъ политическихъ формъ зависитъ отъ измѣненія значенія классовъ народа.

Но чѣмъ обуславливается самое значеніе классовъ, какіе факторы способствуютъ измѣненію этого значенія, а черезъ то и измѣненію самихъ политическихъ формъ?—Главный, если не единственный изъ этихъ факторовъ, есть народное развитіе.—Само же народное развитіе, какъ извѣстно, сводится въ частности къ умственной, нравственной и экономической сторонѣ развитія. Дѣйствіе этихъ то частныхъ сторонъ цивилизаціи въ ихъ отношеніи къ перемѣнѣ значенія классовъ, мы и рассмотримъ теперь.

Изъ трехъ сторонъ цивилизаціи въ первое время исторической жизни народа преимущественно имѣютъ значеніе двѣ: экономическая и умственная. Эти же стороны цивилизаціи обуславливаются двумя элементами: собственностью и знаніемъ ¹⁾. Въ первое время исторической жизни народа собственностью обыкновенно обладаетъ или только одинъ человекъ, или небольшое количество лицъ, приближенныхъ къ главѣ государства. Но съ теченіемъ времени, съ развитіемъ цивилизаціи, собственность болѣе равномерно распределяется между массой. Это особенно бываетъ тамъ, гдѣ почва не отличается особеннымъ плодородіемъ и гдѣ рабочий трудъ потому дорогъ. Возвышается средній торгово-промышленный классъ; вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ улучшение классовъ земледѣльческаго и рабочаго.—Естественно, что прежній образъ правленія, когда вся власть сосредоточивалась въ рукахъ одного или немногихъ лицъ, уже не имѣетъ прежней силы и оправданія. Власть обыкновенно бываетъ принадлежностью того класса, который обладаетъ могуществомъ. Такимъ классомъ въ данную эпоху является средній классъ—торговопромышленный и земледѣльческій, подобно тому, какъ въ предшествующую эпоху такимъ классомъ являлся высшій.

Къ этому же (среднему) классу должна перейти и власть. Дѣйствительно, мы видимъ, что при новомъ порядкѣ вещей массы становятся могущественными, а отдѣльные лица уже

¹⁾ Д. С. Милль. Разсужденія и изслѣдованія, ч. 2 стр. 4.

ничего не могут стѣлать безъ ихъ содѣйствія. Верховная власть еще болѣе поступаетъ своими прерогативами въ пользу народа, такъ что уже собственно самъ народъ является главою государства: онъ завѣдуетъ главными отправлениями государственной жизни. Верховный же правитель является при этомъ примирителемъ разрозненныхъ партій, распорядителемъ и верховнымъ направителемъ всей жизни для достиженія возможнаго блага государства. Такое измѣненіе въ управленіи государственной жизни производитъ болѣею частію экономическое развитіе. Но къ этому же приводитъ и умственное развитіе общества.

Извѣстно, что общество не сразу достигаетъ высокаго умственнаго развитія: оно постепенно совершаетъ это развитіе. Въмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ совершенствуется и гражданское устройство общества. Полная политическая свобода возможна лишь для народа, стоящаго на высокой ступени образованія. Тамъ же, гдѣ этого нѣтъ, свобода обычно принадлежитъ только мыслящей, болѣе развитой части общества, высшимъ слоямъ его, которые возводятъ къ сознанию тѣ вопросы, которые массою чувствуются лишь бессознательно. Когда же образованіе проникнетъ въ массу и она начнетъ думать о государственныхъ дѣлахъ, когда у нея разовьется гражданскій смыслъ, когда она будетъ сознательно относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни,—тогда возможна свобода и для массы (*Чичеринъ*), и масса будетъ пользоваться ею съ пользою для себя. Но, разумѣется, опять таки свобода непріобрѣтается массою сразу во всей ея широтѣ; нѣтъ, отмѣненіе прежнихъ несвободныхъ учрежденій совершается постепенно, шагъ за шагомъ, такъ что каждая высшая ступень умственнаго развитія влечетъ за собою соответственное измѣненіе въ государственномъ управленіи. И нужно замѣтить, что это увеличеніе свободы съ увеличеніемъ образованія, вполнѣ естественно и объяснимо: когда общество разовьется, его уже невозможно держать въ положеніи раба, какъ то было возможно въ предъидущемъ фазисѣ его развитія,—необходимо измѣнить государственную форму правленія.

Итакъ формы правленія, наряду съ экономическимъ развитіемъ, обусловливаются и умственнымъ развитіемъ. Но это же можно сказать и про нравственное развитіе.

Не всякое общество по своимъ нравственнымъ качествамъ можетъ быть свободнымъ. Если въ обществѣ господствуетъ нерадѣніе, нравственная распущенность, равнодушіе къ общему дѣлу, предпочтеніе своихъ личныхъ интересовъ государственнымъ, то это общество не достойно свободы. Свободный гражданинъ долженъ умѣть предпочитать своимъ личнымъ интересамъ общіе интересы. Тогда только, когда все болѣе и болѣе въ обществѣ будетъ исчезать внутреннее разъединеніе и все болѣе и болѣе будутъ воспитываться такія качества, какъ энергія, самодѣятельность и т. п., тогда только будетъ возможна переменна политической формы. Итакъ мы видимъ, что переменна политическихъ формъ зависитъ отъ многихъ условій: умственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ.—Но кромѣ этихъ условій есть еще одно очень важное: это—фактъ народности.

Государственную форму нельзя разсматривать въ абстракціи: государственныя формы всегда являются въ связи съ той или другой народностью. На самомъ дѣлѣ, исторія не знаетъ, или вѣрнѣе не помнитъ того времени, когда все человѣчество составляло одинъ народъ. Нѣтъ, исторія имѣетъ дѣло уже съ выдѣлившимися изъ общей массы человѣчества націями. Каждый народъ является въ исторію уже какъ недѣлимое цѣлое, какъ „народность“,—съ опредѣленною физиономіею, опредѣленными предрасположеніями и склонностями,—вообще съ совокупностью тѣхъ чертъ и особенностей, которыя составляютъ отличительный признакъ одного народа въ сравненіи съ другимъ. Эти то индивидуальныя черты народа и опредѣляютъ заранее ходъ его исторіи.

Въ ряду этихъ склонностей (отчасти врожденныхъ, отчасти пріобрѣтенныхъ историческою жизнью) мы должны признать и предрасположеніе къ опредѣленнымъ политическимъ формамъ. На самомъ дѣлѣ, если можетъ быть предрасположеніе къ извѣстной религіозной формѣ предпочтительно передъ другими формами, то тѣмъ легче допустить предрасположеніе къ извѣстной политической формѣ, какъ наиболее соответствующей его психологическому состоянію. Исторія дѣйствительно доставляетъ намъ подтвержденіе этому предложенію. Въ жизни народовъ мы нерѣдко наблюдаемъ такое явленіе, что при одинаковыхъ условіяхъ развитія одинъ народъ вырабатываетъ одну форму, а другой на-

родъ совсѣмъ другую. Бываетъ и то, что одна и та же форма у одного народа производитъ благодѣтельныя послѣдствія, а у другого народа вредныя.—Отчего это?—Отъ того, что эта форма не любя послѣднему народу, не соотвѣтствуетъ его духовной сущности, его инстинктамъ. Одинъ народъ болѣе склоненъ вѣрить на слово, ему противны всякія формальныя ограниченія—и вотъ онъ вырабатываетъ форму, небогатую внѣшними опредѣленіями и оставляющую многое на „совѣсти“ властителей государства“.

Другой народъ, наоборотъ, требуетъ во всемъ внѣшнихъ юридическихъ опредѣленій и вотъ онъ, сообразно этому, вырабатываетъ форму, богатую самыми точными и частными постановленіями.

— Затѣмъ, исторія прямо представляетъ намъ не мало примѣровъ того, какъ нѣкоторые народы,—съ одной стороны, питали инстинктивное отвращеніе отъ однихъ формъ правленія (напр. древніе греки къ абсолютизму), а съ другой стороны, имѣли склонность къ другимъ формамъ (тѣ же греки, въ частности Аѣныяне, къ демократіи).

И мы видимъ не мало примѣровъ въ исторіи, какъ эти послѣдніе народы, не смотря на всѣ историческія невзгоды, оставались всегда вѣрны извѣстной формѣ правленія; всегда спасали ее и снова возстановляли, когда она, подъ давленіемъ этихъ невзгодъ, падала.

Этотъ фактъ мы никогда не поняли бы, если не признали бы, что этотъ народъ какъ бы инстинктивно считалъ эту форму лучшею и самою полезною для себя.

По отношенію къ нашей задачѣ все это даетъ намъ право сдѣлать тотъ выводъ, что политическія формы являются не только слѣдствіемъ одного народнаго развитія (понимая это развитіе въ смыслѣ опредѣленной степени культуры въ данную эпоху), но также и результатомъ врожденныхъ и приобретенныхъ историческою жизнью склонностей этого народа, поскольку эти склонности присущи народу, какъ отдѣльному цѣлому, и поскольку онѣ таятся въ глубинѣ его духовной сущности, независимо отъ степени культуры въ данную эпоху.

Если-же политическія формы находятся въ такой близкой зависимости отъ степени развитія народа и отъ характера этого послѣдняго, то отсюда слѣдуетъ прямой выводъ,

что политическія формы ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться чѣмъ то внѣшнимъ, имѣющимъ смыслъ сами по себѣ: этотъ же выводъ даетъ намъ право сказать, что, слѣдовательно, механическое воззрѣніе, которое считаетъ формы имѣющими смыслъ въ самихъ себѣ и чрезъ то служащими причиной народнаго развитія, — не можетъ считаться состоятельнымъ. Но кромѣ этого, несостоятельность механической теоріи дѣлается очевидною и изъ воззрѣнія ея на самый способъ дѣйствія политическихъ формъ. Извѣстно, что представители механической теоріи сравниваютъ дѣйствіе политическихъ формъ съ дѣйствіемъ внѣшнихъ механизмовъ, напр., машинъ. — Но аналогіи между дѣйствіемъ политическихъ формъ и машинъ быть не можетъ. Машина имѣетъ дѣло съ неодушевленными предметами, политическая же форма съ человѣкомъ, имѣющимъ свободную волю, поэтому дѣйствія той и другой далеко не аналогичны. Машину стоитъ только пустить въ ходъ и она станетъ отливать въ данную форму тотъ или другой матеріалъ безъ всякаго препятствія со стороны этого послѣдняго, какъ неодушевленнаго предмета. Другое дѣло съ политической формой и ея дѣйствіемъ. Объектъ, съ которымъ имѣетъ дѣло политическая форма, есть живое самоопредѣляющееся существо — человѣкъ. Онъ не пассивно относится къ формѣ, но активно: онъ можетъ подвергнуть ее критикѣ и не принять. Требуется соблюденіе многихъ условій для того, чтобы форма произвела благотворное дѣйствіе. Такъ, прежде всего, требуется, чтобы форма соотвѣтствовала уровню народнаго развитія, или только немногимъ была выше его; требуется и то, чтобы дѣйствіе постановленій и учрежденій ея вводилось въ жизнь народа постепенно. — „Очень важно, говоритъ Д. С. Милль, чтобы всѣ законы вообще не потрясали слишкомъ рѣзко прежде существовавшихъ обычаевъ и чувствъ народа; чтобы они не требовали и не ожидали отъ духа народа какихъ-либо особыхъ качествъ, какого-либо интереса или привязанности къ самимъ учрежденіямъ, если народъ по своему характеру и образованію не можетъ заключать ихъ въ себѣ. Вотъ двѣ скалы, о которыя разбиваются тѣ, кто, пользуясь временнымъ господствомъ, основываютъ учрежденія слишкомъ чуждыя, или слишкомъ уже опередившія духовное состояніе общества“¹⁾.

¹⁾ Д. С. Милль. Разсужденія и изслѣдованія. Ч. 2, стр. 176.

Если бы мы, говоритъ Милль въ другомъ мѣстѣ, привили малайцамъ политическія формы современной Англіи или Франціи, то, разумѣется, не получили бы отъ этого ничего хорошаго. Малайцы еще не доросли до этихъ формъ и поэтому послѣднія (благодѣтельные для народовъ цивилизованныхъ) не произвели бы у нихъ благихъ послѣдствій. Если бы мы навязали имъ (малайцамъ) эти формы насильно, то они, при первомъ же удобномъ случаѣ, сбросили ихъ, такъ какъ народъ представляетъ собою не механизмъ, а живой организмъ, который относится къ всему не пассивно, а активно, который можетъ не принять то, что ему не нравится. Исторія, дѣйствительно, показываетъ намъ много примѣровъ того, какъ часто, несмотря на всѣ успѣха реформаторовъ, народъ не принималъ известной формы, потому что она не подходила къ его характеру и развитію.

— Такъ, на примѣръ, всѣ старанія Карла Великаго ввести въ Саксоніи строго организованную систему правленія, вродѣ той, какая была во Франкской монархіи, не приводили ни къ чему, потому что саксонцы, гораздо позднѣе франковъ выступившіе на сцену исторической жизни, еще не были подготовлены къ принятію этихъ формъ.

Въ этой и многихъ подобныхъ странахъ новыя политическія формы не привились къ народу, не произвели на него благодѣтельнаго вліянія потому, что были чужды ему, не находили соотвѣтствія въ его вѣрованіяхъ, правахъ и обычаяхъ, и были преждевременны для него, такъ какъ не соотвѣтствовали степенямъ его цивилизаціи.— Прекрасно говорить объ этомъ отношеніи между цивилизаціею и государственною жизнью Робертъ Милль въ своей „энциклопедіи государственныхъ наукъ“, (въ началѣ отдѣла: объ отношеніи государственнаго устройства къ духовнымъ и матеріальнымъ условіямъ народа): „Право, говоритъ онъ, требуетъ, чтобы государственное устройство соотвѣтствовало народной цивилизаціи и жизненнымъ цѣлямъ народа, вытекающимъ изъ его цивилизаціи; кромѣ того, существованіе и преуспѣваніе всякаго государственнаго устройства зависитъ отъ многихъ другихъ духовныхъ и матеріальныхъ явленій. Слѣдовательно, выборъ государственнаго устройства ни въ какомъ случаѣ не есть безусловно свободный выборъ; и ошибка всегда скажется, но крайней мѣрѣ, малою

жизненностью ненормального порядка и легко можетъ сказаться даже полною неудачею и многими бѣдствіями“.

„Если въ дѣйствительности нѣтъ духовныхъ условій, необходимыхъ для извѣстнаго государственнаго устройства то старанія ввести такое государственное устройство могутъ повести только къ неудовольствію и вреду; въ случаѣ же, если бы удалось насильно навязать порядокъ, не соотвѣтствующій склонности и направленію народа, то въ результатѣ все-таки оказалось бы не что иное, какъ постоянное недовольство, а у сильныхъ и независимыхъ народовъ такое насиліе скоро вызвало бы возмущеніе, если не циспроверженіе аномального порядка. Государственное устройство при своемъ основаніи или исправленіи можетъ быть нѣсколько впереди относительно той фазы развитія, въ которой находится народъ, и, такимъ образомъ, постепенно увлекать за собою послѣдній; но уже зерно дальнѣйшаго развитія и средства постепеннаго усовершенствованія должны существовать съ самаго начала. Если же дѣйствительность, напротивъ, не представляетъ матеріальныхъ условій, необходимыхъ для извѣстнаго государственнаго устройства, то, въ такомъ случаѣ, даже государственный порядокъ, правильный по своей идее, т. е. самъ по себѣ годный для извѣстнаго народа, все-таки не можетъ быть введенъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть долгое время поддерживаемъ¹⁾“. Изъ этихъ словъ знатока государственныхъ наукъ видно, что не форма обуславливаетъ ту или другую степень народнаго развитія, но само это развитіе обуславливаетъ ту или другую форму, влияетъ на ея характеръ и поддерживаетъ ее.

Слѣдовательно, то мнѣніе, котораго держатся представители механической теоріи, полагая, что политическія формы сами по себѣ являются причиной народнаго развитія, несостоятельно.

Отсюда же слѣдуетъ и то, что сравнивать дѣйствіе политическихъ формъ съ дѣйствіемъ машинъ, изъ которыхъ одни могутъ быть лучше, другія хуже, и потому одни могутъ производить лучшія вещи, другія худшія, ни въ какомъ случаѣ нельзя, такъ какъ формы не машины и человѣкъ—не матеріаль, изъ котораго, что угодно можно дѣлать; онъ имѣетъ свободную волю и потому можетъ поступать,

¹⁾ Р. Моляль. Энциклопедія государственныхъ наукъ, стр. 477—8.

руководясь только своими личными внутренними мотивами, а не внешними побужденіями.

Но, признавая зависимость политическихъ формъ отъ народнаго развитія, мы все-таки должны замѣтить, что нельзя представлять дѣло такъ, что будто формы являются совершенно безсознательно, независимо отъ свободной воли человека, что онѣ есть,—какъ выражаются представители органической теоріи,—цвѣтокъ, выросшій на деревѣ народнои жизни.—Нѣтъ, и органическая теорія, хотя и не страдаетъ такими очевидными недостатками, какъ механическая, все-таки не можетъ быть признана вполне состоятельной.

Это—несостоятельность органической теоріи дѣлается очевидною и изъ ея психологическаго разбора, хотя бы и самаго бѣлаго.—„Формы суть безсознательный плодъ народнои жизни“, вотъ что говорятъ представители органической теоріи. Но можно ли это признать?—Но формы не могутъ вырабатываться сами собою, какъ плодъ народнаго развитія: развитіе только вліяетъ и обуславливаетъ собою появленіе тѣхъ или другихъ формъ; а форма, какъ и всякое произведеніе человеческое, создается отдѣльными людьми и создается сознательно; въ созданіи ея принимаютъ участіе разумъ человека и его свободная воля. И потому, какъ и всякое произведеніе *индивидуальнаго*¹⁾ творчества, политическія формы могутъ быть дурными и хорошими. И какъ созданія отдѣльныхъ личностей, онѣ могутъ опередить народное развитіе, могутъ быть выше его, а иногда даже могутъ отстать отъ него, быть ниже его. Поэтому принять безъ ограниченій мнѣніе органической теоріи, что формы служатъ полнымъ выраженіемъ народнаго развитія, нельзя: такъ какъ онѣ являются созданіемъ не столько цѣлаго общества, сколько отдѣльныхъ членовъ его, то онѣ и могутъ служить выраженіемъ развитія преимущественно этихъ отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлаго общества,

¹⁾ „Общество“,—говоритъ по этому поводу проф. Карвевъ (Основные вопросы философіи и исторіи ч. 2, стр. 82),—„не конкретное, а дискретное цѣлое; человекъ матеріально не связанъ съ другимъ человекомъ своею мыслью и дѣятельностью, онъ стремится пореботать цѣлое, къ которому принадлежитъ сообразно съ своими индивидуальными потребностями; превратить социальную машину, социальный организмъ въ произведеніе искусства, въ гармоническую систему, которая обезпечивала бы исполненіе законныхъ требованій его „я“, его духа, его разума“.

которое, какъ мы сейчасъ сказали можетъ быть выше и ниже его.

Но являясь полнымъ выраженіемъ развитія народа, формы по этому самому не могутъ считаться завершеніемъ этого развитія. Завершеніемъ народнаго развитія формы могли бы считаться только тогда, когда онѣ были бы конечною цѣлью развитія общества: но дѣло въ томъ, что политическія формы не цѣль, а только средства развитія, и потому онѣ не могутъ считаться вѣнцомъ, вѣнчающимъ все зданіе народной жизни: онѣ могутъ считаться только однимъ изъ основныхъ звеньевъ этого развитія, звеньевъ, или сообщающихъ зданію большую прочность, или ослабляющихъ его. Органическая теорія, признавая формы продуктомъ народной жизни, этимъ самымъ какъ бы отвергаетъ всякое значеніе ихъ.—Но можно ли это признать?—Нѣтъ, хотя изъ разбора механической теоріи и вытекаетъ невозможность признавать формы безусловной причиной развитія, однако это не даетъ намъ права отрицать всякое значеніе формъ.

Но такъ какъ человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ поступаетъ не по произволу, а руководствуется извѣстными побужденіями, такъ какъ вообще существуетъ фактъ мотиваціи человѣческихъ поступковъ, то отрицаніе значенія политическихъ формъ теряетъ весь свой смыслъ: формы имѣютъ значеніе постольку, поскольку онѣ могутъ служить поводами къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ человѣка. Въ этомъ случаѣ значеніе политическихъ формъ приравнивается къ вліянію внѣшнихъ условій: внѣшнія условія вліяютъ различнымъ образомъ, смотря по тому, на какой ступени развитія находится народъ.

Если онъ находится на низкой ступени, то внѣшнія условія вліяютъ болѣе; если на высокой,—то менѣе. Точно таково же вліяніе и политическихъ формъ: на низшей ступени народнаго развитія онѣ производятъ большее вліяніе, на высшей меньшее,—но самый фактъ ихъ вліянія остается неопровержимымъ. Но, признавая это вліяніе неоспоримымъ фактомъ, мы не должны представлять дѣло такъ, что формы оказываютъ вліяніе независимо отъ всякихъ условій народной жизни¹⁾.—Нѣтъ, разборъ механической теоріи намъ уже

¹⁾ Извѣстный философъ и юристъ Чичеринъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Если жизнь развивается, то никакія формы не могутъ

показалъ, что вліяніе и значеніе формъ обусловливается историческими условіями.

На самомъ дѣлѣ, хотя, напримѣръ, демократическая форма правленія, можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ представляется плодотворною для народнои жизни, однако, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы эта форма правленія могла имѣть вездѣ и всегда такое развивающее значеніе. Много зависитъ и отъ историческихъ условій. Демократическая форма имѣетъ свой смыслъ тамъ, гдѣ народная масса сравнительно болѣе развита, гдѣ государства и по территоріи, и по количеству населенія, небольшія, гдѣ потому всѣ граждане могутъ лично принимать участіе въ государственномъ управленіи: иначе все управленіе подпадетъ въ руки небольшой партіи лицъ, выдѣляющихся по своему значенію, и изъ демократическаго превратится въ олигархическое. И вообще нельзя сказать, чтобы одна и таже форма имѣла свой смыслъ на всѣхъ ступеняхъ развитія, или чтобы только нѣкоторыя формы имѣли значеніе.

Нѣтъ, „Исторія и жизнь“, говоритъ Чичеринъ, „признаютъ правомѣрность каждой формы правленія“¹⁾.

Поэтому сказать, что демократическая форма, полезная при однихъ условіяхъ, была бы вездѣ полезна и исключала возможность и разумность другихъ формъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя. Въ отношеніи государственнаго устройства не можетъ быть абсолютнаго единства. Абсолютная истина можетъ быть не въ человѣческихъ созданіяхъ, а только въ выщечеловѣческихъ, напр., религіи. Абсолютная форма никакъ немыслима въ политикѣ; никто, напр., не можетъ сказать, что всякая душа республиканка, или монархистка, въ томъ смыслѣ, что такова дѣлжна быть идеальная форма правленія, къ которой каждый человѣкъ чувствовалъ бы инстинктивное влеченіе. Нѣтъ, частныя политическія формы суть созданіе всецѣло человѣческое, условное; и въ силу этой условности онѣ представляютъ изъ себя не единство, но разнообразіе: формъ много и каждая изъ нихъ имѣетъ свое основаніе, свой *raison d'être* въ условіяхъ жизни народовъ. Такъ,

удержать государство отъ паденія. Греція служитъ самымъ нагляднымъ примѣромъ: древнія республики стали разлагаться и падать при господствѣ въ нихъ свободныхъ учреждений“.

¹⁾ Чичеринъ. „О народномъ представительствѣ“, стр. 31.

напримѣръ, монархическая форма правленія такъ же, какъ и демократическая, можетъ быть очень плодотворною для народнаго развитія, а при нѣкоторыхъ условіяхъ даже полезнѣе всѣхъ возможныхъ. Тамъ, гдѣ народонаселеніе очень велико и разноплеменно, гдѣ территорія обширна, гдѣ государство недавно основано ¹⁾, тамъ требуется единая воля для сообщенія государству единства, и, слѣдовательно, нужна монархическая форма правленія, такъ какъ только единая личность (монархъ), а не коллегія (какъ въ республикахъ) способна сообщить единство государственной жизни. Монархъ является связующимъ звеномъ для различныхъ народовъ, волею историческихъ судебъ принужденныхъ жить подъ одною государственною властью; онъ гораздо болѣе способенъ, чѣмъ коллегія, соединить ихъ воедино. Затѣмъ, онъ, какъ единая, живая личность, болѣе способенъ, чѣмъ какое нибудь коллективное учрежденіе, воплотить на себѣ всѣ политическія симпатіи и чаянія народа. На немъ средоточиваются всѣ идеалы народа, къ нему и его фамиліи приурочиваются историческія воспоминанія націи. Для каждаго народа дорога его исторія; милы и любезны воспоминанія о выдающихся событіяхъ ея. Эти же выдающіяся событія большею частью приурочиваются къ предкамъ монарха. Отъ уваженія къ славнымъ предкамъ монарха подданные переходятъ къ уваженію особы царствующаго правителя: царственный властитель является для народа не чужимъ, а своимъ роднымъ, связаннымъ—черезъ своихъ славныхъ предковъ—со всею предшествующею исторіею,—а черезъ то центральнымъ лицомъ народной жизни. Изъ всего этого развивается чувство лойяльности, преданности и вѣрности монарху. Эта лойяльность служить самой вѣрной гарантіею,—несравненно большею, чѣмъ всѣ юридическія опредѣленія,—честной службы отечеству и верховному правителю его. Слѣдовательно, имѣетъ свои преимущества и монархическая форма правленія и въ нѣкоторыхъ государствахъ она можетъ считаться самою подходящею и потому самою благодѣтельною формою правленія; все это опять даетъ намъ право сдѣлать такое заключеніе: сказать, что та или другая форма правле-

¹⁾ Общества новыя, говоритъ Чичеринъ, нуждаются въ единой; сильной власти, которая одна въ состояніи охранять у нихъ миръ и безопасность.

нія можетъ считаться самою лучшею и самою благодѣтельной для народнаго развитія, независимо отъ условій жизни народа,—нельзя. Политическая форма можетъ являться дѣятельною причиною развитія, можетъ оказывать на него вліяніе только при извѣстныхъ условіяхъ, хотя самый фактъ вліянія формъ остается, какъ мы выше замѣчали, неопровержимымъ.

Говоря выше о значеніи формъ, мы нигдѣ не дѣлали различія между положительнымъ и отрицательнымъ вліяніемъ ихъ: такъ какъ уясненіе этого различія можетъ нѣсколько послужить къ разъясненію нашей темы, то мы займемся, хотя бы немного.—имъ теперь.

Въ фактъ значенія политическихъ формъ, нужно строго различать положительное и отрицательное значеніе ихъ. Сравнивая эти два вида вліянія, можно вообще сказать, что отрицательное значеніе гораздо сильнѣе, важнѣе положительнаго. Значеніе формы—преимущественно въ томъ, чтобы дать просторъ развиваться человѣку, не убивая и не стѣсняя его силъ. Формы служатъ лишь внѣшнимъ огражденіемъ возможности развитія. Развитіе совершается собственно само собою, изъ присущихъ человѣческому духу способностей, только для большаго успѣха въ развитіи, для болѣе скорого хода его требуется соответствующая форма.

Такимъ образомъ, прежде всего и болѣе всего форма имѣетъ значеніе отрицательное, какъ условіе, *sine qua non* развитія. Если же политическая форма не только не задерживаетъ развитіе, но даже содѣйствуетъ ходу его впередъ, то тогда является положительное значеніе формы.

Но сколь велико это положительное значеніе? Въ силахъ ли одна форма двинуть развитіе впередъ? На это, на основаніи всего вышесказаннаго нами, нужно отвѣтить отрицательно: если нѣтъ задатковъ къ развитію, то этого форма сдѣлать не можетъ. Если же есть задатки, но развитіе ихъ задерживается формой, то перемѣна формы можетъ произвести благодѣтельное вліяніе. Въ этомъ случаѣ форму можно сравнить съ тою нулевою величиною, которая, сама по себѣ, не имѣетъ никакого значенія, но приставленная къ другимъ цифрамъ увеличиваетъ значеніе этихъ цифръ. Такъ и политическая форма—сама она, въ отвлеченіи отъ жизни народа, та же нулевая, мертвая величина; приставленная же

къ народу, оживотворенная его духомъ, она имѣетъ значеніе и можетъ способствовать болѣе успѣшному ходу исторической жизни народа. Но, разумѣется, что тотъ, кто хотѣлъ бы содѣйствовать прогрессу народа, долженъ бы заботиться не о формѣ, не о перемѣнѣ ея на лучшую, по его мнѣнію, но о развитіи народа въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ; измѣненіе же формы, если оно необходимо, произойдетъ уже само собою, вслѣдствіе развитія народа. Если же стали бы заботиться болѣе объ измѣненіи формъ, а къ развитію народа не приложили мѣръ, то могли бы получить въ результатъ то, что и измѣнивши форму, ни къ какимъ желаемымъ результатамъ не пришли бы, такъ какъ одна форма, какъ мы сказали, не можетъ еще создать народнаго благополучія. Само это измѣненіе было бы похоже на то, какъ будто мы нарядили народъ въ новую одежду, оставивши безъ перемѣны его духовную и тѣлесную сущность.

Итакъ, какое же мы можемъ дать заключеніе о нашемъ вопросѣ? Все вышензложенное: процессъ образованія политическихъ формъ, разборъ вліянія ихъ на народное развитіе, указаніе силы и степени этого вліянія, все это даетъ намъ право сказать, что отношеніе политическихъ формъ къ народному развитію есть отношеніе взаимодѣйствія: формы въ своемъ появленіи обусловливаются народнымъ развитіемъ, но въ то же время онѣ и сами оказываютъ вліяніе на это развитіе.

Политическія формы являются такимъ образомъ и причиной и слѣдствіемъ народнаго развитія,—или вѣрнѣе одною изъ причинъ и однимъ изъ слѣдствій развитія народовъ.

Александръ Никольскій.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

28 Февраля

№ 4

1910 года.

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1908—1909 учебный годъ.

I.

Епархіальныя извѣщенія.

I. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ Покровской церкви, слободы Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда, Петръ *Войтовъ*, опредѣленъ 10 февраля на священническое мѣсто при церкви слободы Верхней Покровки, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Заштатный священникъ Георгіевской церкви, слободы Бѣловода, Сумскаго уѣзда, Василій *Евсцкій*, опредѣленъ 12 февраля на священническое мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Коломака, Валковскаго уѣзда.

в) Діаконъ-псаломщикъ Николаевскій церкви, слободы Волкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Чебановъ*, опредѣленъ 9-го февраля на діаконское мѣсто при Троицкой церкви, слоб. Черниговки, Старобѣльскаго уѣзда.

г) Діаконъ-псаломщикъ Александро-Невской церкви, слоб. Ново-Славянска, Изюмскаго уѣзда, Сергій *Набоковъ*, опредѣленъ 14 февраля на діаконское мѣсто при Всѣхсвятской церкви, города Славянска, того же уѣзда.

д) Крестьянинъ Павелъ *Пидько* опредѣленъ 10 февраля и. д. псаломщика къ церкви слободы Гинѣвки, Зміевскаго уѣзда.

е) Бывшій псаломщикъ Ахтырскаго Покровскаго Собора Симеонъ *Полтавцевъ* опредѣленъ 12 февраля на псаломщицкое мѣсто при Преображенской церкви, города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

ж) Крестьянинъ Иванъ *Андренко* опредѣленъ 15 февраля и. д. псаломщика къ Николаевской церкви, слоб. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда.

з) Крестьянинъ Харитонъ *Власенко* опредѣленъ 15 февраля и. д. псаломщика къ Троицкой церкви, слоб. Бобрика, Лебединскаго уѣзда.

и) Крестьянинъ Николай *Отрощенко* опредѣленъ 19 февраля и. д. псаломщика къ церкви села Закотнаго, Старобѣльскаго уѣзда.

и) Народный учитель Ѳеодоръ *Стешенко* опредѣленъ 22 февраля и. д. псаломщика къ Николаевской церкви, слоб. Волкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Псаломщикъ Николаевской церкви, сл. Мурафы, Богодухов. уѣзда, Іуліанъ *Тазько*, перемѣщенъ 15 февраля къ Архангело-Михайловской церкви, той же слободы.

б) И. д. псаломщика Ахтырско-Богородичной церкви, слоб. Михайловки, Изюмскаго уѣзда, Григорій *Базиленко*, перемѣщенъ 17 февраля на псаломщицкое мѣсто при Сошествіевской церкви, села Пѣвнева, Старобѣльскаго уѣзда.

3) Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ церкви сл. Верхней Покровки, Старобѣл. уѣз. Данилъ *Ветуховъ*, уволенъ за штатъ, согласно прошенію, 7 февраля.

б) Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Гинѣвки, Зміевского уѣзда, Иванъ Ленеико, уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 10 февраля.

в) Псаломщикъ Троицкой церкви, слободы Бобрика, Лебединскаго уѣзда, Николай *Петрусенко* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 15 февраля.

г) Псаломщикъ Сошествіевской церкви, села Пѣвнева, Старобѣльскаго уѣзда Петръ *Полницкій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 17 февраля.

д) Псаломщикъ Успенской церкви, слободы Рублевки, Богодуховскаго уѣзда, Иванъ *Наумовъ*, уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 19 февраля.

е) Діаконъ-псаломщикъ Преображенской церкви, слоб. Закотной, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ *Оржельскій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 19 февраля.

4) О смерти духовенства.

а) Діаконъ Покровской церкви, слоб. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Пересыткинъ* умеръ 31 января.

б) Псаломщикъ Преображенской церкви, города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, Евгеній Ильишенко, умеръ 25 января.

5) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви села Влѣзюкъ, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 9 февраля старостою крестьянинъ Симеонъ *Влѣзюкъ*.

б) Къ кладбищенской Петро-Павловской церкви, города Сумъ, утвержденъ 9 февраля, старостою потомств. почетный гражданинъ Николай *Скубенко*.

в) Къ Покровской церкви, села Безмятежнаго, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 10 февраля старостою крест. Иванъ *Гетманъ*.

г) Къ церкви села Михайловки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 11 февраля старостою крестьянинъ Захарій *Цвиренко*.

д) Къ церкви села Алисовки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 11 февраля старостою крестьянинъ Петръ *Тарановъ*.

е) Къ Покровской церкви, села Ново-Покровскаго, Зміевского уѣзда, утвержденъ 14 фев. старостою крестьянинъ Кириль *Агарковъ*.

ж) Къ Покровской церкви, слоб. Коломійчихи, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 14 февраля старостою крестьян. Гавриль *Зубъ*.

з) Къ церкви слоб. Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 12 февраля старостою крестьянинъ Максимъ *Шарко*.

і) Къ Николаевской церкви, слоб. Новой Рябины, Богодухов. у., утвержденъ 12 февраля старостою крестьян. Аввакумъ *Малежикъ*.

и) Къ Александро-Невской церкви, слободы Песчаной, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 15 февраля старостою крестьянинъ Стефанъ *Стеблянка*.

6) Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.

а) И. д. псаломщика Преображенской церкви, слоб. Кабанья, Купянскаго уѣзда, Василій *Оворовъ*, утвержденъ 4 февраля въ должности псаломщика.

б) И. д. псаломщика Крестовоздвиженской церкви, слоб. Гончаровки, Купянскаго уѣзда, Иванъ *Ковалевъ*, утвержденъ 4 февраля въ должности псаломщика.

в) И. д. псаломщика Покровской церкви, сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Григорій *Великодный*, утвержденъ 15 февраля въ должности псаломщика.

г) И. д. псаломщика Покровской церкви, слоб. Рѣдкодуба, Изюмскаго уѣзда, Романъ *Дуривкинъ*, утвержденъ 15 февраля въ должности псаломщика.

7) О производствѣ въ чины.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 20 ноября 1909 г. за № 79 произведены за выслугу лѣтъ:

а) Надзиратель Сумскаго духовнаго училища *Тазаревъ* изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры со старшинствомъ съ 1 сентября 1909 года.

б) Надзиратель Харьковскаго духовнаго училища *Макаровскій* изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры со старшинствомъ съ 1 октября 1909 г.

в) Столоначальникъ Харьковской духовной Консисторіи Иванъ *Станиславскій* изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари со старшинствомъ съ 5 мая 1909 года.

г) Надзиратель Сумскаго духовнаго училища *Буликъ* утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря со старшинствомъ съ 1 сентября 1903 года.

8) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ церкви слоб. Ново-Илинское, Купянскаго уѣзда, Іоаннъ *Кологовскій*, утвержденъ 5 февраля въ должности законоучителя Мериносовскаго народнаго училища, Купянскаго уѣзда.

б) Священникъ слоб. Городища, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Рудневъ*, утвержденъ 6 февраля въ должности законоучителя мѣстнаго народнаго училища.

в) Священникъ слоб. Терновой, Волчанскаго уѣзда, Викторъ *Варибала*, утвержденъ 7 февраля законоучит. мѣстнаго народнаго училища.

9) Вакантныя мѣста:

а) *Діаконскія:*

При Троицкой церкви, слоб. Проруба, Сумск. уѣзда.

— Соборной Успенской церкви, города Богодухова.

— Покровской церкви, слоб. Бѣлолуцка, Старобѣльск. уѣзда.

— Покровской церкви, слободы Терновъ, Лебедин. уѣзда.

и б) *Псаломщицкія:*

При Успенской церкви, слоб. Рублевки, Богодуховскаго уѣзда.

— Успенской церкви, с. Чепиговки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Ахтырско-Богородичной церкви, сл. Михайловки, Изюм. у.

— Николаевской церкви, села Ново-Славянска, Изюмск. у.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1908—1909 учебный годъ.

Минувшій 1908—1909-й учебный годъ въ жизни Харьков. Епархіал. Женск. Училища былъ 55-мъ годомъ отъ основанія Училища и 41-мъ со времени преобразованія его (въ 1868 г.) изъ Училища двѣиць духовнаго званія въ Епархіальное Женское Училище.

I. Личный составъ служащихъ.

Къ началу и въ теченіе отчетнаго учебнаго года въ составѣ служащихъ при Училищѣ произошли слѣдующія перемѣны:

1) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта, отъ 1-го сентября 1908 г., утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ 5-го сентября за № 5846, преподаватель гражданской исторіи Алексѣй Фед. *Вертеловскій*, по причинѣ осложненія его занятій въ Харьк. Духовн. Семинаріи, согласно прошенію, уволенъ отъ службы при Училищѣ, съ преподаніемъ ему Архипастырскаго благословенія за его весьма продолжительную (30 лѣтнюю) и полезную педагогическую дѣятельность при училищѣ.

2) По тому-же журналу Совѣта, уроки по гражданской исторіи предоставлены помощнику инспектора Харьковской Духовн. Семинаріи Михаилу Ив. *Титову*, съ опредѣленіемъ его штатнымъ преподавателемъ училища.

3) По тому-же журналу Совѣта, учительница руководѣнія Ксенія Паршененко, согласно прошенію, уволена отъ должности и на мѣсто ея и другую свободную въ училищѣ должность учительницы руководѣнія допущены Марія *Вагина* и Анна *Эриксонъ*, состоявшія учительницами руководѣнія въ школахъ при народномъ домѣ города Харькова.

4) По журналу Совѣта, отъ 4-го сентября 1908 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 15 сентября за № 6111, учительница руководѣнія Софія Реутская, согласно прошенію, опредѣлена на должность младшей воспитательницы при Училищѣ, съ освобожденіемъ ея отъ должности учительницы руководѣнія.

5) По докладу Совѣта, отъ 9-го сентября 1908 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ того-же числа за № 5922, уроки по естествовѣдѣнію въ 7 кл. (3 ур.) предоставлены Виктору *Геркевичу*, окончившему естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета Харьковскаго университета и состоящему преподавателемъ естествовѣдѣнія въ реальномъ училищѣ.

6) По журналу Совѣта, отъ 5-го сентября 1908 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 10-го сент. за № 6013, согласно заявленію г-жи начальницы Училища, на должность воспитательницы при Училищѣ опредѣлена младшая воспитательница Ирина Алексѣевна *Шебатинская*, а къ и. д. помощницы воспитательницы допущена дѣвица Ольга Попова, окончившая курсъ въ 1905 г. въ Харьк. Епарх. Жен. Училищѣ.

7) По тому-же журналу, младшая воспитательница Татіана *Кіяновская*, согласно прошенію, уволена отъ занимаемой ею должности младшей воспитательницы и по журналу Совѣта, отъ 3-го октября 1908 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 7-го октября за № 6547, на вакантныя при Училищѣ должности помощницъ воспитательницъ опредѣлены дѣвицы Неонила Ивановна *Стефанова* и Антонина Константиновна *Щепинская*, окончившія курсъ въ Харьк. Епархіал. Училищѣ.

8) По тому-же журналу Совѣта, учительница руководѣлія Анна *Эрикссонъ*, согласно прошенію, уволена отъ должности учительницы, а вмѣсто ея опредѣлена Елена *Неретина*, окончившая курсъ въ Харьковск. Благотворительномъ Обществѣ.

9) По журналу Совѣта Училища, отъ 23-го октября 1908 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 25-го октября за № 6934, помощница надзирательницы училищной больницы Пелагія *Прокофьева*, согласно ея прошенію, уволена отъ должности, съ назначеніемъ ей пенсіи въ размѣрѣ 150 р. за 25-лѣтнюю службу при Училищѣ, а вмѣсто нея къ исполненію обязанностей помощницы надзирательницы больницы допущена фельдшерица—сестра милосердія Александра Клейнеръ.

Учитель музыки (игры на роялѣ) Николай Александровичъ *Орловскій*, служившій при училищѣ съ 28-го августа 1882 г., волею Божіею скончался.

10) По журналу Совѣта Училища, отъ 31-го октября 1908 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 13 ноября за № 7414, къ и. д. помощницы воспитательницы допущена вдова священника

Варвара *Бласова*, окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальн. Училищѣ.

11) По журналу Совѣта, отъ 19-го февраля 1909 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 24-го февраля, за № 1091, согласно прошенію, уволена младшая воспитательница Валентина *Николаевичъ*.

12) По журналу Совѣта, отъ 27-го мая 1909 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 5-го іюня за № 3135, преподаватель дидактики Николай Никол. *Страховъ*, вслѣдствіе назначенія его инспекторомъ Харьковск. Духовн. Семинаріи, оставилъ службу при Училищѣ съ выраженіемъ Архипастырской благодарности за многолѣтніе отлично-усердные труды его по преподаванію дидактики въ Училищѣ; вмѣсто него преподавателемъ означеннаго предмета, согласно прошенію, назначенъ преподаватель Семинаріи, статскій совѣтникъ, Владиміръ Александровичъ *Тихомировъ*.

13) По журналу Совѣта, отъ 25-го іюня 1909 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 30-го іюня за № 3956, женщина-врачъ при Училищѣ Елисавета Григорьевна *Самойленко*, согласно прошенію на имя Его Высокопреосвященства, уволена отъ должности врача при Училищѣ.

14) По журналу Совѣта Училища, отъ 19-го августа 1909 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 20-го авг. за № 5587, врачомъ Училища назначенъ статскій совѣтникъ, докторъ-медицины, Степанъ Николаевичъ *Совтшовъ*.

15) По журналу Совѣта, отъ 31-го августа 1909 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 9-го сентября за № 6112, учительница рукодѣлія Елена *Неретина*, согласно прошенію, уволена отъ должности учительницы.

16) Резолюціей Его Высокопреосвященства, послѣдовавшей 16 сентября сего 1909 г. на прошеніи Предсѣдателя Совѣта, протоіерея Іоанна Пичеты, протоіерей Іоаннъ *Пичета* уволенъ отъ должности Предсѣдателя Совѣта училища съ изъявленіемъ ему глубокой благодарности за труды по училищу; вмѣсто него Предсѣдателемъ Совѣта Училища назначенъ профессоръ Богословія Харьковского Университета, протоіерей Николай *Стеллецкій*.

Вслѣдствіе указанныхъ перемѣнъ къ концу отчетнаго года образовался слѣдующій составъ служащихъ въ Училищѣ лицъ:

Должности, имена и фамилии служащихъ въ училищѣ лицъ	Степень образования	Общая сумма жалованья въ годъ	Съ какого времени въ настоящей должности
А. Составъ Совѣта.			
1. Предсѣдатель Совѣта, профессоръ Богословія Харьков. Императорскаго Университета, протоіерей Николай Степановичъ <i>Стеллецкій</i> .	Магистръ Богословія.	300 руб.	Съ 15-го Сент. 1909 г.
2. Начальница училища, дворянка, дѣвица Евгенія Николаевна <i>Гейнцъ</i> .	Окончила курсъ въ Харьк. Инстит. Благородныхъ дѣвицъ.	Приказенной квартирѣ со столомъ 984 р. и 100 р. ежегодной награды, всего 1084 р.	Съ 1-го Авг. 1883 г.
3. Инспекторъ классовъ, протоіерей Іоаннъ Семеновичъ <i>Котовъ</i> .	Кандидатъ Богословія.	500 р. при казенной квартирѣ и 120 р. за священнослуженіе въ училищной церкви.	Съ 12-го Авг. 1898 г.
4. Старшая воспитательница училища, дѣвица Аполлинарія Павловна <i>Вышемирская</i> .	Окончила курсъ въ Харьк. Епарх. Женск. Учил.	282 р. и 60 р. добавочныхъ, всего 342 р. при казенной квартирѣ со столомъ.	Съ 19-го Авг. 1894 г.
5. Членъ Совѣта отъ духовенства, законоучитель Института Благородныхъ дѣвицъ, священ. Павелъ Степановичъ <i>Грома</i> .	Кандидатъ Богословія.	180 руб.	Съ 17-го Мая 1904 г.
6. Членъ Совѣта отъ духовенства, овящ. Харьк. Троицкой церкви, Павелъ Федоровичъ <i>Тимофеевъ</i> .	Окончила курсъ въ Духов. Семинаріи.	180 руб.	Съ 28-го Мая 1898 г.
7. Членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Харьковской Рождество-Вогородичной церкви Николай Ивановичъ <i>Динскій</i> .	Студентъ Семинаріи.	180 руб.	Съ 10-го Юня 1906 г.
8. Членъ Совѣта отъ преподавателей, онъ-же и казначей училища, Іоаннъ Васильевичъ <i>Петровский</i> .	Окончила курсъ въ Духовной Семинаріи.	240 руб.	Съ 25-го Юня 1891 г.
9. Попечительница училища, жена дѣйств. чл. сов. Дарія Діевна <i>Оболенская</i> .	—	—	Съ 22-го Января 1897 г.

Должности, имена и фамилии служащихъ въ Училищѣ лицъ	Степень образования	Общая сумма жалованья въ годъ	Съ какого времени въ настоящей должности
10. Почетный блюститель по хозяйственной части, потомст. почет. гражданинъ Николай Осиповичъ <i>Лещинскій</i> .			Съ 27-го Фев. 1897 г.
11. И. д. дѣлопроизводителя Свѣта. діаконъ Харьков. Кладбищ. Устѣн. церкви Теофанъ Дмитриевичъ <i>Чернявскій</i> .	Окончилъ курсъ въ Духовномъ Училищѣ.	600 руб.	Съ 18-го Дек. 1884 г.
12. Экономъ училища, діаконъ учащійся церкви Іоаннъ Петровичъ <i>Стеллецкій</i> .	Окончилъ Духовное Учил.	500 руб.	Съ 20-го Окт. 1886 г.

Должности, имена и фамилии служащихъ	Степень образования	Число уроковъ въ недѣлю	Плата за годовую урокъ	Общая сумма жалованья въ годъ	Съ какого времени въ настоящей должности
1. Закона Божія въ 4 норм., 5 норм., 5 пар., 6 норм., 6 пар. и 7 кл. протоіерей Іоаннъ Семеновичъ <i>Котловъ</i> .	Кандидатъ Богословія.	21	75 р.	1575 р.	Съ 12-го Августа 1898 г.
2. Того-же предмета въ 3 норм. 3 парал. классахъ протоіерей Харьков. Крестовоздв. церкви Николай Николаевичъ <i>Любарскій</i> .	Кандидатъ Богословія.	6	75 р.	450 р.	Съ 12-го Сентября 1896 г.
3. Того-же предмета въ 2 норм. и 2 парал. классахъ священникъ Харьк. Пересыльч. Тюремъ Іоаннъ Васильевичъ <i>Толмачевъ</i> .	Окончилъ курсъ Духовн. Семинаріи.	6	50 р.	300 р.	Съ 24-го Ноября 1899 г.
Того-же предмета въ 1 норм. и 1 парал. классахъ снщ. Харьков. Воскресенской церкви Іоаннъ Ксенофонтовичъ <i>Горайнъ</i> .	Студентъ Духовной Семинаріи.	6	50 р.	300 р.	Съ 24-го Ноября 1899 г.
5. Того-же предмета въ пригот. норм. и приг. парал. классахъ священникъ Павелъ Осодоровичъ <i>Тимощевъ</i> .	Окончилъ курсъ Духовн. Семинаріи.	6	50 р.	300 р.	Съ 11-го Августа 1894 г.

Должности, имена и фами- ли служащихъ	Степень образованія	Число урок. въ недѣлю	Плата за го- довой урокъ	Общая сумма жалованья въ годъ	Съ какого времени въ настоящей должности
6. Русскаго языка въ 5 норм. и 7 классахъ, преподаватель латинскаго языка въ Харьков. Духовной Семинаріи, статскій совѣтникъ, Николай Васильевичъ <i>Гогинъ</i> .	Кандидатъ Богословія.	7	75 р.	525 р.	Съ 14-го Октября 1887 г.
7. Того-же предмета въ 3 парал., 4 норм., 4 парал., 5 парал. и 6 парал. классахъ и церковно-славян. яз. въ 3 парал., 4 норм. и 4 парал. классахъ, статскій совѣтникъ, Михаилъ Андреевичъ <i>Кокоревъ</i> (штатный преподаватель училища).	Кандидатъ Богословія.	25	22 ур. по 75 р. и 3 ур. по 60 р.	1845 р.	Съ 26-го Августа 1888 г.
8. Того-же предмета въ 6 норм. кл., преподаватель Харьков. Духов. Семинаріи, надворный совѣтникъ, Павелъ Федоровичъ <i>Кратировъ</i> .	Кандидатъ Богословія.	4	75 р.	300 р.	Съ 22-го Ноября 1906 г.
9. Того-же предмета въ 1 норм., 2 норм. и 2 парал. классахъ дѣвица Надежда Ивановна <i>Попова</i> .	Окончила курсъ въ Харьк. Епарх. Женск. училищѣ.	16	50 р.	800 р.	Съ 21-го Сентября 1907 г.
10. Того-же предмета въ 3 норм. классахъ и ариметикѣ въ 1 норм., 1 парал., 2 норм., 2 парал., 3 норм. и 3 парал. классахъ, вдова лаборанта Император. Харьков. Унив., Марія Дмитриевна <i>Дмитріева</i> .	Окончила курсъ въ Харьк. Епарх. Женск. училищѣ.	23	50 р.	1150 р.	Съ 12-го Сентября 1896 г.
11. Того-же предмета въ пригот. норм. кл. и въ 1-мъ парал., ариметики въ приг. норм. кл. и церковнаго пѣнія въ семь классовъ, дѣвица Таясія Андреевна <i>Щелкунова</i> .	Окончила курсъ въ жен. гимназ. съ званіемъ домашней учительницы.	20	За 2 ур. пѣнія по 25 р. и по 35 р. остальн.	680 р.	Съ 8-го Августа 1890 г.
12. Того-же предмета въ пригот. классѣ, воспитательница сего класса Анна Гавриловна <i>Троицкая</i> .	Окончила курсъ въ Харьк. Епарх. учил.	10	35 р.	350 р.	Съ 1-го Сентября 1908 г.
13. Ариметики въ 4 норм. кл., алгебры, физики и геометріи въ 5 норм., въ 6 норм. и въ 7 кл., уроки алгебры и методики ариметики, статскій совѣтникъ, Яковъ Михайловичъ <i>Колосовскій</i> (штатный преподаватель училища).	Кандидатъ Университета.	20	75 р.	1500 р.	Съ 11-го Августа 1887 г.

Должности, имена и фамилии служащих	Степень образования	Число уроков въ недѣлю	Плата за годовую урокъ	Общая сумма жалованья въ годъ	Съ какого времени въ настоящей должности
14. Арифметики въ 4 парал. кл., физики, алгебры и геометрии въ 5 парал. и 6 парал. классахъ и физики въ 7 кл., статскій совѣтникъ, Василій Николаевичъ <i>Моценко</i> (штатный преподаватель училища).	Кандидатъ Университета.	19	75 р.	1425 р.	Съ 18-го Октября 1889 г.
15. Географіи въ 4 парал. и 4 норм., 5 парал., 6 норм. и 6 парал. кл., священникъ Харьк. Каедр. Собора Василій Николаевичъ <i>Яновскій</i> .	Кандидатъ Богословія.	11	75 р.	825 р.	Съ 15-го Сентября 1902 г.
16. Географіи въ 3 норм., 3 пар. и 5 норм. кл. и гражданской исторіи въ 5 норм., 6 норм., 6 парал. и въ 7 кл., статскій совѣтникъ, Евгенийъ Пареніевичъ <i>Трифилевъ</i> (штатный преподаватель училища).	Магистръ Университета.	19	75 р.	1425 р.	Съ 6-го Сентября 1893 г.
17. Географіи въ 2 норм. и 2 парал. кл., арифметики и чистописанія въ подготов. кл., 3 норм. и 3 парал. кл. Елисавета Андреевна <i>Курасовская</i> .	Окончила курсъ въ Харьк. Епарх. учил.	12	Уроки геогр. по 50 р., арифметики по 35 р., и чистопис. по 40 р.	500 р.	Съ 5-го Сентября 1906 г.
18. Гражданской исторіи въ 2 норм., 2 парал., 3 норм., 3 парал., 4 норм., 4 парал. и 5 норм. кл. Михайлъ Ивановичъ <i>Титовъ</i> .	Кандидатъ Богословія.	16		Во 2 и 3 кл. по 60 р. урокъ и по 75 р. остальн.	1080 р.
19. Дидактики въ обоихъ отдѣленіяхъ 5 и 6 кл., преподаватель философіи и педагогики въ Харьков. Духов. Семинаріи, статскій совѣтникъ, Владиміръ Александровичъ <i>Тихомировъ</i> .	Кандидатъ Богословія.	8	75 р.	600 р.	Съ 5-го Іюня 1909 г.
20. Природовѣдѣнія въ 4 норм., 4 парал., 5 норм. и 5 парал. кл. и гигиены въ 7 кл., женщина-врачъ училища, Елисавета Григорьевна <i>Самойленко</i> .	Женщина-врачъ.	12	10 ур. природ. по 60 р. и 2 ур. гигиены по 75 р.	750 р.	Съ 1-го Ноября 1907 г.
21. Естествовѣдѣнія въ 7 кл. Викторъ Евгениевичъ <i>Геркевичъ</i> .	Кандидатъ Университета.	2	75 р.	225 р.	Съ 9-го Сентября 1908 г.

Должности, имена и фамилии служащихъ	Степень образования	Число уроковъ въ недѣлю	Плата за годовую урокъ	Общая сумма жалованья въ годъ	Съ какого времени въ настоящей должности
22. Педагогической психологiи въ 7 кл., преподаватель Харьков. Дух. Семинарiи, надворный совѣтникъ, Сергѣй Ивановичъ <i>Чистосердовъ</i> .	Кандидатъ Богословiи.	3	75 р.	225 р.	Съ 10-го Сентября 1904 г.
23. Рисованiя и черченiя во всѣхъ классахъ училища, учитель рисованiя Харьков. ремесленного Общества, Самсонъ Ивановичъ <i>Бобовъ</i> .	Ученый рисовальщикъ.	14	40 р.	560 р.	Съ 21-го Сентября 1907 г.
24. Церковнаго пѣнiя во всѣхъ классахъ училища, священ. Іоаннъ Васильевичъ <i>Петровский</i> .	Имѣеть свидѣтельство 3 разряда отъ Придворн. канцелярiи.	26	24 ур. по 40 р. и 2 ур. въ 7 кл. по 50 р.	1060 р.	Съ 18-го Октября 1893 г.
25. Чистописанiя въ 1 норм., 1 парал., 2 норм. и 2 парал. кл. дѣвiца Екатерина Александровна <i>Ергольская</i> .	Окончила курсъ гимназiи.	x	40 р.	320 р.	Съ 12-го Августа 1898 г.
26. Учительница рукодѣлiи, она же и писмоводитель Совѣта, вдова священника Анастасiя Гавриловна <i>Донгина</i> .	Окончила курсъ въ Енар. училищѣ.		222 р. при казенной квартирѣ со столомъ и 120 руб. за писмоводет. — всего 342 руб.		Съ 15-го Сентября 1902 г.
27. Учительница рукодѣлiи дѣвiца Марiя <i>Вагина</i> .	—		Каждая при казенной квартирѣ со столомъ получала жалованья 222 руб. въ годъ.		Съ 5-го Сентября 1908 г.
28. Учительница рукодѣлiи дѣвiца Елена <i>Черетина</i> .	Окончила курсъ Харьков. Благот. Общества.				Съ 7-го Октября 1908 г.
В. Учители и учительницы обязательныхъ предметовъ.					
1. Учительница французскаго языка во всѣхъ классахъ училища, французская гражданка Маргарита Георгиевна <i>Морло</i> .	Имѣеть званiе домашней учительницы по франц. языку.	21	50 р.	1050 р.	Съ 10-го Декабря 1905 г.

Должности, имена и фами- ліи служащихъ	Степень образованія	Общая сумма жалованья въ годъ	Съ какого времени въ настоящей должности
2. Учительница музыки (на ро- яли) Варвара Петровна <i>Эвар- ницкая.</i>	Окончила курсъ въ частн. пансіонѣ.		Съ 28-го Авг. 1882 г.
3. Учительница музыки (на ро- яли) Θεодосія Васильевна <i>Тяйн- веберъ.</i>	Окончила курсъ въ музык. учил. съ аттест. 1-й степени.		Съ 27-го Авг. 1893 г.
4. Учительница музыки (на ро- яли) дѣвица Неоніла Васильевна <i>Михайлова.</i>	Окончила курсъ гимна- зіи.		Съ 23-го Сент. 1892 г.
5. Учительница музыки (на ро- яли) вдова коллеж. регистратора Марія Павловна <i>Истремская.</i>	Окончила курсъ въ Харьк. музык. учил. съ аттестат. 2-й степени.		Съ 29-го Сент. 1894 г.
6. Учительница музыки (на ро- яли) Ольга Васильевна <i>Андреева.</i>	Окончили курсъ музык. учил. съ атте- статомъ 1-й степени.		Съ 23-го Сент. 1895 г.
7. Учительница музыки (на ро- яли) дѣвица Елена Александровна <i>Сусина.</i>	Окончили курсъ въ Хар- музык. учил. съ аттестат. 2-й степени.		Съ 23-го Сент. 1895 г.
8. Учительница музыки (на ро- яли) жена надворнаго совѣтника, Александра Евяиенна <i>Истрем- ская.</i>	Окончили курсъ въ Хар- музык. учил. съ аттестат. 2-й степени.		Съ 25-го Сент. 1903 г.
9. Учительница музыки (на ро- яли) Евгенія Анохлоновна <i>Крыи- таровичъ.</i>	Обучался въ Консерваторіи.	450 руб.	Съ 28-го Окт. 1891 г.
10. Учитель иконописанія Алек- сандръ Пантелеймоновичъ <i>Ком- натскій.</i>	Художникъ иконопис. жи- вопис.	180 руб.	Съ 28-го Авг. 1899 г.
Г. Старшія воспитательницы.			
1. Въ приготовительномъ норм. классѣ дѣвица Анна Гавриловна <i>Троицкая.</i>	Окончила курсъ въ Хар- Епарх. Женск. училищѣ.	Приказенной квар- тирѣ со столомъ получала 282 р. и 30 р. ежегодной награды.	Съ 10-го Авг. 1884 г.

Каждая получала по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы.

Должности, имена и фамилии служащихъ	Степень образования	Общая сумма жалованья въ годъ	Съ какого времени въ настоящей должности
2. Въ подготов. парал. классѣ дѣвица Ольга Федоровна <i>Вертеловская</i> .	Окончила курсъ въ Харьк. Епарх. Женск. училищѣ.	Приказенной квартирѣ со столомъ получала 282 р. и 30 р. ежегодной награды.	Съ 6-го Сент. 1890 г.
3. Въ 1 норм. классѣ дѣвица Серафима Ивановна <i>Пономарева</i> .	Окончила курсъ въ Харьк. Епарх. Женск. училищѣ съ званіемъ домашней учительницы.	Блуждая при казенной квартирѣ со столомъ получала 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды.	Съ 20-го Авг. 1893 г.
4. Въ 1 парал. классѣ дѣвица Марія Яковлевна <i>Павлова</i> .			Съ 17-го Авг. 1895 г.
5. Во 2-мъ нормал. классѣ дѣвица Клавдія Михайловна <i>Воскобойникова</i> .			Съ 25-го Окт. 1899 г.
6. Во 2-мъ парал. классѣ вдова священника Анастасія Васильевна <i>Фаворова</i> .			Съ 19-го Сент. 1906 г.
7. Въ 3-мъ нормал. классѣ дѣвица Анастасія Яковлевна <i>Павлова</i> .			Съ 6-го Сент. 1893 г.
8. Въ 3-мъ парал. классѣ дѣвица Аполлинарія Павловна <i>Вышемирская</i> .			Съ 19-го Авг. 1894 г.
9. Въ 4-мъ норм. классѣ дѣвица Александра Ивановна <i>Левандовская</i> .			Съ 7-го Февр. 1885 г.
10. Въ 4-мъ парал. классѣ дѣвица Зинаида Михайловна <i>Иннокова</i> .			Съ 8-го Окт. 1896 г.
11. Въ 5-мъ норм. классѣ дѣвица Серафима Андреевна <i>Пономарева</i> .			Съ 11-го Авг. 1897 г.
12. Въ 5-мъ парал. классѣ дѣвица Ирина Алексѣевна <i>Шебатинская</i> .			Съ 7-го Сент. 1898 г.
13. Въ 6-мъ норм. классѣ дѣвица Александра Алексѣевна <i>Грекова</i> .			Съ 7-го Сент. 1898 г.
14. Въ 6-мъ норм. классѣ дѣвица Надежда Петровна <i>Согина</i> .			Съ 26-го Февр. 1903 г.
15. Въ 7-мъ педагогическомъ классѣ дѣвица Александра Ильинишна <i>Энеидова</i> .			Съ 22-го Сент. 1900 г.

Должности, имена и фамиліи служащихъ	Степень образованія	Общая сумма жалованья въ годъ	Съ какого времени въ настоящей должности
Д. Младшія воспитательницы.			
1. Въ приготов. норм. классѣ дѣвица Ольга Ивановна <i>Попова</i> .	Окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы.	Каждая при казенной квартирѣ со столомъ получала 150 руб. и 25 руб. ежегодной награды.	Съ 10-го Сент. 1909 г.
2. Въ приготов. парал. классѣ дѣвица Софія Павловна <i>Реутская</i> .			Съ 28-го Окт. 1904 г.
3. Въ 1-мъ норм. классѣ дѣвица Антонина Константиновна <i>Щепинская</i> .			Съ 7-го Окт. 1908 г.
4. Въ 1-мъ парал. классѣ дѣвица Любовь Дмитриевна <i>Космина</i> .			Съ 18-го Сент. 1907 г.
5. Во 2-мъ норм. классѣ дѣвица Валентина Николаевна <i>Коваленко</i> .			Съ 12-го Окт. 1907 г.
6. Во 2-мъ парал. классѣ дѣвица Александра Васильевна <i>Гидская</i> .			Съ 3-го Сент. 1907 г.
7. Въ 3-мъ норм. классѣ дѣвица Анна Петровна <i>Логвинова</i> .			Съ 3-го Сент. 1907 г.
8. Въ 4-мъ норм. классѣ дѣвица Екатерина Авксентьевна <i>Клементьева</i> .			Съ 28-го Окт. 1904 г.
9. Въ 4-мъ парал. классѣ, вдова священника Варвара Григорьевна <i>Власова</i> .			Съ 13-го Нояб. 1908 г.
10. Въ 5-мъ норм. классѣ дѣвица Анна Васильевна <i>Капустинская</i> .			Съ 29-го Сент. 1901 г.
11. Въ 5-мъ парал. классѣ дѣвица Неонила Ивановна <i>Стефанова</i> .			Съ 7-го Окт. 1908 г.
12. Въ 6-мъ норм. классѣ дѣвица Марія Ивановна <i>Малижесковская</i> .			Съ 19-го Сент. 1906 г.

Должности, имена и фамилии служащихъ	Степень образования	Общая сумма жалованья въ годъ	Съ какого времени въ настоящей должности
13. Въ 6-мъ парал. классѣ дѣвица Анна Васильевна <i>Каланикова</i> .	Окончили курсъ въ Хар. Епарх. Жен. учил. съ званіемъ домашней учительницы.	Каждая при казенной квартирѣ со столомъ получала 180 руб. и 25 руб. ежегодной награды.	Съ 24-го Сент. 1902 г. Съ 28-го Окт. 1901 г.
Другія служащія въ училищѣ лица.			
1. Завѣдующая фундаментальною, ученическою и музыкальною училищною библіотекою, учебниками и учебными принадлежностями Антолина Андреевна <i>Чудновская</i> .	Окончила Епархіальное училище.	При казенной квартирѣ со столомъ 180 р. въ годъ.	Съ 28-го Сент. 1905 г.
2. Врачъ училища, статскій совѣтникъ, Степанъ Николаевичъ <i>Совитовъ</i> .	Докторъ медицины.	600 руб.	Съ 20-го Авг. 1909 г.
3. Зубной врачъ Лидія Степановна <i>Тимченко</i> .	Имѣетъ званіе зубного врача.	120 руб.	Съ 12-го Нояб. 1905 г.
4. Больничная надзирательница Платонида Петровна <i>Щербина</i> .	Имѣетъ свидѣтельст. фельдшерницы.	243 р. при казенной квартирѣ со столомъ.	Съ 22-го Сент. 1900 г.
5. Помощница больничной надзирательницы, фельдшерница сестра милосердія Александра Яковлевна <i>Клейнеръ</i> .	Имѣетъ званіе фельдшерницы.	180 руб.	Съ 25-го Окт. 1908 г.
6. Помощница больничной надзирательницы Густинія Ивановна <i>Мельникова</i> .	Имѣетъ аттестатъ Общины Краснаго Креста.	При столѣ и квартирѣ 150 р.	Съ 5-го Сент. 1906 г.

Примѣчаніе. Кроме вышепоименованныхъ лицъ, при училищѣ состояли еще: а) *кастеляница*, завѣдывавшая бѣльемъ и одеждою воспитанницъ и б) *ключница*, завѣдывавшая столовою и буфетомъ.

Такимъ образомъ, наличный училищный служебный персоналъ въ концѣ отчетнаго года состоялъ изъ 80 лицъ.

Учебный персоналъ состоялъ изъ 20 преподавателей и 19 учительницъ, 15 старшихъ воспитательницъ и 14 младшихъ воспитательницъ.

(Продолженіе будетъ).

II.

Содержаніе. Протоіерей Василій Дмитріевичъ Разумовскій. (Окончаніе). *Н. Соловьева.*—Миссіонерскій листокъ. I. Выписка изъ отчета о дѣятельности Основянскаго миссіонерскаго кружка ревнителей Православія за 1909 годъ. *В. Ч.*—II. Съѣздъ духовенства четырехъ благочинническихъ округовъ Харьковской епархіи. *Помощника мисс. священ. Теодора Сулимы.*—Епархіальная хроника. Прощаніе духовенства Харьковской епархіи съ митрофорнымъ протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ. Юбилей 25-лѣтняго служенія въ священномъ санѣ священника А. П. Пономарева. (Окончаніе).—† Памяти почившаго Харьковскаго епархіальнаго миссіонера Василя Авакумовича Черкесова. —Иноепархіальный отдѣлъ.—О прославленіи Святителя Іоасафа (Горленко).—Ходатайство Митрополита Флавіана Разныя извѣстія и замѣтки.—Комета Галлея.—Объявленія.

Протоіерей Димитрій Васильевичъ Разумовскій.

(Къ 20-лѣтію со дня его кончины).

(Окончаніе *).

Въ своихъ научныхъ работахъ протоіерей Д. В. Разумовскій встрѣтилъ большую поддержку въ лицѣ музыкально образованныхъ людей своего времени: В. В. Стасова, который передалъ собранныя имъ матеріалы по исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи о. Разумовскому, кн. В. Ѡ. Одоевскаго, Н. М. Потулова и нѣкоторыхъ другихъ. „Всѣмъ памятенъ тотъ годъ, говоритъ Безсоповъ, когда въ приходской церкви протоіерея Разумовскаго, съ благословенія Митрополита Филарета и, прибавимъ, съ одобренія присутствовавшаго кн. Одоевскаго, хоромъ Суподальныхъ московскихъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ Потулова, исполнены были пѣснопѣнія въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ церковныхъ службъ, предъ многочисленными и умиленными слушателями. То были пѣснопѣнія собственно тѣ же, какія мы читаемъ въ изданіи Синода, но въ ихъ исполненіи мы съ отраднымъ изумленіемъ встрѣчали уже сочетавшіеся духъ отдаленной древности съ условіями текущей нашей минуты. Образцы эти оцѣнили и умъ почившаго Московскаго Іерарха въ его

*) См. ж. „В. и Р.“, отд. Извѣстій и Замѣтокъ № 3 за 1910 г.

домовой церкви, православное чувство встрѣчало ихъ неподдѣльными слезами самого простонародья при повтореніи въ Успенскомъ Соборѣ. Поэтому можно сказать: Филаретъ благословилъ, Одоевскій напутствовалъ, Разумовскій ввелъ насъ въ науку, а Потуловъ продолжалъ руководить на пути исполнительнаго искусства“.

Замѣчательные труды по исторіи церковнаго пѣнія и дѣятельность протоіерея Д. В. Разумовскаго не остались незамѣченными и высшей духовной школой. Московская Духовная Академія въ 1887 г. избрала и на актѣ 1-го октября торжественно провозгласила его своимъ почетнымъ членомъ.

Своими обширными познаніями въ области исторіи церковнаго пѣнія Д. В. Разумовскій любезно дѣлился со всѣми, кто интересовался этими вопросами. Такъ С. В. Смоленскій свидѣтельствовалъ, что ему о. Разумовскій оказывалъ „всевозможное вниманіе и содѣйствіе при всякомъ случаѣ въ видѣ совѣта, указанія, одобренія, справки и выписки изъ десятковъ источниковъ, даже выдачи драгоценныхъ рукописей и пересылки ихъ въ Казань“¹⁾.

Написать первую исторію церковнаго пѣнія и не сдѣлать ошибокъ и промаховъ было бы чудомъ. Поэтому и не удивительно, что и въ замѣчательномъ трудѣ Д. В. Разумовскаго: „Церковное пѣніе въ Россіи“ нашлись нѣкоторыя неточности, которыя и были усмотрены критикой. Но въ общемъ всѣ отзывы о произведеніи о. Разумовскаго были для него благопріятны²⁾. „Трактатъ отца Разумовскаго,—писалъ Маронъ,—носитъ на себѣ всѣ признаки добросовѣстнѣйшей ученой работы“. Нѣкоторыя изъ положеній Д. В. Разумовскаго впрочемъ современнымъ были отвергнуты наукой. Такъ, на примѣръ, по вопросу о техническомъ устройствѣ нашего осмогласія современные историки церковнаго пѣнія уже расходятся съ о. Разумовскимъ.

По мнѣнію Д. В.—ча все наше осмогласіе основано на диатонической лѣстницѣ древне-византійскаго церковнаго пѣнія и наши гласы есть нечто иное, какъ древне-греческіе лады. Все различіе нашихъ гласовъ зиждется на основаніи вращенія гласовой мелодіи въ предѣлахъ какого-либо тетра хорда или той или другой звуковой области. Въ каж-

¹⁾ Душенол. Чт. 1890 г. № 1, 129 стр.

²⁾ Русскій Вѣстн. 1869 г. окт. Музыка и Театръ 1867 г. № 15.

домъ гласѣ есть какой-либо преобладающій—господствующій звукъ. Звукъ этотъ, повторяясь чаще другихъ, представляетъ собою какъ бы центръ, около котораго вращаются всѣ остальные звуки данной мелодіи. вмѣстѣ съ начальными и конечными звуками, также являющимися характерными для гласа, господствующій звукъ служитъ главной примѣтой гласа. Поэтому вся характеристика гласовъ, у о. Разумовскаго, сводилась къ механическому отыскиванію лишь звуковъ начальныхъ, господствующихъ и конечныхъ.

Подобное объясненіе происхожденія нашихъ гласовъ способно возбудить нѣкоторыя недоумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ: почему въ теоретическихъ сочиненіяхъ по древне-церковному пѣнію, напр., въ „Азбукѣ“ Мезенца не видно никакихъ указаній ни на византійскіе лады, ни на тетрахорды? и былъ-ли въ состояніи малоопытный русскій пѣвецъ древнихъ временъ, вѣроятно, и не догадывавшійся о тоновыхъ отношеніяхъ разныхъ гласовыхъ гаммъ, овладѣть сложной системой греческаго осмогласія и примѣнять ее къ русскому церковному пѣнію? Поэтому не безъ основанія нѣкоторые думаютъ, что древне-русскіе пѣвцы и составители церковныхъ пѣснопѣній, при недостаточности спеціальной пѣвческой подготовки, не только не руководствовались въ своей практикѣ теоріей греческаго осмогласія, но едва-ли съ нею были и знакомы. При положеніи же на гласъ новаго церковнаго текста они просто брали характерныя, типическіе, для каждаго гласа, музыкальные обороты или цопѣвки и затѣмъ уже, комбинируя ихъ соотвѣтственно своему художественному вкусу, прилагали ихъ къ новому тексту.

Но если точка зрѣнія протоіерея Разумовскаго на происхожденіе нашихъ гласовъ и не признается въ настоящее время правильною, то большинство его научныхъ выводовъ является путеводной нитью для современныхъ историковъ церковнаго пѣнія въ ихъ археологическихъ изысканіяхъ.

Лучшей характеристикой Д. В. Разумовскаго и какъ ученаго, и какъ человека служитъ его отношеніе къ одному изъ критиковъ его „Церковнаго пѣнія въ Россіи“.

Съ 1870—94 г.г. въ Москвѣ проживалъ пзвѣстный писатель по вопросамъ древней музыки Юрій Карловичъ Арнольдъ ¹⁾. Это былъ хорошій музыкантъ, теоретикъ и му-

¹⁾ Подробнѣе о немъ см. нашу статью: „Памяти Ю. К. Арнольда“ Музыка и пѣніе, 1908 г. № 1.

зыкальный критикъ. Ему принадлежитъ рядъ ученыхъ трудовъ по исторіи церковнаго пѣнія, которые, свидѣтельствуя о широкой эрудиціи автора, обширномъ знакомствѣ его съ средневѣковою музыкальною литературою, не могли однакоже равняться по своимъ научнымъ достоинствамъ съ произведеніями Д. В. Разумовскаго. Тѣмъ не менѣе Ю. К. Арнольдъ отнесся къ труду о. Разумовскаго: „Церковное пѣніе въ Россіи“, съ особенной критической строгостью и въ своихъ публичныхъ лекціяхъ: „объ историческомъ происхожденіи, мелодическомъ значеніи и акустическомъ устройствѣ нашего древне-церковнаго осмогласія“, отозвался о немъ довольно рѣзко. На этихъ лекціяхъ присутствовали и самъ о. Разумовскій, по адресу котораго были направлены ѣдкія стрѣлы строгаго критика. Что же о. Разумовскій? Выступилъ съ апологіей своихъ трудовъ? Написать ругательную отвѣдь своему критику? Нѣтъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этихъ лекцій онъ самъ явился въ квартиру Арнольда, предложилъ ему свою дружбу и поддержку въ его работахъ по изученію православно-русскаго церковнаго пѣнія. И съ тѣхъ поръ сдѣлался руководителемъ Ю. К. Арнольда въ его ученыхъ трудахъ: снабжалъ его собранными имъ копіями съ рѣдкихъ древнихъ рукописей, дѣлился сдѣланными имъ выписками изъ нихъ. Какъ большой знатокъ греческаго языка, Д. В. Разумовскій помогать новому другу своими разъясненіями древнихъ греческихъ авторовъ и, наконецъ, онъ же издалъ на свои собственные средства книгу Арнольда о церковномъ пѣніи, снабдивъ ее весьма лестнымъ для автора отзывомъ.

Такъ могъ поступить съ своимъ литературнымъ противникомъ только человекъ высокихъ душевныхъ качествъ и необыкновеннаго благородства. Объ его рѣдкой добротѣ свидѣтельствуешь и покойный директоръ Московской Консерваторіи Н. Рубинштейнъ, который не разъ говаривалъ: „намъ все равно, сколько не платить батюнкѣ (Д. В. Разумовскому), потому что гонораръ за свои профессорскія занятія онъ оставитъ у насъ же въ пользу недостаточныхъ учениковъ“¹⁾.

Окидывая взоромъ всю жизнь и дѣятельность прото-

¹⁾ Душенпол. Чтеніе, 1890 г. I, 131 стр.

іерея Дмитрія Васильевича Разумовскаго, не знаешь, предъ кѣмъ больше преклоняться: предъ о. Фазумовскимъ, какъ ученымъ, или какъ человѣкомъ рѣдкой доброты. Его археологическія изысканія, являясь точной отправленіемъ для позднѣйшихъ работъ въ этой области, оказали и современнымъ композиторамъ громадную услугу, открывъ предъ ними новый источникъ для вдохновенія и чисто русскія основанія для ихъ творчества. „Цвѣтъ русскаго искусства, говоритъ С. А. Рачинскій, впереди. Вся громадная художественная работа Россіи въ XIX вѣкѣ—работа подготовительная. Вся эта дивная выработка языка, все эти тонкости музыкальной и живописной техники, все это глубокое усвоеніе народныхъ формъ творчества, вся эта горячая искренняя живость въ изложеніи, все, что восхищаетъ насъ съ дѣтства и начинается удивлять Европу, все это лишь драгоценный матеріалъ, изъ котораго будетъ воздвигнуто величавое зданіе русскаго искусства XX вѣка“¹⁾).

Надъ возведеніемъ этого зданія трудились и трудятся много работниковъ, но среди нихъ ярко выдѣляется образъ *протоіерея Дмитрія Васильевича Разумовскаго*, который всю свою жизнь провелъ надъ собираніемъ, изученіемъ и систематизаціей матеріаловъ по исторіи древне-русскаго церковнаго пѣнія, послужившихъ фундаментомъ для церковной музыки будущаго.

Н. Соловьевъ.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Выписка изъ отчета о дѣятельности Основянскаго миссіонерскаго кружка ревнителей Православія за 1909 г.

Въ противовѣсъ штундо-баптизму и его пропагандѣ, въ с. Основѣ 4 января 1909 г. состоялось торжественное открытіе религіозно-нравственнаго миссіонерскаго кружка ревнителей Православія. Цѣль его слѣдующая:

1) миссіонерская — укрѣпленіе православныхъ чадъ Церкви въ преданности православної Церкви, огражденіе

¹⁾ Смоленскій—О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ 119 стр. 1901 г.

ихъ отъ сектантскихъ соблазновъ и вразумленіе и возвращеніе въ лоно православной Церкви заблудившихъ чадъ ея;

2) религіозно-нравственная—согласованіе жизни христіанъ съ евангельскими завѣтами;

3) благотворительная—оказаніе матеріальной помощи бѣднымъ прихода.

Открытіе кружка совершено было епархіальнымъ миссіонеромъ прот. Т. И. Буткевичемъ въ сослуженіи помощ. миссіонера свящ. Черкесова и еще 3-хъ священниковъ, причемъ о. Буткевичемъ и Черкесовымъ были сказаны прочувствованныя поученія, произведшія самое сильное впечатлѣніе на народъ.

Въ члены ревнителей того же числа записалось 97 человекъ.

Дѣятельность кружка сводится къ тому, чтобы, сгруппировавшись около приходскаго пастыря, составить изъ себя кружокъ ревностныхъ сотрудниковъ его, а въ дальнѣйшемъ—образовать изъ себя такъ называемую миссіонерскую дружину, владѣющую полемическими познаніями и простымъ апологетическимъ матеріаломъ. Для достиженія этой цѣли священ. Мих. Клячновымъ и Монс. Петровымъ были проведены чисто миссіонерскія бесѣды на слѣдующія темы:

1) 11 января—объ источникахъ христіанскаго вѣроученія (свящ. Писаніе и свящ. Преданіе);

2) 18 января—несостоятельность баптистическаго ученія объ оправданіи одною вѣрою;

3) 1 февраля—о постахъ;

4) 8 февраля—о таинствѣ причащенія;

5) 15 февраля—о судѣ Церкви надъ грѣшниками (объ анаемѣ);

6) 22 февраля—о книжникахъ и фарисеяхъ (по 28 гл. Матѣ.);

7) 1 марта—объ иконахъ;

8) 8 марта—о почитаніи св. креста;

9) 15 марта—о христіанскомъ священствѣ;

10) 12 апрѣля—о поминовеніи умершихъ (послѣ поминокъ на кладбищѣ);

11) 19 апрѣля—о христіанской личной святости;

12) 26 апрѣля—о святости Церкви и возможности существованія въ ней грѣшниковъ;

- 13) 3 мая—о храмахъ Божіихъ:
- 14) 10 мая—о молитвенномъ призываніи Святыхъ угодниковъ Божіихъ:
- 15) 17 мая—о поклоненіи Богу духомъ:
- 16) 24 мая—о таинствѣ миропомазанія и покаяніи:
- 17) 31 мая—о таинствѣ елеосвященія по Слову Божію (и благодарственный молебенъ Господу Богу по случаю окончанія бесѣды).

Всеѣ эти бесѣды, какъ показываютъ числа, велись по воскреснымъ днямъ съ трехъ часовъ дня до вечерни въ помѣщеніи театра народнаго или въ церк. приходской школѣ; они начинались и сопровождались обще-народнымъ пѣніемъ доступныхъ молитвъ и пѣснопѣній. Предъ началомъ бесѣды обязательно прочитывалось и объяснялось воскресное евангеліе. Члены кружка старались запомнить, а нѣкоторые изъ нихъ отмѣчали въ евангеліяхъ мѣста, пререкаемыя сектантами и соотвѣтствующія на нихъ возраженія.

Тутъ-же предлагались слушателямъ и разъяснялись имъ разные миссіонерскіе вопросы и разсѣвались вкрапившіяся въ ихъ душу релігіозныя сомнѣнія, навѣяныя сектантскими кривотолками. По окончаніи бесѣды, а иногда даже и послѣ вечерни, нѣкоторые члены кружка докладывали священнику о дѣйствіяхъ сектантовъ за недѣлю въ приходѣ, ихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ ними, а также и о результатахъ таковыхъ бесѣды.

Выполняя первую и главную свою задачу—вразумленіе и возвращеніе въ лоно православной церкви заблудившихъ членовъ, Основянскій миссіонерскій кружокъ стремился этого достигнуть еще путемъ собесѣдованій публичныхъ и частныхъ бесѣды съ сектантами.

Такія бесѣды велись помощникомъ епархіальнаго миссіонера священникомъ о. В. Черкесовымъ 8 февраля о почитаніи св. иконъ и 12 февраля о почитаніи св. креста, въ присутствіи преосвященнаго Евгенія. На этихъ бесѣдахъ выступали и сектантскіе начетчики.

18 Февраля въ квартирѣ священника Клячнова состоялась бесѣда мисс. Черкесова съ Основянскимъ адвентистомъ кр. Иваномъ Катунинимъ о безсмертіи души и празднованіи субботы, въ присутствіи многихъ членовъ кружка ревнителей православія.

Послѣ лѣтняго перерыва, 1-го октября, миссіонерскій кружокъ снова возобновилъ свою дѣятельность. Были повторены вышеуказанныя бесѣды, при чемъ обнаружилось, что нѣкоторые члены кружка нѣсколько уже ознакомились съ толкованіемъ и защитой пререкаемыхъ мѣстъ Священнаго Писанія. Они проникаютъ въ дома сектантовъ, вступаютъ съ ними въ полемику при каждомъ удобномъ случаѣ и записываютъ всѣ возраженія сектантовъ и на бесѣдахъ предлагаютъ эти записки священнику для объясненія ихъ.

Всѣхъ этихъ бесѣдъ чисто миссіонерскаго характера произведено было за годъ 36.

Преслѣдуя наконецъ цѣль оказанія матеріальной помощи бѣднымъ прихода, нѣкоторые члены кружка вступили въ число членовъ Основянскаго приходскаго попечительства и сдѣлали уже 3-хъ рублевый годовой взносъ.

В. Ч.

Съѣздъ духовенства четырехъ благочинническихъ округовъ Харьковской епархіи.

4 февраля н. г., съ разрѣшенія и благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Владыки нашего, въ сл. Александровкѣ Валковскаго уѣзда состоялся съѣздъ духовенства четырехъ благочинническихъ округовъ: 1-го округа Валковскаго уѣзда, 2-го округа Харьковскаго уѣзда, 1-го и 2-го округовъ Богодуховскаго уѣзда, исключительно съ миссіонерской цѣлью. На собраніе прибыли четыре благочинныхъ: протоіерей А. Н. Новскій, священники: А. Н. Вертеловскій, П. С. Ѳедоровскій и Ѳеодоръ Вергунъ, 21 приходскихъ священниковъ, одинъ діаконъ и два псаломщика. За болѣзнь епархіальнаго миссіонера (умершаго 8 февраля) представителемъ отъ епархіальной миссіи былъ помощникъ миссіонера Ѳеодоръ Сулима.

Сужденія и рѣшенія по миссіонерскимъ дѣламъ начались и закончились молитвой. 3 февраля соборно совершено было всенощное бдѣніе, 4-го божественная литургія съ молебномъ и вечеромъ торжественная вечерня. За каждымъ изъ богослуженій и послѣ нихъ для удовлетворенія духовной жажды народа помощникъ миссіонера говорилъ поуче-

нія и предлагалъ собесѣдованія. На всеобщей послѣ канонизмъ было произнесено поученіе о смыслѣ и цѣли жизни на текстъ: „живу не къ тому азъ, но живу въ мнѣ Христосъ“ (Гал. 2, 20), послѣ всеобщей—бесѣда о видимыхъ признакахъ избраннаго народа Божія (Иезек. 37, 26—28), св. храмахъ и св. иконахъ, за литургіей—миссіонерское поученіе о священствѣ и послѣ вечерни—бесѣда о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ.

Засѣданіе духовенства продолжалось съ 9¹/₄ часовъ утра и до 3¹/₂ по полудни съ однимъ небольшимъ перерывомъ; на этомъ засѣданіи были сужденія по слѣдующимъ вопросамъ: 1) о мѣстѣ для публичныхъ собесѣдованій съ сектантами, 2) въ какое время дня устраивать собесѣдованія, 3) кому открывать собесѣдованія, 4) о способахъ веденія собесѣдованій и 5) обстоятельно было разобрано православное ученіе о Церкви и тѣ возраженія, какія дѣлаютъ по сему предмету сектанты. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ вызвало самыя оживленныя обмѣны мыслей и послѣ всеобщаго обсужденія ихъ духовенство пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: въ виду того, что сектанты своимъ поведеніемъ часто оскорбляютъ святость храмовъ, производятъ собесѣдованія въ школахъ и только въ крайнемъ случаѣ въ храмахъ, принимая предварительно мѣры къ соблюденію здѣсь благочинія. Время для собесѣдованій зависитъ отъ мѣстныхъ условій, но по возможности не слѣдуетъ доводить собесѣдованія до поздняго вечера. Начинать собесѣдованіе удобнѣе приходскому священнику хотя краткой рѣчью, и затѣмъ уже выступать въ собесѣдованіе миссіонеръ. Что касается самаго способа веденія собесѣдованій, то относительно этого пришли къ такому рѣшенію: въ виду того, что слушателями въ больномъ количествѣ являются православные, желательнѣе было бы, чтобы миссіонеры сначала ясно и кратко излагали все ученіе православной церкви о томъ или иномъ предметѣ вѣры и затѣмъ уже вступали въ собесѣдованіе съ сектантами. Такой способъ духовенство нашло наиболѣе цѣлесообразнымъ и правильнымъ, такъ какъ при такомъ способѣ православные скорѣе всего поймутъ нелѣпность возраженій сектантовъ.

При разсмотрѣніи ученія о Церкви сильныи интересъ и обмѣны мыслей вызвали вопросы о трехчинной іерархіи

и о святости членовъ церкви (1 Петра 2 глава). При выясненіи этихъ вопросовъ духовенство раздѣлилось на двѣ части: одна часть дѣлала возраженія отъ лица сектантовъ, а другая защищала православное ученіе. Много было прочтано и разобрано выдержекъ изъ журнала „Бабтистъ“, „вѣроученія бабтистовъ“ и изъ Твореній св. Отецъ.

Настоящее собраніе духовенства свидѣтельствуесть о томъ, что оно воспрянуло въ защиту православія отъ наплыва множества лжеученій. И нельзя не отмѣтить того особенно отраднаго и давно желаннаго явленія, что всѣ члены этого почтеннаго собранія отличались искренностью и чистосердечіемъ, не было замѣтно гордости и тщеславія, но всѣ имѣли какъ бы одинъ духъ и одно сердце (Дѣян. 2, 1 и 42; 1, 14). Дай Богъ, чтобы этотъ съѣздъ духовенства легъ въ основу подобныхъ съѣздовъ къ общему объединенію всей нашей духовной семьи на благо св. Православной Церкви.

По устройству этого съѣзда много потрудились священники о Петръ Житко—Базилевичъ, о. Димитрій Сукачевъ и управляющій имѣніемъ г. Духовскаго Иванъ Александровичъ Зименко, коимъ съѣздъ выразилъ свою благодарность.

Дай Богъ, чтобы подобный съѣздъ былъ не послѣдній.
Помощникъ миссіонера, священникъ *Оеодоръ Сулима*.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Прощаніе духовенства Харьковской епархіи съ митрофорнымъ протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ, по случаю вторичнаго избранія его членомъ Государственнаго Совѣта и отъѣзда на постоянное жительство въ С.-Петербургъ.

Государственныя и общественныя смуты и нестроенія всегда, какъ свидѣтельствуесть исторія, выдвигаютъ изъ среды общества лицъ, выдающихся своими дарованіями и самоотверженною дѣятельностью на пользу отечества. Св. Русь, уже шестой годъ терзаемая этими смутами и нестроеніями, такъ же, какъ и въ старину, являетъ намъ замѣчательныхъ дѣятелей и самоотверженныхъ борцовъ. Исконныя, вѣками освященныя начала русской жизни—православіе, самодер-

жавіе и русская народность,—шестой годъ попяраемыя насадителями чуждаго намъ парламентаризма, соединеннаго съ религіозно-нравственнымъ произволомъ, униженіемъ и даже совершеннымъ уничтоженіемъ русской національности и русской самобытной культуры. слава Богу, находятъ себѣ защитниковъ въ лицѣ многихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, которые въ общей смутѣ не потеряли яснаго и твердаго взгляда на то, что спасало и спасеть Россію, что возвеличить ее и поставить на пьедесталь, на которомъ она должна стоять—наша великая, православная, святая родина. Къ числу такихъ лицъ, богатыхъ природными дарованіями, съ ясными и твердыми взглядами на прошлое, настоящее и будущее Россіи, принадлежитъ митрофорный протоіерей, профессоръ и докторъ богословія, членъ Государственнаго Совѣта Тимофей Ивановичъ Буткевичъ, который на самыхъ первыхъ порахъ, какъ только началась русская смута, сталъ въ ряды смѣлыхъ общественныхъ дѣятелей—защитниковъ нашей мятущейся родины отъ иноземныхъ, чуждыхъ намъ, основъ жизни общественной и государственной. Когда въ реформированный Государственный Совѣтъ въ 1906 году надо было бѣлому духовенству всей Россіи избрать изъ своей среды трехъ представителей, то Харьковская епархія, нѣкоторыя смежныя съ ней и даже одна изъ сѣверныхъ епархій не задумались надъ тѣмъ, кого послать въ это высшее государственное учрежденіе. Избранъ былъ о. Тимофей Буткевичъ, который получилъ избирательныхъ голосовъ гораздо больше двухъ другихъ кандидатовъ, утвержденныхъ Св. Синодомъ въ званіи членовъ Государственнаго Совѣта отъ бѣлаго духовенства. Такъ популярно имя о. Тимофея даже за предѣлами его родной епархій! Избиратели не ошиблись: цѣлыхъ три года стойкій и мужественный голосъ о. Тимофея на пользу св. Церкви и родины раздавался въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ прошломъ 1909 году, по окончаніи весенней сессіи, о. Тимофей выбылъ изъ состава Совѣта, по жребію, и хотѣлъ было все свои силы, знанія и дарованія посвятить на пользу родной епархій въ должности епархіальнаго миссіонера, которую онъ занялъ за годъ (1908 г. 2 апр.) до окончанія своей дѣятельности въ Государственномъ Совѣтѣ. Но предположеніямъ о. Тимофея не суждено было исполниться: онъ снова былъ избранъ бѣлымъ духовенствомъ въ члены Государственнаго Совѣта и утвержденъ Св. Синодомъ въ этомъ званіи на 9 лѣтъ. Для блага св. Церкви и повинувась Промыслу Божию, о. Тимофей послѣ сильной внутренней борьбы рѣшилъ оставить родную епархію и должность епархіальнаго миссіонера и переселиться на постоянное жи-

тельство въ С.-Петербургъ. Это рѣшеніе о. Тимофея стало известнымъ въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года предъ самымъ отъѣздомъ его въ С.-Петербургъ послѣ кипучей, многосложной и энергичной миссіонерской дѣятельности въ родной епархіи. Вѣсть, что о. Т. Буткевичъ—гордость родного края и незамѣнимый руководитель епархіальной миссіи—навсегда оставляетъ Харьковъ, быстро облетѣла всю епархію отъ края до края... Все духовенство, какъ одинъ человѣкъ, во главѣ съ своими Архипастырями, рѣшило чествовать о. Тимофея предъ окончательнымъ его отъѣздомъ со всеѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ въ далекую столицу, на нелегкіе подвиги защитника и печальника со всеѣхъ сторонъ обуреваемой св. православной церкви и страждущей, мятущейся дорогой родины.

Чествованіе о. Тимофея состоялось 30-го декабря въ зданіи мѣстной духовной семинаріи и представляло собой нѣчто грандіозное и небывалое въ жизни духовенства Харьковской епархіи. Къ двумъ часамъ дня въ квартиру о. Ректора собрались представители всеѣхъ духовныхъ учрежденій епархіи: градскіе и окружные благоточинные, члены мѣстной консисторіи и миссіонерскаго совѣта, предсѣдатели миссіонерскихъ братствъ и кружковъ, члены епархіальной миссіи, члены Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта, инспекторъ и преподаватели семинаріи, предсѣдатель Совѣта и начальница епархіальнаго женскаго училища, смотрители духовныхъ училищъ, старосты градскихъ церквей, приходскіе священники г. Харькова, много священниковъ изъ уѣздовъ епархіи во главѣ съ настоятелями уѣздныхъ соборовъ, много градскихъ діаконовъ и др. лица. Ровно въ 2 часа прибылъ Его Высокопреосвященство Архіепископъ Арсеній въ сопровожденіи Его Преосвященства Епископа Сумскаго Василія ¹⁾ Владыка былъ встрѣченъ о. ректоромъ семинаріи и градскими благоточинными.

¹⁾ Къ этому времени въ покояхъ о. ректора Семинаріи собрался слѣдующій многочисленный сонмъ родныхъ, почитателей и бывшихъ сослуживцевъ о. Тимофея: супруга о. Тимофея Антонина Порфиріевна, г. епарх. наблюд. церк. школъ В. Ф. Давыденко съ супругой Софіей Тимофеевной, жена инспектора нар. уч. Елона Тимоѣ. Доброславская, Сергій Тимоѣ. Буткевичъ, ректоръ дух. Сем. прот. Алексій Мих. Юшковъ, его супруга С. Г. Юшкова, начальница епарх. женск. уч. Евгенія Ник. Гейцыгъ, прот. І. П. Знаменскій, проф. богословія Харьк. унив. прот. Н. С. Стеллецкій, почетный гость Вл. Нв. Кривцовъ съ супругой Анной Александровной Кривцовой, смотритель Харьк. дух. училищ. А. А. Снегиревъ, кафедр. протоіерей о. Стефанъ Любичкій, ключарь кафедр. собора прот. Іоаннъ Гончаревскій съ су-

Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній краткой, но глубокопрочувствованной рѣчью открылъ чествованіе о. Тимоѳея. Миститый владыка высказалъ искреннее желаніе всего Харьковскаго градскаго и епархіальнаго духовенства и всѣхъ духовныхъ учрежденій епархіи чествовать протоіерея Тимоѳея Ивановича Буткевича предъ отъѣздомъ его изъ Харькова къ новому высокому мѣсту служенія св. Православной вѣрѣ и родинѣ. Затѣмъ отъ Харьковскаго епархіальнаго миссіонерскаго Совѣта под-

ругой Валентиной Ивановной, члены консисторіи: прот. В. Горностаѣвскій, прот. П. Фоминъ, прот. А. Балановскій, прот. В. Добровольскій, членъ Госуд. Думы прот. А. Станиславскій, благочинные г. Харькова: свящ. Д. Поновъ и свящ. П. Вишняковъ, инспекторъ классовъ епарх. женск. уч. прот. І. Котовъ, благочинные епархіи: прот. А. Новскій, прот. А. Павловъ, прот. С. Кохановъ, прот. І. Дмитріевъ, свящ. В. Любчинскій, свящ. А. Вертеловскій, свящ. Ф. Юшковъ, свящ. А. Гончаревскій, свящ. М. Пономаревъ, свящ. І. Малиженевскій, свящ. І. Браиловскій, инспекторъ дух. сем. Н. Н. Страховъ, преподаватели сем.: А. Ф. Вертеловскій, С. Н. Пономаревъ, С. П. Фоменко, М. В. Добронравовъ, Н. В. Гогинъ, І. К. Корнѣенко, П. Ф. Кратировъ, С. П. Чистосердовъ, врачъ дух. сем. В. А. Рубинскій, префекція М. С. Ведринскій и церк. староста Я. В. Сѣрый; секретарь его высокопреосвященства В. П. Смирнскій; церк. старосты церкви г. Харькова: П. А. Коваленко, Г. А. Спичковъ, Д. Ф. Офицеровъ; протоіереи церквей г. Харькова: о. Николай Любарскій, о. Павелъ Григоровичъ, о. Панкратій Ивановъ, о. Василій Ветуховъ, о. Андрей Любарскій, о. Петръ Тимоѳеевъ, о. Георгій Чеботаревъ, о. Петръ Мигулинъ, о. Іоаннъ Федоровскій, о. Николай Гутниковъ, о. Петръ Полтавцевъ, о. Николай Соколовскій, о. Василій Поновъ, о. Григорій Виноградовъ; законоучители: 1-й Харьк. гимназій прот. Павелъ Солнцевъ, 4-й свящ. А. Бурговъ, 1-го реальн. учил. свящ. І. Дмитріевскій, института благор. дѣвиць свящ. П. Грома; епарх. миссіонеръ свящ. В. Черкесовъ, помощ. миссіонера свящ. Ф. Сулима; свящ. г. Харькова: о. Леонидъ Твердохлѣбовъ, о. Василій Яновскій, о. Петръ Скубачевскій, о. Іоаннъ Иноковъ, о. Александръ Луценко, о. Николай Кратировъ, о. Стефанъ Крохатскій, о. Михайлъ Юшковъ, о. Василій Пономаревъ, о. Алексій Доброславскій, о. Маркіанъ Федоровскій, о. Іоаннъ Полицкій, о. Іоаннъ Приходинъ, о. Михайлъ Клячный, о. Моисей Петровъ, о. Сергій Уманцевъ, о. Михайлъ Фенендовъ, о. Іоаннъ Петровскій, о. Георгій Рудинскій, о. Іоаннъ Горанинъ, о. Николай Липскій, о. Андрей Жадаповскій, о. Алексій Жадановскій, о. Александръ Сокольскій, о. Сергій Посельскій, о. Алексій Оптовцевъ, о. Михайлъ Слуцкій, о. Павелъ Тимоѳеевъ, о. Никандръ Черпилевскій, о. Константинъ Дьяковъ, о. Николай Загоровскій, о. Николай Ястремскій, протоіакопъ кафедр. собора о. Василій Вербницкій; протоіереи и священники изъ уѣздовъ епархіи: прот. о. Гавріиль Бѣлоусовъ, прот. о. Іоаннъ Прокоповичъ,

несена была о. Буткевичу икона Спасителя, при чемъ председатель Совѣта Преосвященный Василій обратился къ отцу Тимоѳею съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

„Ваше Высокопреподобіе, Досточтимѣйшій Профессоръ, Протоіерей и дорогой незамѣнимый миссіонеръ о. Тимоѳей Ивановичь!

Епархіальный Миссіонерскій Совѣтъ весьма опечаленъ былъ извѣстіемъ о Вашемъ уходѣ не только изъ его состава, но и совсемъ изъ родной Вамъ Харьковской епархіи. Невольно каждый изъ насъ—членовъ Совѣта—задумывается, кто замѣнитъ Васъ и кто можетъ замѣнитъ Васъ?! Думы эти естественно обращаютъ взоры Совѣта ко Спасителю нашему Іисусу Христу съ твердымъ упованіемъ, что Онъ пошлетъ новаго достойнаго дѣлателя на ниву Свою... О Васъ же, дорогой соратникъ нашъ о. Протоіерей Тимоѳей Ивановичь, Миссіонерскій Совѣтъ постъ минутъ естественной печали и сѣтованій имѣеть всѣ основанія радоваться,—радоваться и за Васъ, и за всю нашу Русскую Православную Церковь, а слѣдовательно и за нашу Харьковскую епархію. Вы, дорогой о. Тимоѳей Ивановичь, переходите отъ насъ на служеніе въ Государственный Совѣтъ, гдѣ предрѣшаются вопросы по всѣмъ сторонамъ русской жизни и гдѣ естественно часто соприкасаются и съ Православною вѣрой, какъ одной изъ главныхъ историческихъ основъ русской жизни: тамъ же рѣшаются и вопросы о положеніи въ нашемъ государствѣ сектантовъ и раскольниковъ. Нужно-ли говорить, что „волки, расхищающіе овецъ стада Христова“, теперь у насъ на Руси проникли всюду и отъ нихъ не свободны даже самыя высокія вершины... При такихъ условіяхъ жизни нашей Церкви и нашего государства, какая почетная, высокая и отвѣтственная стража ввѣряется Вамъ, дорогой о. Протоіерей Тимоѳей Ивановичь! Какая здѣсь требуется чистота

прот. о. Петръ Мухня, свящ. о. Евгеній Пономаревъ, о. Парфеній Федоровъ, о. Александръ Церковничій, о. Василій Евецкій, о. Евлампій Соколовскій, о. Петръ Стефановъ, о. Михаэль Николаевскій, о. Менодій Крыжановскій, о. Павелъ Курокой, о. Платонъ Стаховскій, о. Дмитрій Яновскій, о. Іоаннъ Буткевичь, о. Дмитрій Шокотовъ, о. Григорій Шокотовъ, о. Александръ Инноковъ, о. Веніаминъ Толмачевъ, о. Федоръ Домничій, о. Сергій Косьминъ, о. Іоаннъ Филипповичь, о. Адрианъ Уманцевъ; діаконъ церквей г. Харькова: о. Іосифъ Олейниковъ, о. Іоаннъ Вознесенскій, о. Михаэль Чаворовъ, о. Стефанъ Кіенко, о. Евгеній Архангельскій, о. Михаэль Богославскій, о. Хрисанфъ Цыльшевъ, о. Николай Сокольскій, о. Іаковъ Доброславскій, о. Георгій Коробчанскій, о. Павелъ Неоктистовъ, о. Теофанъ Чернявскій; харьковскій купецъ Д. П. Леоновъ.

сердца, какой свѣтлый умъ, какая святая воля и какое близкое общеніе со всѣми архипастырями, пастырями и мірянами всей Русской Церкви!

По истинѣ стоять и удержаться на такой высотѣ возможно только при непрестанномъ тѣснѣйшемъ общеніи съ Главою нашей (Святой Православной Церкви нашимъ Спасителемъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Въ знакъ этого Вашего единенія съ Іисусомъ Христомъ и нашего съ Вами молитвеннаго общенія Епархіальный Миссіонерскій Совѣтъ и проситъ Васъ, дорогой о. Протоіерей Тимоѳей Ивановичъ, принять отъ него эту святую икону Господа Нашего Іисуса Христа!“ При этомъ Владыка Василій благословилъ о. Тимоѳея св. иконой.

Священникъ Маркіанъ Федоровскій.

(Продолженіе будетъ).

Юбилей 25-лѣтняго служенія въ священномъ санѣ священника слободы Алексѣевки, Валковскаго уѣзда, отца А. П. Пономарева.

(Окончаніе *).

По прочтеніи писемъ и телеграммъ всѣ присутствовавшіе духовенство и прихожане, были приглашены раздѣлить хлѣбъ-соль. За обѣдомъ произнесено было много тостовъ и охарактеризована была личность юбиляра со всѣхъ сторонъ его церковно-общественной и частной жизни. Первый тостъ произнесень былъ за Государя Императора и весь Царствующій Домъ самимъ юбиляромъ. Тостъ этотъ покрытъ былъ дружнымъ „ура“ и троекратнымъ пѣніемъ народнаго гимна.

Прот. А. Θ. Новскій произнесъ тостъ за Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія.

Чиновникъ особыхъ порученій при г. Губернаторѣ г. Дублянскій—за юбиляра.

Юбиляръ произнесъ тостъ за уѣздное духовенство.

Свящ. М. Бондаревъ произнесъ тостъ за единеніе духовенства и мірянъ.

Юбиляръ произнесъ тостъ за прихожанъ г.г. Дублянскихъ, по инициативѣ коихъ устроено было юбилейное торжество.

Миссіонеръ Черкесовъ отгвѣнилъ миссіонерскую дѣятельность юбиляра въ приходѣ.

Священники: М. А. Николаевскій, В. Василевскій, П. К. Курской въ своихъ горячихъ задушевныхъ рѣчахъ обрисовали дѣятельность А. П. съ различныхъ сторонъ. „Да здравствуетъ достойнѣйшій

* См. ж. „В и Р.“, от. Извѣстій и Замятокъ № 2 за 1910 г.

настырь, примѣрный церковно-общественный дѣятель, общій нашъ другъ о. Андрей Петровичъ!“—такъ закончилъ о. Курской свой тостъ, покрытый многократнымъ пѣніемъ „многая лѣта“.

Глубокопрочувствованную рѣчь сказалъ мѣстный народный учитель И. А. Левенко. „Когда я пришелъ въ эту школу, сказалъ онъ, она была залущена, имѣла неприглядный видъ... А. П. первый поднялъ мой духъ, приободрилъ меня, и благодаря ему я служу въ этой школѣ вотъ уже 20 лѣтъ. Онъ одинъ вселилъ въ меня „духъ бодръ“ и заставилъ работать, забывъ мысль объ уходѣ изъ этой школы. Много онъ добра сдѣлалъ для сей школы, но еще больше для школъ всего уѣзда. На земскомъ собраніи онъ когда-то прямо заявилъ: „я не хочу быть членомъ того учрежденія, которое мертво“. Да, онъ способствовалъ оживленію школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Съ тѣхъ поръ народная школа сдѣлала большіе шаги въ уѣздѣ. Мнѣ пріятно еще отмѣтить то обстоятельство, что А. П. безпрестанно работалъ на пользу единенія школы съ церковью. Я также грудью стоялъ и буду стоять за это великое дѣло! Церковь и школа—это два несокрушимые союзника! И когда школа въ союзѣ съ церковью, тогда она сильна принести государству и православію великую пользу. Здѣсь, въ этомъ союзѣ, спасеніе нашего отечества! Да! мы поняли теперь, поняли это, мы оцѣнили такихъ дорогихъ работниковъ, какъ отцы Пономаревы! Мы идемъ, отцы, къ вамъ на встрѣчу. Протяните намъ руку своей помощи. Соединимся въ тѣсномъ союзѣ на борьбу съ врагами церкви и отечества!“

Много и другихъ прекрасныхъ рѣчей, пожеланій и оцѣнокъ пастырской и церковно-общественной дѣятельности было высказано участниками юбилейнаго торжества. Всѣмъ хорошо чувствовалось у гостепріимнаго и радушнаго хозяина. Поздно ночью стали уходить и уѣзжать гости, унося съ собой неизгладимое впечатлѣніе рѣдкаго торжества.

Да простить намъ однако скромный труженикъ—юбиляръ за нижеслѣдующія строки. Личность о. А. П. Пономарева—недюжинная. Въ поднесенныхъ ему адресахъ и произнесенныхъ въ день юбилея рѣчахъ не было ни капли преувеличенія. О. Пономаревъ несетъ такой тяжелый трудъ, какой далеко не каждому подъ силу. Въ настоящее время онъ проходитъ слѣдующія должности:

а) *По епархіальному ведомству*: 1) помощникъ благочиннаго; 2) членъ благочинническаго совѣта; 3) блюститель за преподаваніемъ З. В. въ народныхъ училищахъ; 4) членъ-дѣлопроизводитель Валк. уѣзднаго Отдѣленія Еп. учил. Совѣта; 5) членъ прав-

женія Харьковскаго духовнаго училища: 6) председатель Комиссіи по надѣленію церквей уѣзда казенной землею. 6) *По земству и народному образованію*: 7) гласный Валк. Земскаго собранія (15 лѣтъ); 8) членъ Валковскаго училищ. Совѣта; 9) членъ земскаго врачебнаго Совѣта; 10) членъ комиссіи земск. по назначенію стипендій на воспит. дѣтей земск. плательщиковъ въ учебн. заведеніяхъ; 11) членъ попечит. Совѣта Валк. жен. прогимн. отъ земства; 12) законоучитель Алексѣевскаго народн. училища; 13) законоучитель Княжедол. нар. училища; 14) завѣдующій и законоучитель Алекс. церковно-прих. школы; кромѣ того 15) состоитъ постояннымъ корреспондентомъ по сельск. хозяйству при Харьков. Земской Управѣ. Раньше А. П. Пономаревъ состоялъ въ должностяхъ: а) окружного наблюдателя церк. школъ, б) члена реорганизаціонно-ревизионн. комиссіи по назначенію епарх. начальства и избранію духовенства по Духов. Сярот. Приюту, Епарх. женск. училищу, Харьк. дух. семинаріи и Харьк. дух. училищу. Въ приходѣ А. П.: а) устроилъ колоколь. расширилъ храмъ и обнесъ его каменной оградой; б) устроилъ зданіе церк. школы; в) открылъ народн. библіотеку-читальню дух. вѣдомства и отъ комитета грамотности; г) ведетъ въ школьн. помѣщеніяхъ народныя чтенія съ свѣтовыми картинами; д) какъ гласный и членъ учил. Совѣта способствовалъ открытію въ приходѣ двухъ народныхъ училищъ, коихъ до него не было и пр. и пр.

Большаго требовать отъ сельскаго приходскаго пастыря, кажется, нельзя.

Итакъ, вслѣдъ за адресами, рѣчами и тостами, произнесенными 16 іюля въ Алексѣевкѣ, мы нравственно обязаны сказать: да пошлетъ Господь на ниву церкви Своей побольше такихъ полезныхъ и самоотверженныхъ тружениковъ-дѣятелей, какъ о.о. Пономаревы, и да сохранить ихъ на многая, многая лѣта!

(Священникъ В. А. Черкесовъ.

Памяти почившаго Харьковскаго епархіальнаго миссіонера Ваеилія Аввакумовича Черкесова († 8 февраля).

8 февраля н. г. Харьковская епархіальная миссія понесла тяжелую утрату: въ 12 часовъ 30 минутъ дня почилъ о Господѣ глубокоуважаемый многоопытный епархіальный миссіонеръ, священникъ Василій Аввакумовичъ Черкесовъ, 46 лѣтъ, отъ сыпного тифа. Смерть его была настолько неожиданна, что она поразила всѣхъ знавшихъ его и даже видѣвшихъ его на одрѣ болѣзни. Никто не могъ поду-

мать, что этотъ одръ болѣзнь будетъ для него и одромъ смерти. По истинѣ жизнь и смерть—въ рукахъ Божіихъ.

Уроженецъ Донской епархіи, отецъ Василій Аввакумовичъ Чересовъ началъ свое священническое служеніе въ родной ему епархіи. Глубоко сознавая великость и святость священническаго служенія вообще, въ особенности ревновалъ онъ о спасеніи заблуждающихся и недоумѣвающихъ. Съ перваго же года своего служенія полюбилъ онъ миссіонерское дѣло, въ которомъ видѣлъ свое призваніе, и скоро сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ журнала „Кормчій“—по отдѣлу „недоумѣнныхъ вопросовъ“. Изученію миссіонерскаго дѣла и сотрудничеству въ названномъ журналѣ о. Василій посвятилъ свои силы въ особенности тогда, когда, оставивъ мѣсто приходскаго священника и поступилъ священникомъ въ женскій Богодуховскій монастырь. Основательно и всесторонне подготовившись къ миссіонерскому дѣлу, о. Василій, наконецъ, выступилъ на тотъ путь, на который съ самаго начала указывало его призваніе,—на путь миссіонерской дѣятельности, сначала въ должности помощника миссіонера Харьковской епархіи, а съ 1 января сего 1910 года въ должности епархіальнаго миссіонера. Явившись пришельцемъ въ Харьковскую епархію, онъ скоро и самъ горячо полюбилъ здѣшнее духовенство, и своею простотою, сердечностью и энергіей расположилъ и къ себѣ духовенство и возбудилъ въ немъ любовь къ миссіонерскому дѣлу.

Заслуги о. Василя, какъ миссіонера, велики. Кромѣ миссіонерскихъ поѣздокъ по многимъ уѣздамъ, онъ велъ миссіонерскіе курсы для ревнителей православія въ г. Харьковѣ, устраивалъ кратковременные курсы для священниковъ Харьковскаго уѣзда. Съ курсами для священниковъ онъ особенно торопился, какъ будто чувствовалъ близость своей смерти и боялся, что оставитъ духовенство безпомощнымъ въ дѣлѣ миссіи...

Чувствуя недомоганіе, онъ все же работалъ, не покладая рукъ. Последняя, особенно большая и одушевленная бесѣда его была 31 января въ народномъ домѣ въ г. Харьковѣ. Въ этотъ же день онъ и слегъ въ постель, а 8 февраля отошелъ уже въ вѣчность.

Насколько онъ любилъ дѣло свое, насколько онъ былъ преданъ ему и какъ онъ радовался успѣху его, могутъ показать хотя слѣдующіе примѣры. Посѣщая почившаго во время его болѣзни, авторъ этой замѣтки говорилъ съ нимъ о текущихъ дѣлахъ миссіи, и онъ спрашивалъ: гдѣ я былъ, что сдѣлалъ и проч., и когда я сообщалъ

ему, онъ набожно крестился и говорилъ: „слава Богу, спасибо вамъ, работайте, трудитесь, а вотъ я встану, Богъ дастъ, и мы вдвоёмъ поработаемъ дружно“... Но не суждено было этой мечтѣ его осуществиться...

Погребеніе почившаго, въ виду заразнаго свойства болѣзни, совершено на другой день послѣ смерти, 9 февраля, на городскомъ Іоанно-Усѣкновскомъ кладбищѣ. Заупокойную литургію въ день погребенія совершалъ протоіерей Іоаннъ Павловичъ Знаменскій въ сослуженіи протоіерея Іоанна Левичкаго и помощника миссіонера священника Θεодора Сулимы. Самый чинъ погребенія соизволяли совершать Преосвященнѣйшій Василій Епископъ Сумскій, при участіи обоихъ благочинныхъ г. Харькова и двадцати градскихъ протоіереевъ и священниковъ. Торжественное служеніе Владыки съ сонмомъ священнослужителей, умиленный чинъ самаго погребенія, прекрасный хоръ пѣвчихъ, образцовый порядокъ, устроенный благочинными, неволью вызвали во многихъ молящихся молитвенныя слезы о почившемъ. Когда чинъ погребенія подходилъ къ концу и наступило время прощанія съ почившимъ, величественно и умиленно, со слезами на глазахъ, подошелъ Владыка ко гробу почившаго и отъ себя и всего духовенства обратился съ прощальнымъ словомъ. Плавно изъ глубины души изливалась вдохновенная рѣчь Архипастыря... слышны были тяжелые и сокрушенные вздохи близкихъ почившаго, плачь и рыданіе родныхъ ему: все это мольбы ко Господу объ упокоеніи души усопшаго. Затрудняемся передать подробно прощальную рѣчь Преосвященнѣйшаго Василя, еще труднѣе облечь ее въ тѣ выраженія, какія выходили отъ чистаго сердца. А посему приводимъ ее лишь въ приблизительномъ и краткомъ видѣ.

Дорогой собратъ нашъ отецъ Василій, такъ началъ свое слово Преосвященнѣйшій Василій: смерть твоя для всѣхъ насъ оказалась настолько неожиданной, что многіе изъ насъ и изъ мірянъ и тещерь еще совсѣмъ не знаютъ о ней, а потому одни ждутъ тебя для собесѣдованій, другіе увѣрены, что ты гдѣ либо открываешь миссіонерскіе кружки, или готовишь статью для журнала „Кормчій“, или радѣешь о спасеніи грѣшной, заблудшей души, бесѣдуя съ ней гдѣ либо въ частномъ домѣ, или въ залѣ за чтеніемъ: вѣдь ты еще 31 января при массѣ народа велъ бесѣду въ городскомъ домѣ. Вотъ почему тебя такъ мало окружаетъ народа, того народа, который въ громаднѣйшей массѣ всегда тебя окружалъ и слушалъ твое спасительное слово. Итакъ, дорогой собратъ, никто не думалъ и не ждалъ такой быстрой твоей кончины.

Но, видно, такъ угодно Господу Богу, и да будетъ Его святая воля.

Дорогой собратъ нашъ отецъ Василій, сейчасъ въ чинѣ погребенія, въ чтеніяхъ евангельскихъ, апостольскихъ, въ псалмахъ и пѣніяхъ и пѣняхъ духовныхъ мы вспомнили все вѣрованія, чаянія и упованія наши: съ болью въ сердцахъ мы вспомнили печальную участь грѣшнаго рода человѣческаго, но вспомнили также съ чувствомъ высокой радости и о величайшемъ, спасительномъ для рода человѣческаго событіи, сошествіи на землю Сына Божія и Его спасеніи всѣхъ ищущихъ Господа. Ко спасенію призываетъ Онъ всѣхъ. Для дѣла служенія Церкви Своей Господь поставилъ апостоловъ и ихъ преемниковъ. Къ этому дѣлу, дорогой собратъ, и мы съ тобой призваны. Дѣло наше великое и отвѣтственное, и кто изъ насъ дерзнетъ сказать, что онъ исполнилъ его, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ, все мы много согрѣшаемъ (Іак. 3, 2). Такъ ужъ мы немощны, и при всѣхъ трудахъ своихъ все же—мы рабы неключимые... Такимъ же несовершеннымъ дѣлательемъ на нивѣ Христовой считалъ себя и ты. Мы слышали сейчасъ твой голосъ, ты усиленно просишь насъ помолиться за тебя. Но, дорогой собратъ отецъ Василій, въ настоящую минуту между твоимъ состояніемъ и нашимъ есть различіе. Мы не знаемъ, каковыми мы окажемся въ служеніи нашемъ дальше, впереди, ты же доведи свое дѣло до конца: ты умерь на своемъ служеніи, положивъ за него твою жизнь; объ этомъ теперь громко свидѣтельствуешь голосъ Епископа, читавшаго разрешительную молитву, общій голосъ твоихъ соратниковъ и всѣхъ мірянъ. И въ самомъ дѣлѣ, дорогой собратъ отецъ Василій, не говоря уже о всемъ твоёмъ 22 лѣтнемъ пастырскомъ служеніи, скажу только о томъ, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ председатель Епар. Мис. Совѣта. Ты неутомимо, не давая себѣ отдыха и не щадя здоровья и силъ, поистинѣ подобно Апостолу Павлу, переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, всюду благовѣствовалъ евангеліе Царствія Божія, ревнуя о спасеніи заблудшихъ. И если ты трудился подобно Ап. Павлу, то мы твердо вѣримъ, что ждетъ тебя та участь, которую ждалъ Апостоль, когда сказалъ: *подвигомъ добрымъ подвизався, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ; прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ мнѣ Господь въ деньъ оный, праведный Судія; не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его* (2 Тиме. 4, 7—8). И этотъ „вѣнецъ правды“—вотъ твоя участь, вотъ что ждетъ тебя. Но нѣтъ человѣка, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ, много, конечно, и ты прегрѣпалъ въ жизни

твоей, и всѣ эти прегрѣшенія будутъ представлены тебѣ на твоёмъ пути къ Престолу Божію. Но, дорогой собратъ отецъ Василій, надѣйся на милосердіе Божіе и на молитвы насъ, твоихъ сослуживцевъ, и мірянъ, твоихъ духовныхъ дѣтей. Наши молитвы и вся Церковь земная и небесная своими молитвами укрѣпятъ тебя. Гряди же, дорогой собратъ отецъ Василій, ко Престолу Божію, и мы надѣемся, что услышишь ты голосъ Господа Бога: *добръ, рабе благий и вѣрный, о малъ быль еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего* (Мѡ. 25, 21).

Послѣ прощанія, при пѣніи прмосовъ „Помощникъ и Покровитель“... гробъ былъ отнесенъ священнослужителями на могилу...

Послѣ смерти о. Василя Аввакумовича Черкесова остались жена и трое учащихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Миръ праху твоему, честный труженникъ на нивѣ Христовой!

Помощникъ миссіонера, священникъ *Теодоръ Сурмина*.

Иноепархіальный отдѣлъ.

О прославленіи Святителя Іоасафа (Горленко).

Въ Курской епархіи дѣятельно готовятся къ прославленію Бѣлгородскаго Святителя Іоасафа. Начатое по распоряженію Св. Синода обслѣдованіе случаевъ молитвеннаго предстательства предъ Богомъ Святителя Іоасафа въ настоящее время приведено комиссіей къ концу и вся переписка по этому дѣлу представлена въ Св. Синодъ. Всѣхъ чудесныхъ случаевъ молитвеннаго предстательства предъ Господомъ Святителя Іоасафа изслѣдовано 51. По даннымъ изслѣдованія комиссія вынесла глубокое убѣжденіе въ святости Святителя Іоасафа и въ томъ, что угодникъ Божій со дня своей блаженной кончины и въ настоящее время не оставляетъ свою помощь всѣхъ съ вѣрою къ нему притекающихъ. (Курск. Еп. Вѣд.).

Ходатайство Митрополита Флавіана.

Митрополитъ кіевскій и галицкій высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ обратился къ начальнику края съ просьбой о повсемѣстномъ, въ предѣлахъ Кіевской губ., воспрещеніи ярмарокъ въ воскресные

и праздничные дни и о перенесеніи таковыхъ на будни. Просьба эта вызвана ходатайствами ряда сельскихъ причтовъ, ссылающихся на развращающее вліяніе, оказываемое на населеніе допущеніемъ ярмарокъ въ праздничные дни. Ходатайства сельскаго духовенства признаны заслуживающими уваженія и со стороны кievскаго епископскаго совѣта.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Комета Галлея.

Комета Галлея получила свое названіе отъ имени открывшаго ее англійскаго астронома Галлея (1682 г.) и представляетъ собою неслучайное явленіе, а—постояннаго члена солнечнаго царства. Она бываетъ видима черезъ каждыя 75 лѣтъ. Въ текущемъ году она будетъ видима для простаго (не вооруженнаго телескопомъ) глаза съ конца марта по утрамъ на востокъ, предъ восходомъ солнца: ко дню св. Пасхи она будетъ видима тамъ въ видѣ большой хвостатой звѣзды; 24 апрѣля она будетъ въ лучшихъ условіяхъ видимости. 5 мая она будетъ на наиболѣе близкомъ разстояніи къ землѣ. Последнее обстоятельство и порождаетъ разные толки объ опасности для обитателей земли. Но знаменитый французскій астрономъ Камилль Фламмаріонъ, запрошенный по этому вопросу, отвѣтилъ, что „въ настоящее время производятся тщательныя вычисленія, пока еще не законченныя, и приступлено къ спектральному анализу, съ цѣлью опредѣлить, имѣется ли цианистый газъ, который безусловно найденъ въ ядрѣ,—также и въ хвостѣ.

„Если хвостъ ея задѣнетъ насъ, мы погрузимся въ этотъ газообразный придатокъ, особый родъ свѣтящейся матеріи, крайне разряженной, и промчимся черезъ него, какъ пушечное ядро черезъ туманъ, со скоростью въ 106,000 километровъ въ часъ, въ то время, какъ сама комета будетъ мчаться со скоростью 170,000 километровъ“.

Но такъ ли ужъ опасенъ этотъ хвостъ? Извѣстный германскій астрономъ Вильгельмъ Мейеръ не видитъ въ предстоящемъ столкновеніи съ нимъ никакой опасности. „Несомнѣнно, что земля, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, будетъ купаться въ газахъ кометнаго хвоста, но это купаніе не принесетъ ей вреда. Дѣйствіе газовъ будетъ такое же, какимъ было бы дѣйствіе маленькой капельки синильной

кислоты, разлитой въ большомъ цѣрковомъ помѣщеніи, да еще при томъ условіи, что зрители находятся на разстояніи 10 метровъ отъ того опаснаго мѣста, гдѣ разлита кислота. Измѣренія, сдѣланныя различными обсерваторіями,—продолжаетъ Вильгельмъ Мейеръ,—показали, что газообразныя скопленія очень ослабляются уже на небольшомъ разстояніи отъ ядра. Значить, тѣ части хвоста, которыя коснутся земли, будутъ заключать въ себѣ только слѣды отравляющихъ газовъ.

Мы можемъ,—заканчиваетъ свою мысль германскій ученый,—спокойно уснуть въ ночь съ 18 на 19 мая н. с. Ничего особеннаго не произойдетъ. Возможно, что въ тотъ моментъ, когда земля будетъ закутана въ шлейфъ кометы, небо станетъ нѣсколько свѣтлѣе обыкновеннаго, и только". („Свѣточъ“).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ХУДОЖНИКЪ ЖИВОПИСИ,

окончившій С.-Петербургскую Академію Художествъ
мастерской профессора И. Е. Рѣпина,

АНИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ХОТУЛЕВЪ

принимаетъ на себя исполненіе иконъ въ иконостасѣ и одиночныхъ святыхъ разныхъ стилей: Древне-Греческій, Византійскій, Фрижскій, Итальянскій и т. д.

Иконы пишутся на полотнѣ, доскѣ, цинкѣ, мѣди, на золотыхъ чеканныхъ фонахъ съ эмалью, прозрачныя за престольныя на стеклѣ и полотнѣ.

Роспись стѣнной и орнаментной живописи, составленіе рисунковъ на иконостасы и кіоты, картины и портреты съ природы и съ фотографическихъ карточекъ, а также реставрація и промывка стѣнной и орнаментной живописи, картинъ, портретовъ и копіи картинъ и портретовъ съ извѣстныхъ художниковъ.

За роспись Новочеркасскаго Собора награжденъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II орденомъ Станислава 3-й степени.

Москва, Грохольскій пер., домъ Ходовой. Телефонъ № 235—97.

Книги проф. М. М. Таръева.

- Христосъ. (Основы христіанства т. I). Ц. 2 руб.
 Евангеліе. (Основы христіанства т. II). Ц. 2 руб.
 Христіанское міровоззрѣніе. (Основы христіанства т. III).
 Ц. 1 руб. 85 коп.
 Христіанская свобода. (Основы христіанства т. IV). Цѣна
 2 руб. 50 коп.
 Религіозная жизнь. (Основы христіанства—томъ дополни-
 тельный: Живыя души. Церковность. Проповѣдь. Плачъ „Основы
 христіанства“). Ц. 1 руб. 65 коп.

Книги продаются отдѣльно: каждая представляетъ законченное
 цѣлое. Пересылка каждаго тома 25 коп. Вышеуказанные вмѣстѣ 2, 3
 или 4 тома за пересылку платятъ 45 коп. (въ предѣлахъ перваго
 пояса), а вышеуказанные одновременно всѣ томы (10 руб.) за пере-
 сылку не платятъ. Въ виду многочисленныхъ запросовъ, авторъ
 согласенъ высылать полное собраніе своихъ сочиненій духовенству
 за плату въ разсрочку.

Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Московской губ.

„МУЗЫКА возвышенная, какъ выразительница лучшихъ
 душевныхъ чувствованій всегда имѣла и имѣетъ
 громадное значеніе въ жизни человѣка. Кому, какъ не музыкѣ, дана
 чудная власть пробуждать въ человѣкѣ его лучшіе инстинкты, на-
 страивать душу, обогащая ее духовными чувствами и впечатлѣніями.
 Трудно найти человѣка, которому не хотѣлось бы въ минуты радос-
 ти, тоски и печали излить въ музыкѣ волнующія чувства, отрѣ-
 шиться на время отъ неизменнаго дѣла и забыться то въ величаво-
 торжественныхъ, то въ грустно-минорныхъ аккордахъ, вознестись
 душою въ чистый міръ идеальнаго добра, гармоніи и красоты...“

„Горькій“ 29 янв. 1900 г.

ЛУЧШІЯ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ХОРОВЫХЪ СПѢВОКЪ, ДЛЯ ДУХОВНОЙ И
 СВѢТСКОЙ МУЗЫКИ

ФИСГАРМОНИИ

собственной фабрики въ ЛЕЙПЦИГѢ (амер. сист.) и лучш. заграничн. фабр.
 КАРПЕНТЕРЪ, ШИДМАЙЕРЪ въ 80, 100, 130, 150, 165, 190, 240, 275 руб.
 и дорожке.

Рояли ^{отъ 600} руб. и Піанино ^{отъ 375 р.} и дорожке. Граммофоны—Тонармъ
 новѣйшихъ моделей въ 18, 20, 25, 35, 55, 75 руб. и дор. ПЛАСТИНКИ
 свѣтскаго и духовнаго содержанія въ большомъ выборѣ.

ДУХОВНЫЕ ХОРЫ—Чудовской, Синодальной, Архангельскаго, Васильева и др.
 Полный иллюстрир. преисъ-курантъ № 61 и каталоги пластинокъ БЕЗПЛАТНО.

Для лицъ духовнаго званія допускается разсрочка платежа.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ,

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, домъ Захарьина. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 34.
 РИГА, Сарайная, 15.

При заказѣ или запросѣ прошу съсылаться на это объявленіе.

Журналь „ВБРА и РАЗУМЪ“ издається съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ различій, которыя усматриваются въ другихъ церквяхъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? — В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная аналогія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руоѣ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—„Чтенія по космологіи“. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истомино.